

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«РОССИЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ДРУЖБЫ НАРОДОВ»
ФАКУЛЬТЕТ ГУМАНИТАРНЫХ И СОЦИАЛЬНЫХ НАУК
Кафедра теории и истории международных отношений

PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA
HUMANITARIAN AND SOCIAL SCIENCES FACULTY
Theory and History of International Relations Chair

**СИТУАЦИЯ В АФГАНИСТАНЕ
И ФОРМИРОВАНИЕ
РЕГИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ
БЕЗОПАСНОСТИ
В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ**

**Материалы
IX Международной научной конференции**

Москва, 18 ноября 2016 г.

Москва
Российский университет дружбы народов
2017

УДК 372(51)(063)

ББК 66.4(54)

С41

НАУЧНЫЙ КОМИТЕТ МЕЖДУНАРОДНОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ:

Председатель –

зав. кафедрой ТИМО к.э.н., доцент *Д.А. Дегтерев*

Сопредседатели:

д.и.н., профессор кафедры ТИМО *М.А. Шпаковская,*

к.и.н., профессор *В.Г. Джангириян*

Рецензенты:

зав. кафедрой истории и политологии

Государственного университета управления

доктор исторических наук *С.П. Костриков;*

главный научный сотрудник Центра исследования общих проблем

современного Востока Института востоковедения РАН

доктор исторических наук, профессор *А.М. Хазанов*

С41 Ситуация в Афганистане и формирование региональной системы безопасности в Центральной Азии : материалы IX Международной научной конференции. Москва, 18 ноября 2016 г. / под ред. Д. А. Дегтерева, М. А. Шпаковской. – Москва : РУДН, 2017. – 164 с. : ил.

В сборнике представлены материалы IX Международной научной конференции «Ситуация в Афганистане и формирование региональной системы безопасности в Центральной Азии», организованной и проведенной кафедрой теории и истории международных отношений РУДН. На конференции рассматривался целый ряд актуальных вопросов, связанных с поисками путей по обеспечению безопасности как в Афганистане, так и в регионе в целом.

Для специалистов по истории международных отношений, регионоведению, внешней политики России, аспирантов, студентов.

The collection contains materials of the IX International Scientific Conference entitled "The situation in Afghanistan and the formation of regional security in Central Asia", organized by the Chair of Theory and History of International Relations of PFUR. A number of current issues connected to the searches for ways to ensure security, both in Afghanistan and in the whole region, were under analysis at the conference.

For specialists in history of the international relations, regional studies, foreign policy of Russia, graduate students, students.

ISBN 978-5-209-08380-1

© Коллектив авторов, 2017

© Российский университет

дружбы народов, 2017

АНАЛИЗ РЕГИОНАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ И АФГАНСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В РУДН

Дегтерев Д.А., Цвык В.А.*

Российский университет дружбы народов является лидирующим вузом в РФ, странах СНГ и БРИКС по показателям интернационализации. В Университете обучаются представители более чем 150 стран, что формирует особую кросс-культурную среду, влияющую как на образовательную, так и на исследовательскую деятельность. В самом деле, в процесс исследования того или иного регионального конфликта, как правило, вовлечены студенты, магистры и аспиранты из несколько стран-участниц данного конфликта. Это позволяет узнать о ситуации в зоне конфликта «из первых уст», более детально подойти к анализу мотивации всех основных субъектов конфликта [1].

С 2014 г. на кафедре теории и истории международных отношений (ТИМО) РУДН регулярно проводятся ситуационные анализы международных конфликтов и экспертные семинары, сформирована междисциплинарная методика анализа конфликтов [2].

Так, в 2014 г. прошел ситуационный анализ на тему «Африка пост-Кадафи: новая дуга нестабильности», в 2015 г. – на тему «Большой Ближний Восток: двадцать лет спустя (1994-2014)» [3], в 2016 г. – на тему «Конфликтный потенциал постсоветского пространства», а в 2017 г. – на тему «Американская стратегия сдерживания КНР и конфликтный потенциал АТР».

Среди основных региональных конфликтов, изучаемых кафедрой ТИМО РУДН, особое внимание

* **Дегтерев Д.А.** – заведующий кафедрой теории и истории международных отношений РУДН, к.э.н., доцент;
Цвык В.А. – декан факультета гуманитарных и социальных наук РУДН, д.филол.н., профессор.

традиционно уделяется ситуации в Афганистане. В ноябре 2017 г. уже в девятый раз пройдет конференция кафедры «Ситуация в Афганистане и формирование региональной системы безопасности в Центральной Азии», в работе которой традиционно принимают участие ведущих эксперты по Афганистану и сопредельным странам из институтов РАН, МГУ им. Ломоносова, РУДН, МГИМО МИД России, ВАГШ ВС РФ, РИСИ, других научных центров, специалисты-практики. Отличительной особенностью конференции является активное участие представителей афганской общественности, а также традиционное привлечение в формате телемоста зарубежных экспертов по Афганистану. Широко используются также количественные методы анализа политических процессов в стране и сопредельном регионе [4].

Материалы конференции нашли свое отражение в серии сборников научных работ [5,6], а также в публикациях Вестника РУДН. Серия: Международные отношения. Освещаются последствия ввода советских войск в Афганистан [7], эволюция движения «Талибан» [8], перспективы постконфликтного восстановления [9]. Также затрагивается проблематика исламистских движений [10, 11], в т.ч. в Центральной Азии [12] и роль ведущих мировых держав в противодействии им [13]. Особое внимание уделяется безопасности в сопредельных странах региона, в т.ч. в Индии [14], Пакистане [15,16] и Иране [17] в контексте борьбы с международным терроризмом.

Наконец, рассматривается и более широкий региональный контекст и перспективы формирования институтов коллективной безопасности в Евразии на основе ОДКБ и ШОС [18, 19], а также других региональных организаций и форумов [20, 21].

Научная литература

- [1] Дегтерев Д. А. Субъекты международных конфликтов нового поколения: атрибуты, иерархия, особенности моделирования // Власть, 2017. Том. 25. № 1. С. 117-125.
- [2] Комплексная междисциплинарная методика РУДН ситуационного анализа международных конфликтов: Учебно-методическое пособие / Под ред. Д.А.Дегтерева, В.Г.Джангирияна, В.А.Цвыка. – М.: РУДН, 2014. – 110 с.
- [3] Дегтерев Д.А., Савичева Е.М., Матева И.М. Динамический хаос, конфликты на Большом Ближнем Востоке и механизмы глобального управления в XXI веке (материалы Экспертного семинара и Ситуационного анализа РУДН) // Вестник РУДН. Серия «Международные отношения». 2015. № 3. С. 9-23.
- [4] Дегтерев Д.А. Количественные методы в международных исследованиях // Международные процессы. 2015. Т. 13. № 41. С. 35-54.
- [5] Ситуация в Афганистане и формирование региональной системы безопасности в Центральной Азии. Материалы VII научной международной конференции. Сост. М.А. Шпаковская, Д.А. Дегтерев. М.: РУДН, 2014. 385 с.
- [6] Ситуация в Афганистане и формирование региональной системы безопасности в Центральной Азии. V научная международная конференция. Сост. М.А. Шпаковская. М.: РУДН, 2012. 167 с.
- [7] Мелкумян Е.С. Ввод советских войск в Афганистан: причины и последствия // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2008. № 1. С.55-67
- [8] Карпачева О.В. История движения «Талибан» в системе международных отношений // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2003. № 1. С. 93-102.
- [9] Трунов Ф.О. Всеобъемлющий подход к постконфликтному восстановлению: опыт ФРГ в Афганистане // Вестник

Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2016. № 3. С.437-450.

[10] Кадырова К.А. Основные тенденции практического применения концепции джихада в начале XXI в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2014. № 3. С. 140-148.

[11] Karagiannis E. Islamist Perspectives on Energy Issues // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2015. № 3. С.22-29.

[12] Набиев Р.А., Шакиров И.Я. Ареалы активизации исламских фундаменталистских течений в постсоветских среднеазиатских государствах // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2015. № 3. С.83-90.

[13] Цвык А.В. КНР и ФРГ в современных международных отношениях (на примере Центрально-Азиатского региона) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2014. № 1. С. 70-77.

[14] Кашникова В.И. Роль религиозного фактора в контексте национальной безопасности Индии (на примере взаимоотношения индуистов и мусульман) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2014. С.132-139.

[15] Хашханов А.И. Этнический сепаратизм в Пакистане как угроза региональной безопасности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2015. № 3. С.144-151.

[16] Туровская А.А. К вопросу о роли армии в политическом процессе Турции и Пакистана// Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2012. № 3. С.93-100.

[17] Джаббари Н.Х. Потенциал Ирана в борьбе с международным терроризмом // Вестник Российского

университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2016. № 4. С.665-676.

[18] Харина О.А. Стратегические интересы Индии в ШОС: энергетика и безопасность // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2017. № 3. С.508-517.

[19] Юртаев В.И., Рогов А.С. ШОС и БРИКС: особенности участия в процессе евразийской интеграции // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2017. № 3. С.469-482.

[20] Канаев Е.А., Шумкова В.А. Евразийские приоритеты асеаноцентричных диалоговых форматов по вопросам безопасности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2017. №3. С.458-468.

[21] Цвык А.В. Новые подходы к коллективной безопасности в международных отношениях // Философское образование. 2017. № 1 (35). С. 85-89.

ОТНОШЕНИЯ МЕЖУ ИНДИЕЙ И АФГАНИСТАНОМ

Асадулла М.З.*

Индия и Афганистан имеют прочные отношения, основанные на исторических и культурных связях. В 2010 году Институт Гэллага опубликовал данные, что 75 % афганцев относятся к Индии лучше, чем к США и Китаю, а 50 % афганцев выражают полное удовлетворение политикой Индии, что является самым положительным рейтингом Индии среди всех Азиатско-тихоокеанских стран. (1)

Дипломатические отношения между странами были установлены в 1978 году, а в 1980-х годах Республика Индия стала единственной страной в Южной Азии, признавшей Демократическую Республику Афганистан. В 1990-х годах отношения между странами были испорчены из-за пришедших к власти в результате гражданской войны в Афганистане талибов (Исламский Эмират Афганистан).

Индия играет важную роль в процессе восстановления и реабилитации Афганистана. Индуктором неизменной приверженности Индии делу мира, стабильности и процветания в Афганистане является обширная программа помощи в целях развития, которая на сегодняшний момент составляет около 2 млрд. долл. Это делает Индию одной из ведущих стран-доноров для стран региона, в том числе для Афганистана [1, 2]. Правительство Индии предприняло ряд средних и крупных инфраструктурных проектов в рамках своей программы по оказанию помощи в Афганистане. Среди них можно перечислить строительство 218 км дороги из Заранджа в Деларам, предназначенной для передвижения

* Асадулла М.З. – магистрант кафедры теории и истории международных отношений факультета гуманитарных и социальных наук РУДН.

товаров и услуг к иранской границе; строительство 220-кВ линии электропередачи постоянного тока из пули-Хумри в Кабул и 220/110/20 кв. подстанции в Чимтала; модернизация телефонных станций в 11 провинциях; расширение национального телеканала путем предоставления линии связи из Кабула во все 34 провинции. Все эти проекты направлены на развитие экономики Афганистана. (3).

По оценке индийского правительства для поступательного развития Афганистана необходимы долгосрочные инвестиции, которые необходимо направить, прежде всего, на освоение собственных природных ресурсов страны. В этих целях индийской стороной был сформирован консорциум государственных и частных индийских компаний для осуществления инвестиций в горнодобывающем секторе экономики страны – провинции Хаджигак, которая славится огромными запасами железной руды. Также предполагается создать в Кабуле центр технической и финансовой поддержки этих программ [3].

Помимо указанного проекта между странами реализуется ряд значимых проектов: строительство Афгано-индийской плотины Дружбы (плотины «Сальма»); Строительство подстанций Доши и Чарикар подстанций (уже завершённый проект); строительство Децентрализованной системы очистки сточных вод (Институт Индиры Ганди по вопросам здоровья ребенка (IGICH); создание Национального сельскохозяйственного научного и технологического университета в Кандагар; обязательство на поставку 1,1 млн. тонн пшеницы в Афганистан (711,88 тонн пшеницы или эквивалент наличными); обязательство внесения 1 млн. долларов США ежегодно в течение следующих пяти лет афганскому обществу Красного Полумесяца для лечение афганских детей с врожденными пороками сердца (только до середины марта 2016 года 214 детей уже получили такую помощь).

Индия также намерена внести существенный вклад в улучшение транспортной системы Кабула. В этих целях Индия выразила готовность в модернизации транспортной инфраструктуры Кабула и, также пожертвовала 1 тыс. автобусов в Афганистан.

Если говорить об уровне торгово-экономического партнерства между странами, то можно отметить в целом положительную динамику роста объемов взаимных поставок между странами (рис. 1).

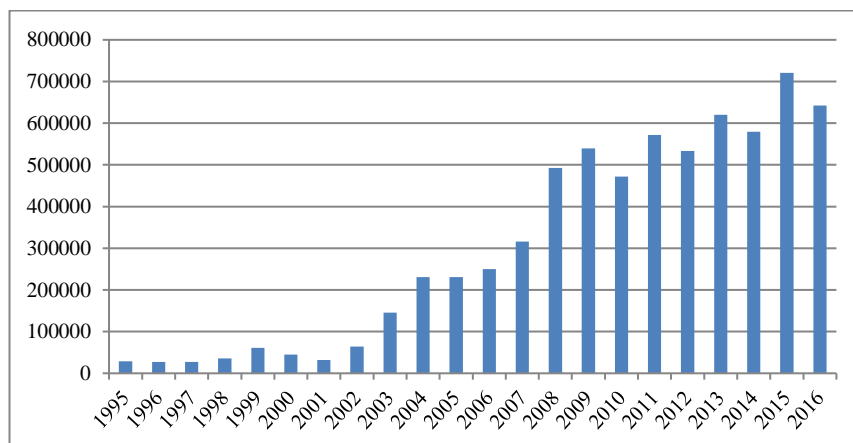

Рис. 1 Динамика внешнеторгового оборота между Индией и Афганистаном, тыс. долл.

В целом за период 1995-2016 годов внешнеторговый оборот между странами возрос на 613,8 млн. долл. или в 22,56 раз. Разность в масштабах взаимодействующих экономик в значительной мере влияет на структуру торгового обмена между странами (рис. 2).

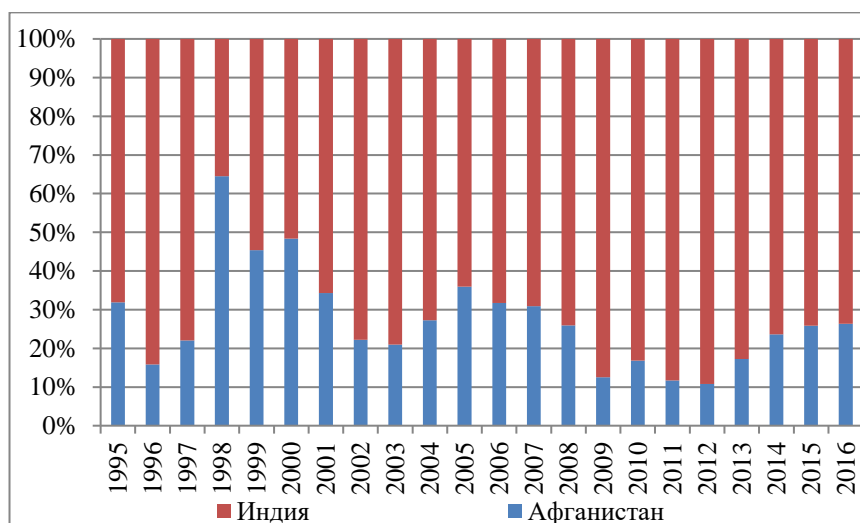

Рис. 2. Структура внешнеторговых поставок между Индией и Афганистаном, %.

В 1995 году соотношение афганских и индийских поставок по отношению друг другу находилась в соотношении 31,87% и 68,13% соответственно. Можно сказать, что в указанный период наблюдалось стабильное преобладание доли Индии в экономике Афганистана, так доля Индии в 2016 году 73,63%.

Двусторонний товарооборот между странами составил в 2016 году 642,24 млн. долларов США (472,3 млн. долл. экспорта Индии и 169,36 млн. долларов США импорта Индии). Оценивая уровень товарооборота между странами, тем не менее можно сказать, что этот показатель находился на недостаточно высоком уровне, учитывая потенциал стран.

Основными товарами, вывозимые Индией в Афганистан являются искусственные волокна, хлопья, табак, электрические машины, молочные продукты, яйца,

мед, резинотехнические изделия, лекарственные средства, одежда, аксессуары, котлы и механизмы. Импорт в основном состоит из свежих фруктов, сухофруктов, орехов, изюма, овощей, масличных семян, драгоценных и полудрагоценных камней и т. д.

Для достижения максимально эффективности торговых отношений, Индия и Афганистан подписали в марте 2003 года соглашение о Преференциальной торговле, согласно которому Индия допускает существенные уступки долга. В ноябре 2011 года Индия удалила базовые таможенные пошлины на все товары из Афганистана (кроме алкоголя и табака), что обеспечило Афганистану беспошлинный доступ к индийскому рынку.

Индия является одним из основных направлений экспорта товаров Афганистана. Существенно увеличить экспорт Афганистана смог благодаря эксплуатации порта Чабахар в Иране, что дало стране новый транзитный маршрут не только с Индией, но и с другими странами. В целях повышения эксплуатации порта правительство Индии выделило 85 млн. долл. на модернизации его мощностей.

Отношения между Афганистаном и Индией получили более интенсивнее развиваться после подписания Соглашения о стратегическом партнёрстве в октябре 2011 г., которое было подписано во время официального визита президента Афганистана Хамида Карзая в Дели (2)

Согласно этому соглашению предусматривалась помощь в восстановлении инфраструктуры Афганистана, в строительстве учреждений образования, а также различной технической помощи для восстановления потенциала государства в различных областях экономики страны. Также предусматривалось привлечение инвестиций в Афганистан для освоения природных

ресурсов страны, предоставление беспоплинного доступа к индийскому рынку для экспортеров Афганистана. Также предусматривалось подготовка в Индии афганских полицейских и военнослужащих.

Договор о поставках вооружений, подписанных с РФ и другие шаги индийских властей, несмотря на возможность обострения отношений с Пакистаном, способствуют укреплению военного сотрудничества между Нью-Дели и Кабулом [4].

Современный этап афгано-индийских отношений характеризуется укреплением дипломатических отношений Кабула и Нью-Дели. В октябре 2016 года было озвучено намерение афганских властей по открытию консульства в индийском городе Хайдарабад. По оценке посла Афганистана в Индии Шайда Мохаммад Абдали «открытие консульства будет способствовать развитию отношений между двумя странами и укреплению сотрудничества в области образования, здравоохранения и торговли». В настоящее время в Хайдарабаде проходят обучение около 1 тыс. афганских студентов. С появлением афганского консульства у авиакомпаний появится возможность открыть регулярные рейсы Кабул — Хайдарабад. Кабульские эксперты отмечают, что открытие консульства в Хайдарабаде является еще одним шагом в укреплении партнерских отношений между Афганистаном и Индией.

Налаживание двустороннего диалога между Индией и Афганистана помогает дополнить реализации товаров, минуя Пакистан. До последнего времени Пакистан оставался основным маршрутом экспорта афганских товаров, несмотря на то, что страна не выполняет свою часть торгово-транзитного соглашения и в результате афганские бизнесмены несут значительные убытки.

В связи с существующими рисками эскалации напряженности со стороны Пакистана, Индии и Афганистан планируют создать прямой транзитный авиакоридор в обход Пакистана. Так, по мнению премьер-министра Индии Нарендра Моди, которое он высказал на шестой конференции «Сердце Азии» «Афганистан должен находиться в центре наших региональных связей, а не на периферии. Мы видим Афганистан как потенциальный крупнейший торгово-транзитный центр между странами Южной и Центральной Азии».

Также в настоящее время правительства Афганистана и Индии обсуждают о создании необходимой инфраструктуры для организации торгово-транзитного авиакоридора между Кабулом и Дели, рассматриваются возможности налаживания прямого авиасообщения с Кандагаром для прямого экспорта фруктов в Индии. Со своей стороны, Индия получила бы выход на рынки стран Центральной Азии и Европы.

В целом, развитие партнерских отношений между странами в различных сферах указывает на значительное укрепление и формирование стратегического вектора доверия и взаимодействия. Однако можно встретить различные оценки существующим взаимоотношениям между Индией и Афганистаном. Так, обращается внимание на то обстоятельство, что Индия, это региональная ядерная держава, страна с одной из крупнейших экономик, обладает миллиардным населением и заключила «стратегическое партнерство» со страной, с одной из беднейших экономик мира, живущее за счет экспорта героина, на территории которой находятся иностранные войска и раздираемое нескончаемой гражданской войной. Однако это по одной из существующих оценок (1) союз между странами выглядит странным, нелогичным и совершенно точно —

неравным. Индия — ядерная держава, одна из крупнейших экономик мира, страна с миллиардным населением — взяла в «стратегические партнеры» исключительно бедное и отсталое государство, живущее за счет экспорта героина, оккупированное иностранными армиями и ведущее нескончаемую гражданскую войну.

Таким образом, партнерство стран основано, прежде всего, на геополитических интереса [5]. Что дает значимый импульс развития взаимодействия в ряде экономических и социальных сфер.

Примечания

(1) U.S. Leadership More Popular in Asia Than China's, India's [Электронный ресурс]//Режим доступа: <http://news.gallup.com/poll/144269/Leadership-Popular-Asia-China-India.aspx>

(2) Индия и Афганистан договорились дружить против Пакистана [Электронный ресурс]//Режим доступа: <http://vlasti.net/news/132282>

(3) Agreement on Strategic Partnership between the Islamic Republic of Afghanistan and the Republic of India [Электронный ресурс]//Режим доступа: <http://mfa.gov.af/Content/files/Agreement%20on%20Strategic%20Partnership%20between%20Afghanistan%20and%20India%20-%20English>

Научная литература

[1] Шпаковская М.А. Внешняя политика Индии в начале XXI в.: новые моменты// Индия в мировой политике материалы заседания «круглого стола». Москва, 19 октября 2012 г./ Состав. д.и.н. М.А. Шпаковская. – М.:РУДН, 2013.

[2] Немова А.А. Индийская помощь Бангладеш в контексте стратегических интересов Дели в Южной Азии // Вестник

Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2016. № 4. С.688-699.

[3] Мехбуб Ахмед. Экономическое сотрудничество между Индией, Пакистаном и Афганистаном: теоретический подход к региональной интеграции//Центральная Азия и Кавказ.- 2017 Т.20 № 1.

[4] Харина О.А. Стратегические интересы Индии в ШОС: энергетика и безопасность // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2017. № 3. С.508-517.

[5] Юртаев В.И., Рогов А.С. ШОС и БРИКС: особенности участия в процессе евразийской интеграции // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2017. № 3. С.469-482.

ОСНОВНЫЕ УГРОЗЫ БЕЗОПАСНОСТИ СТРАНАМ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ СО СТОРОНЫ АФГАНИСТАНА

Глазова А.В.*

Дестабилизация приграничных с регионом Центральной Азии (ЦА) стран привела к разрушению государственных институтов, смене существующих режимов и росту террористической активности в сопредельных государствах. В случае возникновения благоприятных условий эти риски могут перекинуться и на центральноазиатский регион. При этом наиболее серьезные угрозы безопасности для ЦА исходят от Афганистана.

Основными факторами, дестабилизирующими афганскую ситуацию, являются отсутствие реального и результативного

* Глазова Анна Владимировна – заместитель директора Российского института стратегических исследований, к.фил.н.

процесса национального примирения, рост влияния террористических и джихадистских организаций, таких как ИГИЛ [1], раскол в политической элите страны, нарастание межэтнических, межконфессиональных и клановых противоречий. Кроме того, процесс нормализации ситуации в Афганистане тормозится вмешательством региональных стран, каждая из которых преследует здесь свои интересы

Основной оппозиционной силой, ведущей вооруженную борьбу с законным правительством в Кабуле, продолжает оставаться движение «Талибан». Талибы считают нынешнее руководство Афганистана «узурпаторами», незаконно отнявшими у них власть с помощью оккупационных войск в 2001 году, а также враждебно относятся к военному присутствию США в Афганистане, которые после вывода основного американского контингента оставили в стране на постоянной основе девять военных баз. Американцы фактически отстранились от прямого участия в гражданской войне между правительством и талибами, но вместе с тем сохранили военное присутствие, позволяющее им влиять на военно-стратегическую обстановку в Центральной и Южной Азии.

Попытки интегрировать талибов в легальный политический процесс в Афганистане осложняются как неоднородностью самого движения, так и деятельностью региональных акторов, пытающихся навязать Афганистану собственные политические проекты.

Несмотря на внутренние расколы, талибы продолжают оставаться серьезной военной силой, продолжающей оказывать влияние на военно-политическую обстановку в стране. Показателями военной мощи талибов являются два захвата на протяжении одного года важного провинциального центра Кундуз на севере Афганистана и крупная террористическая атака в Кабуле в апреле 2016 года, в ходе которой погибли 64 человека. Военная активность движения «Талибан» на протяжении последнего года, по мнению некоторых экспертов, объясняется возникшими противоречиями между различными группировками движения, поддерживаемых, с одной стороны, Пакистаном, с другой – Ираном.

Можно также констатировать рост популярности других радикальных и экстремистских партий и течений. В частности, в сентябре 2016 года было заключено мирное соглашение между правительством Афганистана и лидером Исламской партии Афганистана (ИПА, «Хезб-э-ислами») Гульбеддином Хекматиаром. Для Г. Хекматиара мирное соглашение с правительством стало шансом войти в политическую элиту страны. Усиление позиции радикальной исламистской партии наряду с перспективой возможной легализации части «Талибана» может значительно усилить исламистский фланг афганской политики.

На фоне этих процессов продолжается рост конфликтного потенциала между президентом Гани и руководителем исполнительной власти Абдуллой. А. Абдулла недоволен тем, что президент не выполняет обязательства по разделу власти и концентрирует полномочия в своих руках. По мнению иранских экспертов, этот властный конфликт поддерживают американцы, которым выгодно иметь в Кабуле слабое и подконтрольное правительство. Слабость центральной власти и ее силовых структур усугубляется затяжным экономическим кризисом, когда Кабул продолжает ориентироваться прежде всего на массивную внешнюю помощь, а основой экономики страны остаются выращивание и нелегальное распространение наркотиков [2- С. 141].

Нестабильная ситуация в Афганистане способствует появлению в стране гораздо более опасных экстремистских группировок, чем движение «Талибан» [3]. В Афганистане не без влияния внешних сил усиливается влияние ИГИЛ. Афганские эксперты выделяют несколько причин успеха этой структуры: ослабление как центральной власти, так и талибов, раскол в джихадистском сопротивлении (появление многочисленных группировок, враждующих друг с другом), упадок традиционного племенного общества (разрыв клановых связей, падение авторитета старейшин пуштунских племен). Не последнюю роль играют также финансовые и материально-технические возможности группировки.

Еще одним фактором, облегчающим экспансию ИГИЛ в Афганистане, являются внешние спонсоры. По мнению российских

экспертов, сильное влияние на «Исламское государство» имеет Катар, оказывающий финансовую помощь джихадистам. В конце января 2015 г. ИГИЛ объявило о создании Хорасанской шуры, в зону ответственности которой входит территория Афганистана, Пакистана и части Таджикистана [4].

Отношения между движением «Талибан» и ИГИЛ носят характер соперничества, переходящего в вооруженное противостояние, так как эти структуры преследуют разные цели. Талибы имеют первичный националистический (пуштунский) элемент и добиваются создания эмирата на своей земле в Афганистане, тогда как лидеры ИГИЛ стремятся подчинить весь мир и установить исламский халифат, то есть их идеология интернациональна. Талибы связывают необходимость ведения джихада с неисламским миром, а идеологи ИГИЛ называют кафирами в том числе других мусульман, развязывая войну внутри мусульманского мира. В результате хазахрейцы-шииты Афганистана, в 1990-е гг. пострадавшие от талибов, сейчас воспринимают их как меньшее зло чем ИГИЛ.

Пока последствия этих противоречий прогнозировать сложно, так как одновременно наблюдатели констатируют, что талибы и игиловцы в целом достаточно мирно сосуществуют между собой в некоторых северных анклавах страны, что предопределяет и возможность их сотрудничества. Также отмечаются факты прямого рекрутирования в ИГИЛ сочувствующих, в том числе из образованной афганской молодежи.

Присутствие на территории Афганистана нового игрока (хорошо вооружённого и обладающего массивной финансовой, материально-технической, информационной и иной поддержкой извне) ставит вопрос о разделении доходов от наркопроизводства и наркоторговли на подконтрольных талибам территориях. После потери контроля над нефтяными месторождениями в Сирии и Ираке доходы ИГИЛ от продажи контрабандной нефти значительно снизились. Если в 2014 г. они составляли, по разным оценкам, от 2 до 4 млн дол. в сутки, то в 2015 г. боевики смогли заработать на экспорте нефти и нефтепродуктов лишь 400-500 млн дол (1). После начала антитеррористической операции российских ВКС в Сирии эти цифры уменьшились в несколько раз.

Не исключено, что в поисках новых источников получения прибыли ИГИЛ может попытаться частично взять под контроль производство наркотиков в Афганистане. В этом контексте особую тревогу вызывает поступающая в течение 2016 г. информация о закреплении отрядов ИГИЛ в северных и северо-восточных районах Афганистана, граничащих с республиками Центральной Азии. В провинции Нангархар, где наблюдается наибольшее скопление боевиков ИГИЛ, за последний год производство героина выросло на 43%, а уничтожение опиумных полей, напротив, упало на 99% - со 137 гектаров в 2015 г. до 1 гектара в 2016 г. В граничащих с Центральной Азией провинциях Бадахшан, Балх, Фарьяб, Сари-Пул, где закрепляются отряды ИГИЛ, производство наркотиков за последний год выросло в среднем более чем на 340% (2).

На фоне ухудшающейся обстановки в области безопасности и в условиях сокращения международного финансирования гуманитарной деятельности в Афганистане наблюдается рост числа беженцев и вынужденных переселенцев. Наиболее тяжелая ситуация в 2016 г. сложилась в северо-восточном районе (провинции Бадахшан, Тахар, Кундуз и Баглан, из которых Кундуз, Тахар и Бадахшан – приграничные с Таджикистаном и Узбекистаном районы). По данным Управления ООН по координации гуманитарных вопросов (UNOCHA), за период с 1 января 2016 года по 12 декабря 2016 года в Афганистане на положении вынужденных переселенцев оказались 583 тыс. человек, то есть 85 тыс. семей (3).

Существенно осложняют миграционную обстановку в Афганистане репатрианты, возвращающиеся из Пакистана и Ирана. Из Пакистана, по данным УВКБ ООН, в 2016 году вернулись свыше 600 тыс. человек, из Ирана - свыше 450 тысяч (по данным UNOCHA) (4). Большинство репатриантов оседает в Нанграхаре (29%) и Кабуле (22%), и власти Нанграхара уже предупреждают, что принять всех желающих здесь остаться провинция не может. При этом потенциально людей может быть еще больше. В одном только Пакистане, по данным пакистанского министерства по делам приграничных регионов, в настоящее время находятся около 1,3 млн. зарегистрированных беженцев.

Не до конца определенной остается и судьба афганских мигрантов, уехавших в Европу (они по численности на втором месте после сирийцев). По некоторым данным, в 2015 и 2016 годах и Афганистана в Европу уехали до четверти миллиона человек. Сейчас значительная их часть находится под угрозой депортации – те, кому в странах ЕС отказали в статусе беженца.

Помимо чисто гуманитарных аспектов вопрос о беженцах и мигрантах имеет прямое отношение к ситуации в области безопасности. Вернувшиеся люди, которые не могут полноценно интегрироваться в общество, – потенциальный резерв людских ресурсов для талибов и ИГИЛ, особенно с учетом того, что среди беженцев в Пакистане много молодежи. Кроме того, из Кабула выражают тревогу, что уже сейчас под видом беженцев в Афганистан возвращаются боевики.

Для стран Центральной Азии серьезной угрозой безопасности является участие в деятельности террористической организации ИГИЛ значительного количества граждан этих государств, которые воюют не только в Афганистане, но и в Сирии и в Ираке. Официальные источники центральноазиатских республик говорят о нескольких сотнях боевиков. По мнению замначальника Главного управления Генштаба Вооруженных сил России С. Афанасьева, высказанного на 5-ой Московской конференции по международной безопасности в апреле 2016 г., общая численность ассоциированных с ИГИЛ бандгрупп в Центральной Азии, формально сохраняющих свою самостоятельность, составляет около 4,5 тыс. человек(5).

Боевики из ЦА, отправившиеся в Сирию и Ирак, в основном воюют в составе трёх группировок – "Джебхат ан-Нусра", ИГИЛ, "Джейш аль-Мухаджирин валь-Ансар", причём их отряды сформированы по этническому принципу.

К наиболее уязвимым для радикальной пропаганды районам ЦА относят территории с напряженной социально-экономической и этно-религиозной обстановкой: запад и юг Казахстана, юг Киргизии и вся Ферганская долина, расположенная на стыке между Узбекистаном, Киргизией и Таджикистаном [5]. При этом основная угроза ЦА со стороны ИГИЛ в настоящий момент состоит не в том, что организация будет вести в регионе открытые боевые действия,

как это происходит в Сирии и Ираке, а в совершении здесь террористических актов теми среднеазиатскими гражданами, которые получили за рубежом боевой опыт, прошли подготовку и вернулись домой. Деятельность нескольких групп такого рода, планировавших теракты в Казахстане, Киргизии, Узбекистане, была пресечена правоохранительными органами центральноазиатских государств в 2014-2015 гг. Опасность диверсий усугубляет то, что ИГИЛ не только создает в регионе свои ячейки, но и привлекает под свою зонтичную структуру сторонников из числа «старых» террористических и экстремистских группировок центральноазиатского происхождения (ИДУ, Хизб ут-Тахрир, СИД, Ансаруллох, Таблиг и др.).

Власти постсоветских республик пытаются препятствовать отъезду своих граждан в Сирию для пополнения рядов сирийских повстанцев. Например, по данным Комитета национальной безопасности Казахстана, начиная с 2011 г. был предотвращён выезд за рубеж в ИГИЛ 559 граждан. Для этого в странах региона были приняты новые нормативные акты. В Таджикистане и Казахстане введена уголовная ответственность за участие в боевых действиях за границей. Высшее мусульманское духовенство Таджикистана (Совет улемов) выпустило фетву (указ), осуждающую участие единоверцев в "богопротивных делах" – в боевых действиях за рубежом.

Не меньшую опасность для стран ЦА представляет возможность проникновения на их территорию террористов из Афганистана. На протяжении 2016 г. в СМИ регулярно появлялись сообщения о дестабилизации обстановки на афгано-туркменской и афгано-таджикской границах. Закрепление ИГИЛ на территории северного Афганистана может привести к появлению неконтролируемых «серых зон» в этом регионе и созданию баз террористов и боевиков, ведущих подрывную деятельность против государств центральноазиатских республик, в том числе членов ОДКБ.

Ситуация в Афганистане нашла отражение в обнародованной в ноябре 2016 г. Концепции внешней политики РФ. В разделе «Региональные приоритеты» стране посвящен отдельный

пункт, в котором говорится, что «сохраняющаяся нестабильность ситуации в Исламской Республике Афганистан на фоне вывода из страны большей части международных военных контингентов несет серьезную угрозу безопасности России и других государств-участников СНГ». В концепции указывается на необходимость реализации комплексных мер по снижению уровня террористической угрозы, исходящей с афганской территории и направленной против других, в том числе соседних с Афганистаном государств, а также по ликвидации или существенному сокращению незаконного производства и оборота наркотических средств» (6).

Для эффективного противодействия распространению ИГИЛ на территории Афганистана и предотвращения дестабилизации ситуации в Центральной Азии необходимо также укреплять военные возможности ОДКБ в приграничных районах. Механизмы для такого взаимодействия уже отлажены: регулярно проходят военные учения, в ходе которых отрабатываются сценарии отражения угроз, исходящих с афганской территории. Так, в апреле 2016 года в Таджикистане прошли совместные учения разведывательных подразделений вооруженных сил стран ОДКБ "Поиск", а в Киргизии в октябре были проведены совместные тактические учения Коллективных сил быстрого реагирования Центрально-Азиатского региона "Рубеж-2016".

Примечание

(1) Under-Secretary-General Feltman “Report of the Secretary-General on the threat posed by ISIL (Da’esh) to international peace and security and the range of United Nations efforts in support of Member States in countering the threat” (S/2016/92) // Интернет-сайт ООН. 2016. February 09. URL: <http://www.un.org/undpa/speeches-statements/09022016/terrorism>

(2) Afganistan Opium Survey 2016 // UNODC Research // October 2016 // <https://www.unodc.org/documents/press/releases/AfghanistanOpiumSurvey2016.pdf>

- (3) Internal Displacement due to Conflict // <https://www.humanitarianresponse.info/en/operations/afghanistan/idps>
- (4) Humanitarian Bulletin Afghanistan Issue 58 | 01 - 30 November 2016 // https://reliefweb.int/sites/reliefweb.int/files/resources/mhb_november_2016.pdf
- (5) Генштаб РФ: около 4,5 тыс. человек входят в связанные с ИГ бандгруппы в Центральной Азии // ТАСС: информ. агентство. 2016. 27 апреля. URL: <http://tass.ru/politika/3244748> (дата обращения: 28.10.2016).
- (6) Концепция внешней политики Российской Федерации // МИД РФ. 01.12.2016 // http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248

Научная литература

- [1] ИГИЛ как угроза международной безопасности. Под ред. А.В.Глазовой. РИСИ, 2015. 188 с.
- [2] Конаровский М. Перспективы национального примирения в Афганистане // Международная жизнь // 2016, апрель. URL:<https://interaffairs.ru/jauthor/material/1472> (дата обращения: 29.10.2016)
- [3] Карпачева О.В. История движения «Талибан» в системе международных отношений // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2003. № 1. С. 93-102.
- [4] Глазова А., Иваненко В., Колесников А., Свистунова И. Влияние «арабской весны на неарабские страны Ближнего Востока» // Россия и мусульманский мир. 2015. № 4 (274). С. 94-117.
- [5] Набиев Р.А., Шакиров И.Я. Ареалы активизации исламских фундаменталистских течений в постсоветских среднеазиатских государствах // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2015. № 3. С.83-90.

ДИХОТОМИЯ ХАОСА И ПОРЯДКА – СРЕДА ФОРМИРОВАНИЯ МЕХАНИЗМОВ САМООРГАНИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНО- ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ АФГАНИСТАНА

Карякин В.В.*

Метаустойчивый порядок мироздания зиждется на первородной бездне потенциалов, заключенных в хаосе. С точки зрения космологии вселенский хаос обладает такими свойствами как повсеместность, всебытийность и изначальность. Любая структура, будь то природная или социальная, рождается в хаосе и погибает в нём. Политические системы рождаются и умирают в хаосе, который, разрушая старые, организует новые системы, балансирующие в своём развитии на грани хаоса и порядка, как на лезвии бритвы. Хаос в социально-политической среде ни в коем случае не тождественен беспорядку и не противоположен порядку. Он органически сочетает в себе меру хаотичности и меру упорядоченности. В этом суть его детерминированности. Это свойство придаёт развитию систем детерминированность, а происходящим в них процессам – динамичность. Сказанное в полной мере относится к ситуации в Афганистане, нестабильность социально-политической систем которого наблюдаемой на протяжении более 30 лет.

Синергетическое видение социально-политических процессов в такой сложной для политического анализа стране как Афганистан подразумевает наличие динамического и детерминированного хаоса, в эволюции которого он играет конструктивную роль.

* **Карякин Владимир Васильевич** – к.воен.н., доцент Военного университета Минобороны РФ.

Хаос, несмотря на сложность наблюдения и скрытность происходящих в данной стране процессов, лежит в основе формирования структур более высокого уровня иерархии, за счёт заложенных в системе механизмов самоорганизации и адаптации к условиям социальной среды и внешним воздействиям. Хаос синхронизирует темпоральные процессы эволюции элементов системы за счёт ускорения одних событий и подавления других, несвоевременно начавшихся или развивающихся слишком быстро. Примером этому является внедрение в политическое пространство Афганистана боевиков ИГИЛ, которые создают угрозу превращения стран в одну из территорий нового арабского халифата. Но руководство движения Талибан не склонно поддаваться такому влиянию и уступать власть ИГИЛ.

Хаос выступает как среда, формирования механизмов переключения на другие пути развития социально-политической системы, в ходе эволюции которой осуществляется переход от прежней устойчивой структуры к другой. При этом осуществляется упорядочение структуры сложной системы путём органического включения элементарных структур низких уровней в тело иерархической структуры более высокого уровня. Наряду с этим, в среде хаоса могут возникать механизмы упрощения структуры вплоть до потери её целостности и фрагментации за счёт невозможности преодоления имеющихся противоречий между её элементами [1, сс. 69-79]. В данном контексте Афганистан является типичным примером системы, находящейся в области неустойчивости, в которой формируются аттракторы как фрагментации страны на пуштунский Юг и непуштунский Север, так и её интеграции под действием сил радикального ислама.

В целом следует отметить, что в любой социально-политической системе существует множество типов структур, среди которых сохраняют жизнеспособность только такие, в

природе которых заложен «первородный генетический код» системы. Относительно Афганистана – это «генетический код» патриархальных устоев общества, сформированных в течение многих веков исламской традицией и законами шариата.

Попытки внесения Западом своей модели демократии были направлены на разрушение данного «генетического кода». Но искусственно созданная структура афганских светских государственных институтов попала под разрушительное влияние аттракторов традиционного общества, создала так называемый «ветер перемен из архаического прошлого», пытающихся вернуть привнесённую извне, чуждую афганскому народу западную политическую систему в русло традиционного общества. Вместе с тем следует заметить, что архаичную по своей сущности социально-политическую систему Афганистана можно рассматривать как социетальную с точки зрения роли хаоса, который он выполняет следующие функции:

- формирует зону бифуркации с образованием в ней ряда аттракторов, в которых определяются пути дальнейшей эволюции системы;

- создаёт условия для формирования механизмов конструирования сложных структур из относительно простых элементов и согласования темпов их развития.

Хаос является благоприятной средой, в которой возможен переход системы на другие пути эволюции. Если системе грозит распад её структуры вследствие потери устойчивости, то и в этом случае хаос играет конструктивную роль, гармонизируя и упрощая распадающуюся структуру при сохранении её элементов, сохраняющих генетические коды её эволюции в низовых звеньях, необходимые для построения системы нового типа. Такова двойственность хаоса, состоящая в том, что, разрушая связи между элементами системы, хаос способствует формированию новых структур

посредством активизации прямых и обратных связей между их элементами.

Здесь следует сослаться на фундаментальный закон природы – второе начало термодинамики, согласно которому возрастание энтропии отражает объективные процессы дезорганизации и разрушения сложных систем, и их тенденцию к максимально неупорядоченному состоянию. Однако в реальной действительности имеет место обратный процесс эволюции в сторону упорядоченности за счёт активного вмешательства разумных акторов, действующих в данных системах и использующих информацию об окружающем мире и вырабатывающих знания для придания процессам, происходящим в системе, упорядоченности, а самой системе свойство самоорганизации и устойчивости. Обращаясь к Афганистану, отметим, что кажущаяся для стороннего наблюдателя обстановка хаоса в стране на самом деле скрывает параллельно разворачивающиеся процессы: планомерную работу движения Талибан по установлению контроля над провинциями и стремление руководства ИГИЛ захватить власть в стране. В этом и проявляется самоорганизация политической системы Афганистана, ведущая к негативным последствиям для всего региона, включая, в первую очередь, страны Центральной Азии.

Ключевым понятием при объяснении механизмов самоорганизующихся систем является «негэнтропия». Перефразируя тезис основоположника негэнтропии Э. Шредингера о социетальных системах, сформулируем данное понятие следующим образом: социально-политическая система может избежать состояния хаоса и разрушения только путём постоянного пополнения материальными и финансовыми ресурсами и информацией, снижая тем самым степень неупорядоченности, иными словами – её энтропию. И источником такой негэнтропии является Пакистан и некоторые страны Персидского залива, а также теневой

спонсор поддержания конфликтной напряженности в регионе в лице Соединённых Штатов Америки, стремящиеся ослабить Россию и Китай.

Автором энтропийного подхода к анализу социально-политических процессов являлся К. Бейли, который считал, что развитие социетальных систем осуществляется в условиях динамического равновесия на границе хаоса и порядка, что является их естественным состоянием [1, 69-79].

Модель социума, в котором все члены равны, а материальные и социальные блага распределяются равномерно, не более чем утопия. Это путь к застою, деградации и энтропийной смерти. И наоборот, социальная дифференциация обеспечивает эволюционное развитие общества в противовес энтропийной тяге к застою, усреднению и гомогенности консервативной части социума. В этом плане Афганистану, как и всем странам Большого Ближнего Востока и Центральной Азии это особенно актуально.

Таким образом, естественные тенденции увеличения энтропии в социуме компенсируются созидательной активностью его разумных элементов, которые в периоды кризисов через стадию разрушения системы приходят к формированию нового порядка, т.е. к увеличению её неэнтропии. В результате система обретает состояние устойчивости всей макроструктуры, сохраняющейся в дальнейшем с помощью механизма отрицательных обратных связей до наступления нового кризиса, в условиях которого детерминистские закономерности функционирования системы подвергаются эрозии со стороны энтропийных социальных флуктуаций, оказывающих дестабилизирующее влияние на социально-политическую динамику.

Таким образом, энтропийные факторы в лице движения Талибан и ИГИЛ оказывают дестабилизирующее воздействие на политическую обстановку в Афганистане. Они

стремятся превысить критический порог устойчивости системы, которая в результате этого она окажется в зоне бифуркации. При этом если система сохранит устойчивость и парирует вызовы, то это означает её способность к самоорганизации и развитию. По этому поводу Дж. Касти отмечает, что адаптируемость можно представить как определённую меру способности системы к поглощению внешних возбуждений без резко выраженных последствий для её поведения в переходном или установившемся состоянии [2]. Очевидно, что в Афганистане ситуация находится на грани динамической устойчивости и действующая власть не обладает всеми рычагами для стабилизации обстановки.

Как известно из социологии, общественная структура имеет два измерения: вертикальное – иерархическое и горизонтальное – межличностное, которое приняло форму сетевого общения людей. При этом в вертикальной составляющей имеет место полиархичность социальных отношений, когда каждый представитель общества оказывается включённым в различные вложенные друг в друга иерархические структуры, т.е. иерархии иерархий, среди которых вышестоящие иерархии доминируют над нижестоящими – субдоминантными иерархиями. Все виды

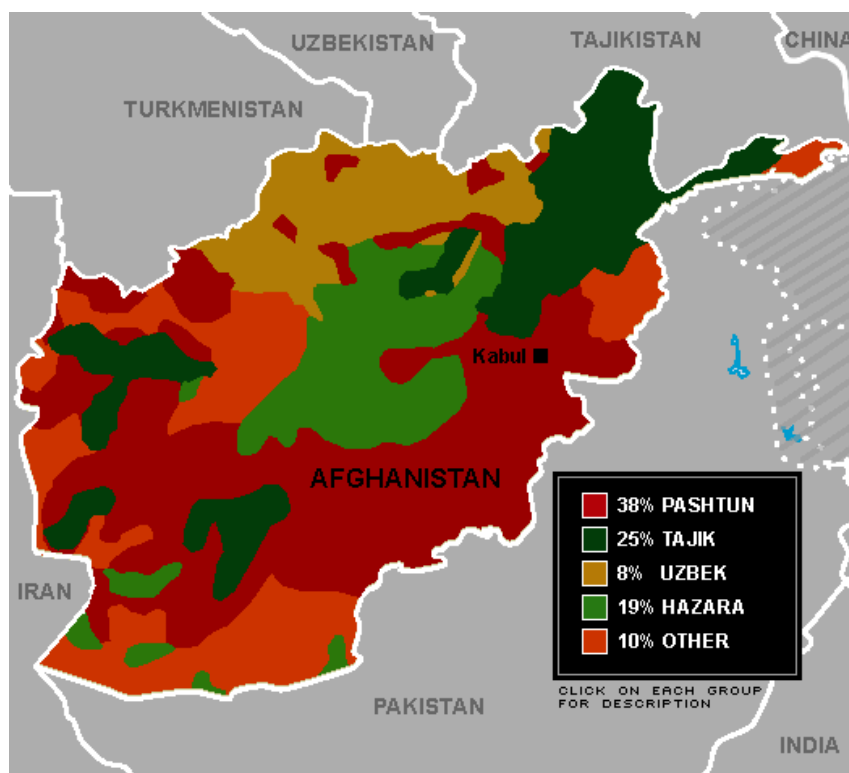

Рис. Районы проживания пуштунского и непуштунского населения на территории Афганистана.

иерархий, как и сетевые структуры, масштабируемы и являются взаимно пересекающимися множествами благодаря глобальному информационному пространству. Это говорит о том, что каждый член социума, как и его группа, могут участвовать практически во всех иерархических структурах и сетях. Всё зависит от способности индивида или социальной группы занять подходящее им место в конкретных структурах и оказывать влияние на их функционирование.

В социально-политическом пространстве Афганистана существует огромный ряд конфликтов, которые

взаимосвязаны между собой. Например, конституционный конфликт. Нынешнее правительство национального единства, сформированное на основе компромисса между двумя кандидатами в президенты 2014 г. – Ашрафом Гани и Абдулло Абдулло, уже два года продолжает оставаться не вполне легитимным. В русскоязычном пространстве об этом очень мало говорят и пишут, но в самом Афганистане эта тема является достаточно актуальной, поскольку конфликт внутри политической элиты Афганистана ослабляет работу правительства.

С ним сопряжен конфликт между разными группами во власти, а именно: между «людьми Гани», ориентированными на демократические модели западного образца, и представителями "Совета командиров джихада", куда входят региональные военно-политические лидеры, воевавшие в свое время и с талибами, и с советскими войсками.

В Афганистане существует бескомпромиссное противоборство между силами Северного альянса и пуштунскими националистами, а также внутриплеменная борьба между теми же пуштунскими националистами и пуштунскими исламскими фундаменталистами. В последнее время с новой силой вспыхнуло соперничество между пуштунскими племенами дуррани во главе с Хамидом Карзаем и "бейрутской бандой" (так прозвали пуштунских лидеров, поддерживающих Ашрафа Гани и обучавшихся в 1970-е гг. в Американском университете Бейрута). В лагере северян также наблюдаются напряженные отношения между таджиками и узбеками.

Власть в Афганистане традиционно находится в руках пуштунских националистов, которые удерживают ее, опираясь на западные державы. Поэтому пуштунская элита заинтересована в иностранном присутствии в стране. В свою очередь, Пакистан постоянно использует исламский

фундаментализм и экстремизм для сдерживания пуштунских националистов, которые имеют территориальные претензии к Пакистану, и поэтому заинтересован в талибах.

В "Талибане" заинтересован не только Пакистан, но также США и их региональные союзники – Саудовская Аравия, Катар, Турция, которые опасаются роста влияния северных лидеров, традиционно склоняющихся в сторону России и Ирана. Пакистан же в афганской игре умело маневрирует между США и Китаем. С одной стороны, Исламабад получает деньги от Пекина для того, чтобы вытеснить американцев из Афганистана, а с другой – получает средства от Вашингтона, чтобы помочь ему задержаться в Афганистане.

Как отмечалось выше, закрытость системы от внешнего мира ведёт к росту её энтропии ввиду низкого объёма и качества поступающей в неё информации, как это имеет место в Афганистане. В то же время, как это не парадоксально звучит, избыточное количество информации также приводит к росту энтропии вследствие того, что внешние информационно-психологические воздействия оказывают разрушительное воздействие на ментальную среду населения страны.

Исторический опыт показывает, что формирование социально-политической системы на других цивилизационных принципах не гарантирует движение государства по прогрессивному пути развития. В условиях социально-политического хаоса в период перестройки к власти могут прийти реакционные силы, которые поведут страну к катастрофе. Примерами являются приход Гитлера к власти в Германии, установление режима Пол Пота в Камбодже, анархия в Ливии после свержения М. Каддафи и приход к власти националистов и неонацистов на Украине в 2014 г.

Диктатура, как средство установления порядка в социально-политической системе, является мощным аттрактором, проявляющимся в критической фазе государственного развития. При этом старые принципы и идеи, служившие скрепами государства, ослабевают и разрушаются и на смену им приходят новые. В это время хаос и энтропия, выраженные в социальных войнах и «цветных революциях», достигают своего апогея. Общество живёт в состоянии полной политической и экономической неопределённости, жизнь людей теряет перспективу и смысл. Многие начинают понимать, что так дальше жить нельзя. И если в обществе к этому времени не выработана объединяющая идея и соответствующие ей направления развития государств, а также на политической арене отсутствует их авторитетный носитель, то устанавливается режим, во главе которого могут оказаться политические авантюристы, пришедшие к власти на гребне «революционной» волны.

Эта разновидность диктатуры называется террористическо-мафиозной. Её установление сопровождается ожесточённой борьбой за власть и ресурсы, сопровождаемая физическим уничтожением соперников. Политических партий и общественных движений ещё не существует, так как они ещё находятся в стадии формирования. Хаос и социальная энтропия овладевают властными структурами. И продолжается это до тех пор, пока во главе государства не станет сильная личность, карающей рукой устанавливающая порядок и соблюдение законности [3].

В целом следует отметить, что диктатура при всех её жестокостях и издержках гуманитарного плана имеет следующие положительные особенности. Во-первых, власть наводит порядок с применением самых жестоких мер, нейтрализуя проявления хаоса и снижая до минимального

значения социальную энтропию. Прекращаются социальные войны, у народа появляются перспективы, страна начинает развиваться. Всё это имеет важное психологическое значение для людей, значительная часть которых поддерживает преобразования и участвует в строительстве государства нового типа. У людей исчезает чувство неопределённости, которое они испытывали в условиях социального хаоса. Появляется возможность осмысления событий и видение перспектив развития общества и государства. Поэтому диктатура, особенно в период её становления, воспринимается народом как благо, как конец смутного времени и поддерживается им. Тем более что диктатор преподносит себя народу как спаситель нации и хранитель её прав и свобод.

Из сказанного следует, что диктатура на определённых этапах развития общества играет прогрессивную роль, способствуя выведению страны из состояния разрухи, как это произошло в Чили после свержения С. Альенде. Велика роль диктатуры и при силовом противостоянии государств, когда возникает угроза его существованию, как это было в СССР во время Великой Отечественной войны. Однако в длительные периоды мирного времени диктатура превращается в авторитарную тоталитарную систему, отгороженную от внешнего мира «железным занавесом», а руководство страны – от народа, что ведёт к застою экономического и политического развития и к деградации государственной системы.

Данная разновидность эволюции коренным образом отличается от циклов инновационного развития, когда у государства ещё имеются ресурсы, а у элиты – политическая воля для перехода страны на новый уровень развития. Но в истории часто бывает, что зарождение новых идей происходит слишком поздно, когда ресурсы для обновления уже исчерпаны, а сама социально-политическая и

экономическая система, как и её элита, одряхлели и деградировали.

Борьба между силами порядка и хаоса обостряется за счёт появления сразу нескольких моделей структурной организации государства, которые ввиду их незавершенности не могут занять господствующее положение, т.е. обозначить главный аттрактор дальнейшего развития государства [4,5]. Именно это создаёт условия для формирования хаоса и роста социальной энтропии, как этапа трансформации системы к новому устойчивому состоянию, что и произошло на Украине в ходе событий вокруг решения дилеммы интеграции в Европейский или Таможенный союзы.

В заключение отметим, что трагический опыт разрушения СССР, Югославии, Афганистана, Ирака, Ливии и Украины говорит о необходимости изучения социально-политических процессов, связанных с динамикой социальной энтропии и устойчивостью государственных институтов, функционирующих на грани хаоса и порядка.

С этой целью актуальной задачей политической науки является ранняя диагностика и превентивная деятельности по купированию нарождающихся социально-политических кризисов и конфликтов.

Научная литература

[1] *Карякин В.В.* Геополитика: исследование международных проблем в эпоху постмодерна. М.: Граница, 2016. С. 69-79.

[2] *Кастри Дж.* Большие системы. Связность, сложность и катастрофы. Пер. с англ. М.: Мир, 1982.

[3] Дегтерев Д.А., Савичева Е.М., Матева И.М. Динамический хаос, конфликты на Большом Ближнем

Востоке и механизмы глобального управления в XXI в. (материалы Экспертного семинара и Ситуационного анализа РУДН) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2015. № 3. С.9-23.

[4] Дегтерев Д., Истомин И. Системное моделирование международных отношений // Мировая экономика и международные отношения. 2015. № 11. С. 17-30.

[5] Карякин В.В. Современная геополитическая динамика Ближнего и Среднего Востока. М. ИГ «Граница», 2010.

ПРОБЛЕМЫ ЭКСТРЕМИЗМА И «ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ЭМИГРАЦИИ» В ТАДЖИКИСТАНЕ

Мендкович Н. А.*

Практически все страны Центральной Азии столкнулись с ростом террористической активности в 2015-2016 гг. Терракты и их попытки отмечены в Казахстане и Кыргызстане, а практически во всех государствах региона возникла новая волна «террористической эмиграции», выезда местных экстремистов для участия в вооруженных конфликтах в Сирии, Ираке и Афганистане. С похожим комплексом проблем столкнулся и Таджикистан, где проблемы экстремизма и терроризма стоят особенно остро после гражданской войны 1990-х гг.

* Мендкович Никита Андреевич - политолог, глава Евразийского Аналитического клуба.

В настоящей статье мы попытаемся описать проблему экстремизма и «террористической эмиграции» в Таджикистане на основе открытых источников и некоторых интервью с региональными экспертами. Автор выражает большую благодарность Я. А. Амелиной («Кавказский Геополитический Клуб»), И. Мирсаитову (НПО «Search for Common Ground»), Т. В. Мармонтовой (Евразийский Национальный Университет), Ш. Ризоену (ЦСИ при президенте РТ), А. А. Казанцеву (МГИМО МИД РФ) за помощь в поиске материалов, а также ряд ценных рекомендаций.

«Террористическая эмиграция» - это выезд радикалов из иностранных государств в горячие точки (преимущественно Сирию, Ирак и Афганистан), с целью участия в боях на стороне террористических группировок. Изучение этого социального явления стало актуальной задачей в 2010-е гг., когда поток экстремистов в Сирию и Ирак стал особо значительным.

Ряд опубликованных на Западе исследований были посвящены оценке масштабов и структуры террористической эмиграции, ее географических, демографических и социальных характеристик[9]. Особый интерес исследователей вызвал феномен «террористической эмиграции» из Западной Европы и значение этого явления для безопасности европейских государств [7][11. Р. 858-877]. Некоторые работы посвящены узкоспециальным проблемам, включая проблему использования социальных сетей в процессе вербовки боевиков[10. Р. 1-22]. Интерес к данному социальному явлению проявляет также ряд постсоветских авторов, в особенности представителей российского экспертного сообщества[2][4].

Особый интерес вызывает изучение причин «террористической эмиграции» для тех, кто в ней участвует. Ответ на этот вопрос представляет и научный, и прикладной

интерес с точки зрения поиска способов борьбы с этим социальным явлением.

На текущий момент исследования показывают, что «террористическая эмиграция» не может быть объяснена исключительно с точки зрения бедности и иных социальных проблем. Исследователи обращают внимание на приток экстремистов из развитых государств с высоким уровнем жизни, что позволяет говорить о том, что материальные трудности сами по себе не могут быть главной причиной этого явления[8].

В постсоветских материалах гипотезу о социально-экономических причинах «террористической эмиграции» опровергают работы Т. А. Дронзиной(1). Автор, основываясь на анализе биографий («метод реконструкции жизненных историй») экстремистов, на материалах уголовных дел и интервью с родственниками, выехавших из Казахстана и Кыргызстана, показала отсутствие ярко выраженных социально-экономических факторов, провоцирующих присоединение к радикалам.

Ряд западных исследователей, основываясь на статистическом анализе, утверждают, что «террористическую эмиграцию» вызывают проблемы в адаптации мусульманского меньшинства в гомогенных с национальной и языковой точки зрения государствах Европы. В результате этого отдельные сообщества оказываются в изоляции и радикализуются[8. Р. 11]. Однако указанная гипотеза в большей степени актуальна для стран Западной Европы, где потерпела неудачу государственная политика «мультикультуризма». Применительно к постсоветским странам, для которых характерна иная модель взаимодействия этнических и религиозных сообществ, указанные соображения могут быть неверны.

Дронзина считает, что первоочередную роль в формировании установки на «террористическую эмиграцию»

играют идеологические мотивы, и лишь второстепенную – экономические факторы и неразвитость социальных институтов. Особым моментом для Кыргызстана, страны-донора рабочей силы, являются проблемы социальной адаптации в условиях трудовой миграции в России. Среди уехавших радикалов значительная доля имела опыт гастарбайтеров, который мог оказать влияние на их решение(1. С. 7-8).

Амелина Я. А., изучавшая проблему экстремизма в России, указывает на то, что основной причиной радикализации является идеологический вакуум, отсутствие позитивных жизненных установок и невозможность найти себя в обычной жизни, что толкает российских экстремистов в террористическую эмиграцию[2. С. 170-172].

В 2015-2016 гг. мы изучили проблему террористической эмиграции в Казахстане и Кыргызстане, основываясь на двух источниках: статистических данных правоохранительных органов о социальном составе радикального подполья в стране и материалах исследований Дронзиной. На основе этого я сформулировал ряд выводов о факторах радикализации и «террористической эмиграции» экстремистов из этих двух стран. Их содержание будет кратко изложено в следующем разделе.

В настоящей статье я представляю вниманию читателей аналогичное исследование проблемы «террористической эмиграции» в Таджикистане.

Террористическая эмиграция в Казахстане и Кыргызстане. Анализ данных по Кыргызстану показал(2)(3), что численность национальной «террористической эмиграции» составляла до 600 человек на 2016 год(4). Основную массу указанной группы составляют женатые мужчины до 30 лет (хотя доля женщин в радикальном подполье растет), преимущественно – из числа этнических узбеков, проживающих в южных регионах страны.

Полевые опросы в Ошской области, проведенные летом 2015 года, показали, что указанная радикализация части узбекского населения региона обусловлена сегрегацией этнических общин в регионе после событий 2010 года. Узбекская молодежь лишена в регионе доступа к высшему образованию и карьере на государственной службе. Этнических бизнес узбекских сообществ, связанный с трансграничной торговлей переживает спад в связи с блокадой границы со стороны Узбекистана и иными макроэкономическими факторами. При этом узбекская молодежь не сталкивается с ультимативной угрозой бедности, так как в анклавах-махалах Южного Кыргызстана существует систематическая нехватка рабочей силы в сельском хозяйстве(5).

В этой связи представители узбекского меньшинства лишены перспектив социальной мобильности. Между тем, представители кыргызстанской «террористической эмиграции» демонстрируют установку на вертикальную мобильность: уровень законченного среднего образования среди них существенно выше, чем среди республиканской молодежи в среднем. 26,7% радикалов закончили 9 классов средней школы, более 60% - 11, в среднем же среди молодежи эти показатели составляют 5,2 и 56,5% соответственно(1. С. 3).

Таким образом, «террористическая эмиграция» частично вызвана остановкой социальных лифтов и конфликтом с действующей властью молодых радикалов. Эти факторы существенно облегчают подходы вербовщиков-экстремистов. По данным местных властей, 50% случаев вербовки происходит в ходе трудовой миграции в России и Турции, 30% устанавливают контакт с радикалами через социальные ресурсы в интернете, 15% - в мечетях Кыргызстана, 5% в ходе религиозного обучения за рубежом(6).

В Казахстане «террористическая эмиграция» (общая численность 303 человек, по последним данным[9. Р. 8]) не имеет такого однозначного этнического или географического портрета, хотя существует не вполне доказанные представления о большем распространении экстремизма в западных областях республики.

Социальный портрет радикала по данным 2012 года близок к кыргызскому(7): мужчина от 21 до 39 лет, женат имеет детей, по профессии самозанятый, хотя «официально» может считать безработным. Большинство имеют рабочие специальности (электрики, строители и т.п.) или занимались неофициальным бизнесом, связанным с посреднической торговлей или ремонтом бытовой техники. Для уровня образования, судя по данным об арестованных участниках экстремистского подполья, характерны отличия, аналогичные кыргызстанским. 28,5% радикалов имели высшее образование, более 60% законченное среднее или среднее специальное[6. С. 37]. Среди населения в среднем эти показатели составляли 20% и 50%.

Природа этой диспропорции достоверно неизвестна, однако автор предполагает, что она связана с тем, что большинство радикалов – выходцы из малых городов и сел, переехавшие в областные центры. Там они сталкиваются с проблемами при самореализации, непотизмом, бюрократическими препятствиями при открытии собственного дела, коррупцией и чисто бытовым одиночеством в новой среде. Эта гипотеза не имеет точных статистических подтверждений, однако отражает особенности биографий некоторых казахстанским радикалов.

Впрочем, видимо, текущее поколение казахстанским экстремистов (2016-2017 гг) имеет иной социальный портрет. Интервью с сотрудниками силовых структур республики показывают, что сейчас существенно снизился средний уровень образования радикала, много лиц с неоконченным

средним образованием, безработных. Отмечается также рост числа лиц, ранее осужденных за насильственные преступления корыстного характера, разбои и грабежи. Это может означать рост общей численности экстремистского подполья в Казахстане за счет маргинальных элементов.

Процесс вербовки казахстанских экстремистов изучен хуже, чем в предыдущем случае. Известно, что в нем большую роль играет интернет и кружки радикального толка, в которые молодые радикалы попадали по месту жительства.

На основе выше приведенных данных можно констатировать, что социологический портрет «террористической эмиграции» похож для обеих стран. В «группе риска» находятся мужчины, часто имеющие жену и детей, занятые непрестижным трудом, но пытавшиеся получить или получившие образование выше среднего уровня. Фактором риска также является горизонтальная мобильность, выезд в поисках работы в крупный город или за пределы страны.

Общие данные об экстремистском подполье в Таджикистане. В последние годы в Таджикистане отмечен явный рост активности экстремистских сообществ. Если в 2010 году в республике зарегистрировали лишь один факт создания экстремистской организации, то в 2014-м – уже 43 таковых[1. С. 27]. Большинство созданных ячеек поддерживают связь с зарубежными центрами или, во всяком случае, провозглашают себя частью международных экстремистских и террористических организаций.

Численные оценки явления показывают, что с 2012 по 2015 гг., по обобщенным данным, не менее 449 человек привлекли за экстремистские и террористические преступления[3. С. 37](8). За пределами страны в горячих точках находится около 1094 экстремистов. Более 900 из них объявлены в международный розыск(9)(10). Более 300 радикалов погибли в ходе вооруженного конфликта на территории Сирии и

Ирака[5. С. 22], 200 человек вернулись по разным причинам на родину(11).

Чтобы оценить масштаб приведенных данных, сравним их со статистикой «террористической эмиграции» в Казахстане и Кыргызстане в расчете на 100 тыс. человек населения. В Республике Казахстан доля уехавших радикалов составляет 1,8, в Кыргызстане – 10,5, в Таджикистане - 13,3, т.е. последний показатель является наибольшим среди всех рассматриваемых стран.

Судя по имеющимся данным, наиболее интенсивный рост «террористической эмиграции» пришелся на период с середины 2015 года, когда в «террористической эмиграции» участвовали 519 человек, из которых 150 погибли, а 35 вернулись в страну(12). Рост потока уезжающих был явно связан с неудачной попыткой государственного переворота и запретом в республике Партии Исламского Возрождения Таджикистана (ПИВТ). Видимо, часть сторонников запрещенной организации приняла решение покинуть страну и присоединиться к ДАИШ.

Власти Таджикистана уже сообщали об арестах бывших членов ПИВТ, агитировавших молодежь присоединяться к террористам в Сирии(13)(14). Независимой проверке эти сведения о партийной принадлежности арестованных не поддаются, однако радикализация и уход в террор части представителей запрещенной организации не кажутся автору априори невозможными.

Попытаемся определить географическое распространение «террористической эмиграции в Таджикистане». По данным Генеральной прокуратуры Таджикистана, радикалы имеют следующее распределения по месту проживания:

- Хатлонская область – 400 лиц;
- Согдийская область – 272;
- Районы республиканского подчинения – 254;
- Душанбе – 139;

- Горно-Бадахшанская область – 26(15).

Таким образом, в поле зрения органов Таджикистана находится более 1000 граждан страны, причастных к экстремистской террористической деятельности. С учетом латентности деятельности нераскрытых подпольных организаций, можно предположить, что суммарная численность радикального подполья в стране и за ее пределами достигает нескольких тысяч человек.

Доступные данные позволяют составить представление о том, какие радикальные организации наиболее активны в Таджикистане. На основе материалов выборки дел 225 экстремистов, привлеченных к ответственности в 2012-2015 гг. можно констатировать, что крупнейшей группировкой является «Исламское Движение Узбекистана» (37,7% арестованных), на втором месте – «Джамаат Ансаруллох» (28,7%), далее – «Салафия» (15,5%), «Хизб ут-Тахрир» (4,9%), ДАИШ (4,4%), «Джабхат ан-Нусра» (1,8%)[3. С. 37].

Анализ этого списка показывает, что в отличие от прочих стран Центральной Азии роль экстремистских организаций, наиболее активных на Ближнем Востоке, не велика, а наиболее опасны организации, действующие в соседнем Афганистане. Это во многом обусловлено географическим и историческим аспектом: Таджикистан имеет общую границу с Афганистаном, в отличие от Кыргызстана и Казахстана. Именно в Афганистан эмигрировали представители оппозиции, не признавшие мирных соглашений конца 1990-х гг., включая лидеров ИДУ и «Ансаруллох».

Кроме того, активность иностранных экстремистов в республике в прошлые годы часто была связана именно с транзитом боевиков на афганскую территорию для участия в гражданской войне на стороне движения Талибан, в ряд вышеупомянутых группировок-союзников талибов. Известно, например, не менее семи случаев, когда выходцев из России арестовывали в республике за экстремистскую

деятельность, за с попытки проникнуть в Афганистан через территорию Таджикистана(16).

Второй отличительной чертой экстремистского сообщества РТ является его большой «радикализм». В Казахстане и Кыргызстане большая часть изобличаемых участников экстремистских сообществ напрямую не задействована в террористической деятельности. Они чаще примыкают к «прихожей джихада» - группировкам «Хизб ут-Тахрир» и «Таблиги Джамаат» (ТД), которые практически не создают боевых отрядов под своим флагом, а занимаются пропагандой радикальных идей. Однако в Таджикистане эти организации мало заметны по статистике арестов после серии процессов над членами ТД в 2009-2010 гг., в ходе которых осудили 92 ее активистов[5. С. 18].

Сейчас более половины арестованных экстремистов, оказываются членами террористических организаций, активно действующих на территории соседних районов Афганистана. Для сравнения, в Казахстане более 70% участников экстремистских ячеек не уличают в каких-либо конкретных действиях, направленных во внешнюю среду, включая пропаганду и агитацию[6. С. 35]. Из числа стоящих на учете радикалов менее 6% считаются склонными к насильственным действиям(17).

Таким образом можно констатировать, что для экстремистского сообщества в РТ в большей мере характерен последовательный радикализм взглядов, готовность выезжать для участия в боях в горячие точки и участвовать в подготовке терактов на родине. Рост террористической активности, преимущественно связанный с деятельностью «Ансаруллох», был остановлен в начале 2010-х, однако с 2015 года отмечается очередная тенденция к росту радикализма.

Социальный портрет. В целях создания социального портрета радикала мы обратились к методу реконструкции биографий представителей «террористической эмиграции». В

качестве фактической базы мы использовали представленные в открытых источниках интервью с вернувшимися из горячих точек и/или их родными. В некоторых случаях первоисточниками служили материалы уголовного судопроизводства. Рассказы СМИ с упоминанием анонимных фигурантов в выборку не включались, так как они не поддаются верификации(18).

Таким образом, мы реконструировали 22 социальных портрета лиц, выехавших из Таджикистана в Сирию и Ирак. Из них 19 мужчин и 3 женщины. К возрастной группе 30-34 лет относятся 6 человек, 25-30 лет – 10 человек, 24 года и моложе – 5. Только 3 человека достигли возраста старше 34 лет на момент присоединения к радикалам, причем оба смогли сделать успешную карьеру в рядах экстремистов. Это полковник Таджикского ОМОН Гулмурод Халимов (1975 г.р.), полевой командир Давлат Чолов (1971 г.р.) и кулябский житель Нусратулло Назаров (1979 г.р.). Причем все три перечисленных лица использовались экстремистами для вербовки новых боевиков, участвовали в выпуске пропагандистской продукции и проч.

Возрастной состав боевиков косвенно подтверждает анализ пропагандистских материалов ДАИШ. Группировка несколько раз публиковала пропагандистские ролики о выходцах из Таджикистана в своих рядах. В их числе сцена «присяги» 26 человек и фотографии 19 убитых в ходе боевых действий (2015), размещенные в сети(19)(20). Практически все лица этой выборки из 44 человек (1 позирует в маске-балаклаве) выглядят не старше 30 лет.

Географически 7 человек из Согдийской области, 7 – из Хатлонской, 4 человека – из Душанбе и районов республиканского подчинения, 3 человек представляют Куляб. Это соотношение, в целом, не противоречит приведенным выше данным о «террористической эмиграции» на базе официальных данных. Подавляющее большинство -

выходцы из небольших сел или поселков городского типа, хотя и имеющие опыт проживания в крупных городах во время учебы или трудовой миграции.

Судя по имеющимся данным, этнически радикалы – это преимущественно этнические таджики. Исключение составляет Кубодиенский район Хатлонской области, где около 40% выехавших относятся к этническим узбекам и являются компактно проживающим этническим меньшинством(21).

Семейное положение достаточно пестрое. 7 человек из выборки женаты и имели детей, что типично с точки зрения социологии религиозных радикалов, минимум 3 были разведены, однако в нашей выборке также много неженатых лиц или тех, о чьем семейном положении нет данных. Характерно, что многие семейные радикалы уезжали в горячую точку вместе с женой и детьми. Минимум 1 человек выехал в Сирию вместе с сестрой.

Из выборки только у 3 человек (со слов их или близких) было высшее образование. Однако эта информация сомнительна: один из убитых в Сирии, несмотря на высшее образование, за 7 лет в России занимался сезонными работами. Другой арестованный заявил на суде, что имеет два высших образования, но при этом работал официантом в кафе(22-24). Еще три человека по различным причинам не окончили высшее образование, двое бросили университет для отъезда в Сирию, один был отозван родными домой с первого курса МГУ, потому что стал контактировать с радикалами.

В прочих случаях образование участников выборки варьируется от неполного среднего до неоконченного среднего специального. Один из радикалов даже учился в военном колледже в Душанбе, но было отчислен. Однозначно малообразованными по меркам своей среды считались только двое, причем оба были из бедных семей.

Социальный статус радикалов до момента эмиграции был чаще всего невысок. Только 3 человека имели сравнительно высокое социальное положение: упомянутый полковник Халимов входил в руководство МВД и даже считался участником политической жизни страны. Другой пример Д. Чолов – офицер пограничной службы, брат известного полевого командира времен гражданской войны, уволенный за уголовное преступление и позже занимавшийся бизнесом(25). Наконец, это Маржона Аланазарова, жена состоятельного владельца ювелирного магазина. Правда, последняя сознательно оставила мужа, и уехала с детьми в Москву, где работала швеей на фабрике(26). Причины этого сознательного понижения статуса неясны и могут объясняться и заранее обдуманном намерением присоединиться к ДАИШ, и личными проблемами, которые могли сами по себе создать благодатную почву для вербовки.

Практически все прочие представители выборки, о профессии которых мы имеем данные, занимались неквалифицированным или низкоквалифицированным трудом. Наиболее частая профессия - разнорабочий в сфере торговли, строительства и общественного питания, реже – в пищевой или легкой промышленности. В общей выборке также есть более квалифицированные кадры: водитель такси, швея и сотрудник автосервиса, т.е. профессии, подразумевающие наличие определенных навыков и даже сдачи экзамена (например, на водительские права). Вопреки стереотипам, ни в одном из случаев нет данных о потере работы перед отъездом в «горячую точку».

Косвенным признаком невысокого интеллекта и коммуникативных навыков у респондентов можно считать то, что большинство из них не использовались ДАИШ для пропаганды и вербовки, ни через личные контакты, ни при подготовке материалов широкой аудитории. Судя по всему, пригодными для этой работы оказывались единицы из числа

таджикистанских экстремистов. Характерен пример разнорабочего на стройке Анушервона Азимова (он же «Анас»), который по некоторым данным несет ответственность за 10-40% случаев вербовки таджикистанцев(27). Очевидно, что такая «эффективность» отдельного лица означает незначительные результаты работы других вербовщиков из Таджикистана.

Следует подчеркнуть, что при всем вышеизложенном нет признаков однозначной бедности или социальной маргинализации среди участников выборки. Практически у всех на момент вербовки была постоянная работа, 90% имели доступ к интернету, минимум один человек посещал спортзал. Безусловно состоятельных людей среди них было немного, возможны определенные финансовые затруднения у глав многодетных семейств, однако ни в одном случае признаков катастрофического материального положения обнаружить не удалось.

Известно, что в ходе допросов арестованные бывшие боевики часто акцентируют внимание на своих финансовых трудностях. Но часто эта информация необъективна, так как направлена на смягчение вины в глазах следствия. Естественно, что в интересы экстремиста входит убедить власти в том, что его вербовка - не следствие убеждений, а случай, вызванный субъективными жизненными обстоятельствами.

Связи с криминальным миром зафиксированы лишь у двух фигурантов. Причем в случае Чолова они сыграли особую роль. По словам родственников, его экстремистские взгляды сложились в период отбывания наказания: «...после выхода из тюрьмы он стал религиозным человеком... Носил длинную бороду, ездил на «Мерседесе», иногда вступал с ребятами в религиозные споры»(25).

Впрочем, в большинстве случаев родственники, рассказывающие о представителях «террористической

эмиграции», избегают сообщать о каких-либо негативных признаках – религиозной радикализации, криминальных связях, склонности к насилию. Это можно объяснить и скрытностью радикалов, и понятным желанием самореабилитации со стороны их близких в собственных глазах и с точки зрения закона. Также ни в одном случае нет сведений о религиозном образовании кого-либо из изученных лиц. Выраженный интерес к религии до момента вербовки родные отмечали всего у двух человек.

Анализ представленных источников позволяет выдвинуть гипотезу о том, что на решение о вступлении в террористическую организацию влияет длительный стресс из-за какой-либо жизненной неудачи. Минимум у 6 человек в недавнем прошлом либо случались крупные личные или карьерные неудачи (распад семьи, потеря возможности обучения, уголовное преследование) либо были признаки явной неудовлетворенности жизнью (употребление наркотиков, бегство из семьи). В случае некоторых респондентов подобных данных нет, и характер источников и не позволяет детализировать биографию.

Можно предположить, что «террористическая эмиграция» стала для многих боевиков, защитной реакцией на стресс или психологическую травму, какой в других условиях может стать суицид, пьянство и наркомания, хаотичное антисоциальное поведение. Подтвердить или опровергнуть это предположения могут дополнительные исследования, основанные на большей выборке и проведении углубленных интервью с экстремистами и их близкими.

Индоктринация и вербовка. Если анализировать факторы, провоцирующие выезд таджикстанцев в Сирию и Ирак для вступления в войну на стороне экстремистов, то факты довольно убедительно указывают на то, что выехавшие – чаще всего трудовые мигранты. По данным Генпрокуратуры Таджикистана, 85% лиц, уехавших в горячие точки - бывшие

трудоустройство мигранты на территории России(28). Анализ нашей «биографической выборки» дает близкую картину: 13 человек в разное время жили, учились или работали в России, 5 – в Турции, а для остальных мы не располагаем точными данными.

Известно достаточное число случаев, когда вербовка представителей «террористической эмиграции» производилась непосредственно в России или на пути туда. В частности, антитеррористический центр ШОС сообщил в 2016 году о канале вербовки, вскрытом в поездах из Центральной Азии в Россию(29). Однако какой-то единой картины или приемов вербовки невозможно выделить. Известны случаи вербовок в российских мечетях со стороны посещающих их экстремистов, создания подпольных радикальных ячеек по месту работы.

Часто встречи с вербовщиком носят случайный характер и связаны с желанием молодых мигрантов найти поддержку единомышленников и соотечественников на новом месте. Можно привести в качестве примера рассказ одного из бывших боевиков, который познакомился со своим вербовщиком в Петербурге, где работал таксистом. «С вербовщиком, отправившим меня в Сирию, я познакомился случайно. Несколько раз возил его. Это был таджик, мне он представился как Абдурахмон. Он был моим клиентом. Стали общаться. Он мне рассказывал о Сирии. Постоянно говорил о несправедливости жизни в Таджикистане, в России, показывал разные видео» - рассказал в интервью Бободжон Карабоев(11).

За знакомством обычно следует период идейной обработки с использованием интернета. Вербовщик поддерживает с объектом контакт по электронной почте и социальным сетям, направляет ему различные экстремистские материалы, преимущественно видеоролики ДАИШ на русском и таджикском языках. По данным прокуратуры РТ, до 90%

завербованных подвергались подобной обработке(28). Иногда вербовщик проводит с группами объектов целые агитационные «занятия» по Skype. Очные собрания редки, если ячейка не имеет общего места работы, так как трудовая деятельность отнимает у мигрантов слишком много времени. Исключение составляют контакт в ходе религиозных служб в крупных мечетях, где искали своих жертв некоторые вербовщики.

Вербовка, судя по доступным примерам, включала в себя идеологические и прагматические моменты. Вербуемому внушались мысли о несправедливости социального устройства, которое является причиной его невысокого социального статуса. Наравне с этим вербовщики «рекламируют» социальное устройство на территориях, контролируемых ДАИШ, и внушают мысль, что там можно заработать деньги и сделать карьеру в местной иерархии. В некоторых пропагандистских роликах ДАИШ явно присутствуют образы «красивой жизни»: боевики позируют на фоне красивых домов и дорогих машин, создавая впечатление, что эти блага доступны участникам движения.

В вербовочных беседах идеологические и прагматические мотивы были явно тесно переплетены. Немаловажную роль играет то, что ДАИШ, как общеизвестно, контролирует большие территории – то есть имеет тыл и определенные материальные ресурсы. В сумме это гарантирует боевикам лучшие условия жизни, чем в Афганистане или Пакистане, где отряды террористов большую часть времени действуют в условиях подполья. Например, после популяризации в экстремистской среде ДАИШ, участились случаи «миграции» боевиков из Афганистана в Сирию и Ирак, что вызывало острую реакцию со стороны местных полевых командиров лишавшихся боевиков. Выпускались даже специальные пропагандистские ролики против такой практики.

В рядах ДАИШ неопиты имели техническую возможность привести с собой семью или завести ее на месте, что довольно важно для молодых мужчин. По данным автора, в отрядах афганского Талибана среди иностранных боевиков остро стояла проблема половой жизни, превращавшаяся порой в сексуальный психоз. Автору известен случай, когда боевик покинул свою группировку, а, вернувшись на родину, объяснял свое решение распространением в отряде гомосексуализма («братской любви» на жаргоне террористов) и страхом перед изнасилованием(31). В условиях сирийской ДАИШ подобные проблемы становятся менее актуальными.

Возникает вопрос о роли пребывания за рубежом вербовке боевиков. Является ли оно источником проблем или одним из сопутствующих условий, как и доступ 9 из 10 радикалов к интернету? В принципе, криминогенный характер трудовой миграции возможен. Например, в Кыргызстане также большинство уехавших были завербованы экстремистами именно в процессе работы за рубежом, в том числе в России(1. С. 4).

Трудовые мигранты из Таджикистана часто имеют полулегальный статус, оказываются вне поля зрения правоохранительных органов, сталкиваются с социальными и личными проблемами, связанных с резкой сменой среды и низким социальным статусом.

Однако некоторые аномалии показывают, что миграция явно не была основным фактором, сделавшим возможной вербовку. В частности, обращает на себя внимание региональная диспропорция: по данным МВД РТ, число радикалов, уехавших из Согдийской области, составляет 394 человек, т.е. около 40% от общей массы уехавших из республики. Между тем, доля данной области в населении страны – 29%, а доля в диаспоре на территории России – около 27%(32. С. 35). Уровень миграции из Душанбе и районов республиканского подчинения никак не меньше (до 40%

диаспоры), однако уровень отъезда экстремистов из данных регионов менее заметен.

Статистика позволяет утверждать, что трудовая миграция скорей является удобной средой для вербовки, однако делает ее возможной индоктринация экстремистов еще на территории Таджикистана. На это указывает наличие выраженных территориальных кластеров, где концентрация «террористов-эмигрантов» наиболее высока. Таких на основе доступных источников можно выделить минимум три:

- населенный пункт Чоркишлок (Согдийская область), где при населении до 5 тысяч жителей, 32 человека, включая членов семей боевиков, выехали для участия в боевых действиях в Сирии(33);
- Язгулум (Горно-Бадахшанская Автономная Область), откуда, по данным местных властей в Сирию выехали 18 человек из 5,4 тыс жителей(34);
- Навбахор и в целом джамоат «20-летие независимости» (Кубодиенский район, Хатлонская область) - более 30 человек на 20,8 тыс жителей(21)(35).

Эти факты позволяют предположить, что минимум в части случае вербовки важную роль играют не появившиеся новые контакты в местах иммиграции, но сложившаяся на родине система социальных связей или даже комплекс радикальных идей, полученный еще в месте изначального проживания.

Например, в Согдийской области в этом плане ситуация долгое время оставалась неблагополучной, и в ряде случаев пропагандой радикальных идей занимались имамы местных мечетей. В частности, весной 2016 года были арестованы 5 согдийских имамов, являвшихся членами экстремистской организации «Братья-мусульмане» и 1 имам, участвовавший в группировке «Салафия»(36). Арестованный в Худжанде имам мечети «Такво» Орифджон Эргашев показал, что был участником группировки «Братьев» в течение 15 лет и все это

время безнаказанно занимался пропагандистской деятельностью в регионе(37). В Навбахоре, как установлено судом, пропаганду вел мулла Исроил Намозов, приговоренный к длительному тюремному заключению(35).

Можно вспомнить также группировку под руководством Д. Чолова, которая вербовала молодежь непосредственно в Таджикистане и координировала ее выезд в Сирию. По данным процесса 2014 года, в группе Чолова было несколько человек, находившихся в тюрьмах и ведущих вербовку в условиях предварительного заключения(25). Следует отметить, что завербованные выезжали в горячие точки через Турцию и Россию, каковые страны были лишь промежуточным этапом в рамках заранее согласованного замысла, но с точки зрения родных – они могли относиться к числу «трудовых мигрантов» и пополнять статистику «завербованных за рубежом».

Очевидно, что в условиях такой активной экстремистской агитации на родине некоторые местные представители молодежи уже были готовы к контакту с экстремистами или, во всяком случае, были более терпимы к их идеологии. Часть же, на момент выезда из страны, уже была ориентирована на участие в Сирийской войне и они лишь маскировали свои замыслы от близких, говоря об отъезде на работу или учебу.

Проведенное исследование показывает, что проблема «террористической эмиграции» остро стоит в Казахстане, Кыргызстане и Таджикистане. Численность экстремистов, выехавших в горячие точки из РТ, и в абсолютном, и в относительном выражении (1094 человека в целом или 13,3 на 100 тыс. населения) – наибольшая среди всех изученных стран. Наиболее интенсивный рост экстремизма в республике отмечен в 2015-2016 гг., что связано в том числе с запретом ПИВТ и радикализацией ее бывших сторонников.

Террорист из РТ имеет следующий усредненный социальный портрет. Мужчина, 24-34 года, этнический

таджик, реже узбек. Чаще всего уроженец села или небольшого города в Хатлонской или Согдийской областях, а также районов республиканского подчинения. В подавляющем большинстве случаев «эмигрант» состоит в браке или разведен. Возможно, наличие многодетной семьи. Средний уровень образования и интеллекта невысок. В некоторых случаях возможно наличие фиктивных дипломов или неоконченного высшего образования. Характерная профессия – разнорабочий в эмиграции в Турции и России, реже - квалифицированный рабочий труд.

Основные признаки социального портрета имеют сходство с данными, касающимися террористической эмиграции из Казахстана и Кыргызстана. Таджикистанских экстремистов отличает лишь более низкий в среднем уровень образования (или мотивации для его получения) и больший религиозно-политический радикализм.

Анализ собранных данных не показал непосредственного влияния материальных проблем на решение об «эмиграции». Доля преуспевающих людей среди уехавших экстремистов невелика, однако в большинстве случаев не обнаружено ультимативной угрозы безработицы или резкой потери социального статуса. Также редки случаи связей с криминалом, выраженной склонности к насилию. Практически ни в одном случае нет данных о систематическом религиозном образовании до момента вербовки. Нельзя исключать, что религиозное невежество экстремистов само облегчало работу вербовщикам.

Исходя из собранных данных, можно допустить, что «террористическая эмиграция» становится для части индивидов реакцией на длительный стресс или депрессивное состояние, аналогичной попыткам суицида или пьянству. Кроме того, фактором риска может быть трудовая миграция в крупный город, не важно, в родной стране или за ее

пределами. Потеря традиционных связей и одиночество облегчают контакт с вербовщиками из радикальных кружков.

При этом, по имеющимся данным, роль трудовой миграции в Россию в вербовке таджикистанцев явно преувеличена. Есть основания полагать, что значительная часть «террористической эмиграции» была индоктринирована или даже завербована радикалами при участии экстремистски настроенных представителей духовенства в родных населенных пунктах. Зачастую сам отъезд экстремиста в Россию является лишь промежуточным шагом для последующего движения в Турцию и Сирию.

Тревогу вызывают случаи вербовки в криминальной среде, в том числе в местах лишения свободы. Пока они, видимо, не являются массовыми, но создают предпосылки для формирования связей экстремистов с оргпреступностью. В долгосрочной перспективе это может вести к формированию устойчивых криминально-политических сообществ, контролирующих контрабанду наркотиков и оружия, аналогичных пакистанскому Талибану или латиноамериканским наркокартелям.

Решению проблемы могла бы способствовать активизация работы с молодежью особенно из числа лиц, занятых неквалифицированным или поденным трудом, в том числе трудовыми мигрантами в странах ОДКБ. Причем работа должна вестись и в родных государствах, включая Таджикистан, и в странах-акцепторах трудовых ресурсов.

Необходима активизация сотрудничества по линии мусульманских религиозных организаций в целях борьбы с пропагандой религиозного экстремизма, более активная работа с верующими из числа молодежи. Здесь также уместны были бы программы по повышению квалификации мусульманского духовенства в учебных заведениях, находящихся на территории ОДКБ, так как нехватка квалифицированных кадров остро чувствуется во многих

сельских районах, а риски, связанные с радикальной пропагандой в ряде медресе дальнего зарубежья – очевидны. Возможно создание принципиально новых учебных центров в России и Казахстане для учащихся-богословов из всех стран постсоветского пространства.

Кроме того, рекомендуется сосредоточить организации культурного досуга работающей молодежи в особенности – в малых населенных пунктах Таджикистана, и в местах компактного проживания мигрантов в России и Казахстане. В их рамках наравне с сугубо досуговой деятельностью имеет смысл развивать языковые курсы, сервисы юридических консультаций и бытовых услуг, программы повышения квалификации, а равно сервисы знакомств.

Рекомендуется активизация антиэкстремистской деятельности в местах лишения свободы, в том числе борьба с созданием там сообществ по религиозному и этническому признаку.

Сочетание указанных мер с оперативной работой по выявлению вербовочной деятельности может существенно снизить риски дальнейшего роста «террористической эмиграции» и распространения экстремизма среди мобильной молодежи стран ОДКБ, включая Таджикистан.

Примечания

(1) Дронзина Т., Дубанаев Б. Кыргызские боевики в зарубежных террористических организациях. Доклад. Бишкек: Search for Common Ground, 2015. Документ из архива Search for Common Ground.

(2) Мендкович Н. А. Проблема экстремизма среди молодежи Кыргызстана // Доклад на конференции «Вызовы региональной безопасности и меры поддержания мира и стабильности после вывода Международных сил содействия

безопасности с территории Афганистана», Таджикский Национальный Университет, Душанбе, 1 октября 2015;

(3) Мендкович Н. А. Боевик «ИГ»: киргизский портрет // Кавказский Геополитический Клуб, 19 октября 2015.

(4) ГКНБ в Сирию выехало более 600 граждан Кыргызстана // Озоди, 3 августа 2016.

(5) Серия интервью с представителями бизнес-сообщества Ошской и Чуйской областей в июне 2015 года.

(6) Саралаева Л. Джихадисты планировали вогнать Ош в ужас и Средневековье // Новые лица, 19 января 2015.

(7) Мендкович Н. А. Террористическое подполье в Казахстане // Станрадар, июль-август, 2016.

(8) В 2015 году на севере Таджикистана задержано более 100 экстремистов // ИА Regnum, 29 января 2016.

(9) На севере Таджикистана впервые за экстремистские призывы осужден подросток // ИА «Азия-Плюс», 3 августа 2016

(10) В Таджикистане задержано свыше 200 подозреваемых в попытке госпереворота, в международный розыск объявлено 903 таджикистанца // ИА Фергана, 25 января 2016.

(11) Экс-боевик из Таджикистана: «Мы были пушечным мясом» // ВВС, 1 апреля 2016.

(12) На Юге Таджикистана задержали подростков, вывесивших флаг ИГИЛ в Шахритузе // Азия-плюс, 18 августа 2015.

(13) Житель Явана отправлен за решетку на 5 лет за пропаганду идей ПИВТ // Таджикистан-онлайн, 23 июня 2016;

(14) «Джумхурият»: Члены ПИВТ в причастны к терактам // Озоди, 2 июня 2015.

(15) Данные на 2016 год. Представленные А. Казанцевым в ходе конференции «Угрозы международного терроризма и религиозного экстремизма государствам - членам ОДКБ на Центральноазиатско-афганском направлении», МГИМО МИД РФ (Москва), 15 декабря 2016 года.

(16) Сулейманов Р. Мусульмане Урала в рядах боевиков «ИГ» // Расулевские чтения: ислам в истории и современной жизни России, Челябинская область, город Троицк, Южно-Уральский государственный аграрный университет, 8 июля 2016.

(17) В Казахстане ищут пособников террористов в Актобе // ТАСС, 15 июня 2016.

(18) Подборка новостных сообщений: Таджикские «джихадисты» отправились в тюрьму // Центральная Азия в Интернете, 7 июня 2016; Марджона говорит, что ИГИЛ сделает из нее смертницу // 1 октября 2015; Еще трое таджикистанцев погибли в ИГИЛ // Азия-Плюс, 31 марта 2015; Таджикские «джихадисты» отправились в тюрьму // Центральная Азия в Интернете, 7 июня 2016; За 10 дней из меня сделали воина ДАИШ // Озоди, 13 марта 2016; Исламское государство – государство деспотии // Озоди, 7 мая 2015; Марджона говорит, что ИГИЛ сделает из нее смертницу // 1 октября 2015; Исповедь таджички, чей муж погиб в Сирии // ВВС, 17 августа, 2015; Впечатление войны // Лента.ру, 5 октября 2015; Отказавшегося от джихада в Сирии Парвиза суд выпустил на свободу // Озоди, 13 апреля 2015; Жителя Восе задержали на пути в Сирию // ИА Независимое мнение, 13 августа 2015; Семь жителей Хамодони в Сирии // Таджикистан-онлайн, 8 сентября 2015; «Никогда не прощу их за то, что увезли внуков» // Озодагон, 4 июля 2016; Комрон, который избегал религиозных тем, отправился в Сирию // Озоди, 4 августа 2015; Таджикский эмиссар ИГИЛ по кличке Анас убит в Сирии // Азия-плюс, 22 апреля 2016; Власти разыскивают «Анаса» таджикского эмиссара ИГ // Озоди, 11 августа 2016; 5 граждан Таджикистана задержано на турецко-сирийской границе // Озоди, 26 марта 2015; Дорога из таджикского кишлака в ряды джихадистов в Сирии // ВВС, 10 октября 2014; Давлат Чолов: «Тетя» это не Сирия // Озоди, 29

августа 2014; Чоркишлок: родина 20 участников сирийской войны // Озоди, 25 сентября 2014.

(19) Новая видео-запись сообщает о смерти 19 таджиков в боях в Сирии и Ираке // Озоди, 1 марта 2015.

(20) 25 таджиков в новых видео приносят присягу ИГИЛ // SA-News, 7 августа 2015.

(21) В Таджикистане стали проводить антитеррористические беседы на узбекском языке // Радио Озоди, 30 сентября 2016.

(22) Война отняла у отца двух сыновей, но оплакивает он одного // Озоди, 18 декабря 2016.

(23) Семь жителей Хамодони в Сирии // Таджикистан-онлайн, 8 сентября 2015.

(24) Таджикские «джихадисты» отправились в тюрьму // Центральная Азия в Интернете, 7 июня 2016.

(25) Давлат Чолов: «Тетя» это не Сирия // Озоди, 29 августа 2014.

(26) Марджона говорит, что ИГИЛ сделает из нее смертницу // Озоди, 1 октября 2015.

(27) Власти разыскивают «Анаса» таджикского эмиссара ИГ // Озоди, 11 августа 2016.

(28) Генпрокуратура: 90% таджикских боевиков завербовано в ИГИЛ по интернету // Озоди, 12 октября 2016.

(29) Канал вербовки террористов в поездах из Центральной Азии в РФ пресечен // Sputnik-Таджикистан, 26 октября 2016.

(30) Вербовка таджиков // Зона.кз, 27 августа 2016.

(31) Интервью с источником в одной из региональных спецслужб, 2015.

(32) Диаспора – партнер по развитию Таджикистана. Душанбе: Международная Организация по Миграции, 2014.

(33) Все больше жителей исфаринского джамоата Чоркишлок отправляется в Сирию // Азия-плюс, 2 апреля 2015.

(34)18 юношей из Язгулома в составе «Исламского Государства» // Радио «Озоди», 2 сентября 2015.

(35) Суд Хатлона вынес приговор 8 кабадиянцам, которые намеревались выехать в Сирию // Авеста, 29 октября 2016.

(36) В Таджикистане за экстремизм задержаны 5 имамов // ИА Regnum, 20 мая 2016.

(37) В Таджикистане имам-экстремист добровольно сдался властям // New Asia, 7 июля 2016.

Научная литература

[1] Абдухамитов В. А. Опыт противодействия терроризму и религиозному экстремизму среди молодежи в Республике Таджикистан: проблемы и пути решения // Формы и методы противодействия распространению идеологии экстремизма и терроризма среди молодежи. Роль и задачи образовательных организаций. Тезисы. Москва: Министерство образования и науки Российской Федерации, 2015.

[2] «Исламское государство»: сущность и противостояние. Аналитический доклад. Под общей редакцией Я. А. Амелиной и А.Г. Арешева. Владикавказ: Кавказский геополитический клуб, 2015.

[3] Касимова М. А. Основные причины участия граждан РТ в вооруженных конфликтах на Ближнем Востоке и в Афганистане и принимаемые меры противодействия // Диалог органов внутренних дел (полиции) стран Центральной Азии в противодействии экстремизму и терроризму. Бишкек: Search for Common Ground, 2015.

[4] Казанцев А. А. Проблема вербовки и возврата боевиков-террористов: опыт Европы и перспективы России. № 27/2016. Главный редактор И. С. Иванов. М.: Спец-книга, 2016.

[5] Рахмонов А. С. Современные тенденции развития радикальных экстремистских и террористических организаций в ЦАР и России: основные пути и формы

противодействия вовлечению молодежи в их ряды // Формы и методы противодействия распространению идеологии экстремизма и терроризма среди молодежи. Роль и задачи образовательных организаций. Тезисы. Москва: Министерство образования и науки Российской Федерации, 2015.

[6] Шибутов М., Абрамов В. Терроризм в Казахстане 2011-2012 гг. Алматы, 2012.

[7] Bakker E., Paulussen C., Entenmann E. Dealing with European Foreign Fighters in Syria: Governance Challenges & Legal Implications. Hague: The International Centre for Counter-Terrorism, 2013.

[8] Benmelech E., Klor E. F. What Explains the Flow of Foreign Fighter to ISIS? Working Paper 22190. April 2016. Cambridge: The National Bureau of Economic Research, 2016.

[9] Foreign Fighters. An Updated Assessment of the Flow of Foreign Fighters into Syria and Iraq. December 2015. New York: The Soufan Group, 2015.

[10] Klausen J. Tweeting the Jihad: Social Media Networks of Western Foreign Fighters in Syria and Iraq // Studies of Conflict and Terrorism, Volume 38, Issue 1, 2015.

[11] Lindekilde L. Who Goes, Why, and With What Effects: The Problem of Foreign Fighters from Europe // Small Wars & Insurgencies, Issue 5, Volume 27, 2016.

«ПСИХОНЕТИКА» – НОВЫЙ НАУЧНЫЙ ПОДХОД

Никитенко Е.Г., Сергеев Н.А. *

«В чем сила государственной Власти? Сила власти есть, прежде всего, ее духовно-государственный авторитет, ее признаваемое достоинство, ее способность импонировать власти. Поставить себе неосуществимую задачу не значит проявить силу; растрачивать свой авторитет не значит быть сильным. Сила власти проявляется, не в крике, не в суете, не в претенциозности, не в похвальбе и не в терроре. Истинная сила власти состоит в ее способности звать, не грозя и встречать верный отклик в народе. Ибо власть есть, прежде всего, и больше всего, ДУХ и ВОЛЯ, т.е. достоинство и правота наверху, которым отвечает свободная лояльность снизу. Чем меньше напряжение нужно сверху и чем больше отклик оно вызывает внизу, тем сильнее власть. Принуждение бывает необходимо; но оно есть лишь техническое подспорье или условно-временная замена истинной силы. Государственная власть есть, прежде всего, – явление ВНУТРЕННЕГО МИРА, а потом только внешнего. Власть сильна не штыком и не казнью. Штык нужен тогда, когда власть недостаточно авторитетна; казнь говорит о недостаточной лояльности снизу. Власть сильна своим достоинством, своею правотой, своею волей и ответом

* **Никитенко Евгений Григорьевич** - Профессор кафедры национальной безопасности Факультета национальной безопасности Российской Академии народного хозяйства и ГС (РАНХиГС), кандидат исторических наук, старший научный сотрудник.

Сергеев Николай Александрович - научный сотрудник Института проблем управления РАН.

народа (т.е. блюдением закона, доверием, уважением и готовностью творчески вливаться в начинания власти)».

**Русский мыслитель, ученый, публицист,
профессор И.А. Ильин,
«О грядущей России» (1948 г.)**

Ответ на вопрос о том, каковы радикальные изменения, происходящих в формах, способах и средствах, позволяет понять, как одни влиятельные субъекты мировой истории будут оказывать влияние на реализацию стратегических Проектов, другими влиятельными субъектами мировой истории в XXI веке. Процесс глобализации, начавшийся в последней четверти XX века, сопровождался активным использованием, наряду с традиционными, принципиально новых форм, способов и средств политического принуждения. Представляется, что в настоящее время накопленный опыт навязывания политической воли своим оппонентам в новых условиях глобализирующегося мира, на много опережают степень их теоретического осмысления. В частности, это касается терминологического базиса, используемого отечественными и зарубежными авторами, которые вкладывают в одни и те же понятия, различное содержание.

Длительное время большинство отечественных аналитиков такое состояние дел вполне устраивало. Более того, значительная часть из них без должного критического анализа, с пиететом особо посвященных, по поводу и без повода пользовалась зарубежной терминологией, не вникая в их сущностное содержание. Однако, как только на повестку дня встал вопрос о необходимости жесткого отстаивания Россией своих национальных интересов, путем, с одной стороны, защиты от применения против нее арсеналов новых сил и средств политического принуждения, а, с другой, использования собственных сил и средств в отношении своих

геополитических противников, ситуация коренным образом изменилась. Возникла необходимость решения комплексной проблемы, включающей в себя ряд таких частных проблем, как системная классификации накопленных влиятельными участниками мирового исторического процесса арсеналов сил и средств политического принуждения, уточнения содержания понятийной базы, связанной с формами и способами их целевого применения, разработки теоретического аппарата, позволяющего с единых методологических позиций, описывать последствия совместного применения разнородных сил и средств в изменяющихся условиях военно-политической обстановки, и, наконец, прогнозирования возможных изменений, которые могут произойти в этой сфере в краткосрочной, среднесрочной и долгосрочной перспективе.

Этой проблематике посвящены публичные выступления представителей высшего военно-политического руководства страны последних лет на различных форумах и площадках, где они пытались осмыслить изменения, происходящих в формах, способах и средствах обеспечения национальной безопасности РФ в новых условиях глобализирующегося мира. В частности, речь идет о выступлениях начальника Генерального Штаба ВС РФ генерала армии В.В. Герасимова на ежегодных общих собраниях Академии Военных наук (АВН), которые, начиная с 2013 года, были посвящены этим проблемам. В своем докладе «Генштаб и оборона страны», сделанном на ежегодном общем собрании АВН в январе 2014 года, генерал армии В.В. Герасимов указал на необходимость открытия комплексной *«научно-исследовательской работы, ориентированной на формирование современной системы знаний о войне и обороне государства, выявление основных закономерностей современного международного противоборства [1].*

Как следует из выступления генерала армии В.В. Герасимова, необходимость проведения такой работы, обусловлена рядом обстоятельств. Прежде всего, это следует из изменений, происходящих в характере вооруженной борьбы. Отмечается, что *«современные военные конфликты будут носить скоротечный характер, сопровождаться активным применением военных и невоенных средств»*. К «невоенным средствам достижения военно-политических целей» НГШ относит *«политические, дипломатические, экономические и другие меры, в том числе скрытого характера»*, включая использование неправительственных международных организаций, частных военных компаний и др. Подчеркивается, что при проведении комплексной научно-исследовательской работы особое внимание должно быть уделено *«созданию целостной теории непрямых и асимметричных действий, проводимых различными федеральными органами исполнительной власти по единому плану, в интересах превентивной нейтрализации угроз военной безопасности России»*. Дополнительно формулируется требование, согласно которому, прогнозирование и оценка военных угроз Российской Федерации, обусловленных возможностью применения в ее отношении военных и невоенных средств, «должны происходить на максимально ранней стадии их возникновения».

Особого внимания заслуживает другое выступление начальника генерального штаба ВС РФ генерала армии В.В. Герасимова «Россия должна овладеть методами гибридной войны», сделанное им на общем собрании АВН, состоявшемся 27 февраля 2016 года [2]. Суть его выступления кратко сводится к следующим положениям:

– в сфере обычных вооружений в США разработана и реализуется *концепция быстрого глобального удара*, позволяющая американским ВС в течение нескольких часов

нанести поражение войскам и объектам противника в любой точке земного шара; наряду с этим предусматривается внедрение такой перспективной формы ведения военных действий, как *глобально-интегрированная операция*, которая дает возможность ВС США кратчайшие сроки в любом регионе создавать межвидовые группировки войск, способные разгромить противника совместными действиями в различных операционных средах, что по замыслу разработчиков должно стать своеобразным блицкригом XXI века;

– опыт современных войн и конфликтов показывает, что в эпоху *«глобализации, прозрачности государственных границ и развития средств коммуникации»* решающим фактором достижения победы становятся *«невоенные способы борьбы, состоящие в комплексном применении политических, экономических, информационных и других невоенных мер, реализуемых с опорой на военную силу»*;

– совместное использование военной и невоенной силы для достижения политических целей принято называть гибридными методами ведения войны; предназначение *«гибридной войны»* состоит в подрыве военного и экономического потенциала, осуществления политического давления, активной поддержки внутренней оппозиции, использовании партизанских и диверсионных методов, организации *«цветных революций»* и т.п., ведущих к ненасильственной смене власти; переход к открытому применению военной силы происходит только в крайнем случае и, как правило, под видом миротворческой деятельности, кризисного урегулирования и др.;

– *«цветная революция»* – способ осуществления государственного переворота, организованного извне; в основе ее подготовки и проведения лежат специальные и информационно-психологические технологии манипулирования массовым сознанием, направленные на

формирование протестного потенциала населения, в том числе, с использованием глобальной сети Интернет;

– в условиях глобализации *информационные ресурсы и социальные технологии* становятся одним из самых эффективных видов оружия; фальсификация и неадекватная интерпретация событий средствами массовой информации превращается в чрезвычайно действенный *асимметричный способ* ведения войн, эффект от применения которых становится сопоставимым с результатами крупномасштабного применения войск и сил; «сочетание традиционных и гибридных методов уже сейчас является характерной чертой любого вооруженного конфликта»; однако, «если гибридные методы могут использоваться и без открытого применения военной силы, то классические боевые действия без гибридных – уже нет»;

– Вооруженные Силы должны эффективно действовать в нетрадиционных условиях, наращивать возможность ответа на асимметричные способы борьбы, успешно противостоять неявному противнику, нивелировать его сильные стороны высокотехнологичными средствами;

– для противодействия гибридной агрессии будут использоваться силы и средства региональной обороны, к участию в которых, наряду с Вооруженными Силами, другими войсками и воинскими формированиями, должны привлекаться ресурсы *не силовых федеральных органов исполнительной власти*, региональных администраций и местного самоуправления; это позволит в период непосредственной угрозы агрессии усилить меры *по противодействию действующим на территории России иностранным частным военным компаниям (ЧВК), диверсионным группам, террористическим организациям и преступным группировкам.* К силам территориальной обороны следует также добавить формирования

Национальной Гвардии, о создании которой было объявлено уже после выступления НГШ.

Сформулированные в выступлениях генерала армии В.В. Герасимова на общих заседаниях АВН положения находят свое подтверждение в новой Концепции внешней политики Российской Федерации, утвержденной Президентом РФ 30 ноября 2016 года (далее Концепция ВП РФ-2016), где в статье 8 отмечается, что *«на передний план, наряду с военной мощью, выдвигаются такие важные факторы влияния государств на международную политику, как экономические, правовые, технологические и информационные»* (1). Из выступлений генерала армии В.В. Герасимова также следует, что реализация цивилизационного Проекта России в XXI веке будет проходить в условиях масштабного и активного применения всеми влиятельными участниками мировой истории гибридных методов и средств политического воздействия. К сожалению, в выступлениях НГШ, отсутствует указание на то, что силы и средства гибридного воздействия могут использоваться не только сторонами для навязывания своей политической воли своим геополитическим противникам, но и применяться в мирных, созидательных целях посредством оказания как военной, так и невоенной помощи или поддержки своим союзникам и партнерам. В результате из рассмотрения выпадает такой важный компонент внешней политики России, как формирование нового мирового порядка (Mira – не-войны), по ее гецивилизационным лекалам.

К этому следует также добавить, что арсеналы «военной» и «невоенной» силы в операциях гибридной войны будут применяться субъектами мировой истории, как индивидуально, так в составе объединенных сил. Применение сторонами военной и невоенной силы может носить как *«симметричный»*, так и *«несимметричный»* характер. В

частности, применение военной силы может быть парировано путем использования невоенных мер и наоборот. Дополнительно, «военная» и «невоенная» сила, независимо от преследуемых целей, могут использоваться сторонами, как «*напрямую*», т.е. непосредственно в отношении своих противников, так и «*опосредовано*», т.е. путем задействования военной и невоенной силы других государств в своих интересах. Наконец, применение военной и невоенной силы может осуществляться влиятельными субъектами мировой истории в открытой или скрытой форме, т.е. когда предпринимаются меры скрыть свою причастность с такого рода воздействиям. Согласно такой классификации, «цветная революция» может служить примером *несимметричного, непрямомго и скрытого* способа использования «*невоенной силы*», которая в последствие может трансформироваться в «*мятежвойну*», где против регулярных правительственных войск используются иррегулярные воинские формирования (2),[2]. Именно такая трансформация «цветной революции» в «мятежвойну» произошла в Сирии и на Украине.

Вместе с тем, в отечественной и зарубежной аналитической публицистике, наряду с терминами «военная» и «невоенная» сила, широко используются такие термины, как «*жесткая*» сила или «жесткая» мощь («*hard power*») и «*мягкая*» сила или «мягкая» мощь («*soft power*») [9]. Несмотря на это, в выступлениях НГШ ни о какой «*жесткой*» и «*мягкой*» силе речи не идет. Более того эти термины отсутствуют в последних основополагающих руководящих документах в сфере НБ РФ. В частности, их нет ни в Стратегии НБ РФ-2015, ни в ВД РФ-2014. Чтобы ответить на вопрос о том, в чем причина такого состояния дел, необходимо уточнить содержание этих терминов.

Автором терминов «жесткая» сила (ЖС) и «мягкая» сила (МС) является американский политик и ученый Дж. Най – младший. Под ЖС он понимает совокупность средств

силового и не силового воздействия, используемых для навязывания обладающим ею субъектом политической воли своим оппонентам. Не трудно заметить, что термин «жесткая сила» у Дж. Ная – младшего, по своему содержанию близок к содержанию термина «гибридная сила» у НГШ генерала армии В.В. Герасимова.

Однако в зарубежной литературе в настоящее время отсутствует единая точки зрения относительно содержания самого понятия «гибридная война». (3).

Наибольшее разногласие в экспертном сообществе существует по отношению к содержанию понятия «мягкой силы» (МС). Распространено мнение, согласно которому, МС – это все, что относится к разряду невоенных мер политического принуждения. Если это так, то «гибридная» война – это не что иное, как война, характеризующая совместным применением «военной», т.е. «жесткой», и «невоенной», т.е. «мягкой» силы, с доминирующей ролью последней. И в этом случае, терминологический аппарат, предложенный НГШ генералом армии В.В. Герасимовым, полностью исчерпывает всю заявленную силовую проблематику.

В сфере международных отношений МС и ЖС действуют совместно. При этом применение ЖС может, как наносить ущерб МС стороне ее применяющей, так и, как это ни парадоксально, укреплять МС в глазах международного сообщества. Примером МС может служить МС ЕС, которая, действуя без принуждения, заставляет восточно-европейские страны выстраиваться в очередь на получение права стать членом этой организации. И наоборот, обвинение России в сбитом Боинге, в поддержке террористов и сепаратистов на территории ДНР и ЛНР, в преступных действиях в отношении мирного населения в Сирии, в кибератаках на американскую избирательную систему во время выборов президента США осенью 2016 года, международный скандал с допингом в

преддверии летней Олимпиады-2016 – есть ни что иное, как попытки Запада нивелировать растущее позитивное «мягкое» могущество России в международной сфере в условиях применения против нее невоенных составляющих ЖС.

Можно сделать вывод, что по характеру своего воздействия МС во многом напоминает механизм *суггестивного* влияния, действующего на бессознательном уровне. Об этом писал еще Ф.М. Достоевский, который в «Дневнике писателя» отмечал, что существует три источника влияния на человека, которым он не в силах противостоять: «тайна, чудо и авторитет». Тайна – власть Посвященных (Тайное Знание). Чудо – власть Магов и Волшебников (Могущество). А авторитет – власть Мудрых (Благость). Каждый из трех факторов способен парализовать волю человека, превратить его в раба личности и харизмы своего оппонента. Не трудно заметить, что аналогичной точки зрения придерживается великий русский духовный мыслитель И.А. Ильин (1883-1974), раскрывая смысл силы власти государства в отношении своих подданных, которая вынесена в качестве цитаты в начало статьи, но не определена им как «мягкая» сила. Понятно, что МС государства, действующая в отношении своих подданных, имеет ту же природу, что и МС государства, действующая в отношении других государств и народов.

Светское общество, пришедшее на смену традиционному, перестало видеть в основании власти «трансцендентное, сверхчеловеческое качество» царей-жрецов, и попало под влияние страха перед грубой силой и принуждением, либо под обаяние таких натуралистических и преходящих качеств своих политических вождей, как ум, мудрость, ловкость, физическая храбрость. Вместо апелляции к высшим трансцендентным качествам своих властителей, современное общество стало искать обоснование власти в коллективном человеческом мнении, стало апеллировать к

идее, согласно которой, власть проистекает от народа, а не от Бога, которого нет, не от духовной кроны древа жизни, а от его материальных корней.

Вместе с тем, опыт реальных взаимодействий влиятельных субъектов мировой истории последних десятилетий показывает, что они не укладываются в дихотомию: «жесткая» сила – «мягкая» сила, предложенную Дж.Наем-младшим.[3] Об этом свидетельствует, например, скандал с допингом российских олимпийцев и паралимпийцев, приведший к исключению их из числа участников Олимпиады 2016 года в Бразилии, инициация рядом зарубежных стран международного трибунала над Россией в связи с ее деятельностью в Сирии и на Украине, дискриминация делегации России в ПАСЕ и др. Помимо того, что все подобные акты преследовали цель оказания политического давления на Россию, с одной стороны, и использовались для снижения потенциала ее МС, с другой, их объединяет одно: во всех участвовали международные неправительственные организации и институты, находящиеся, чья антироссийская деятельность активно поддерживалась влиятельными международными СМИ.

Очевидно, что эта форма политического давления не может быть соотнесена, ни с МС, ни с ЖС силой влиятельных субъектов мировой истории. Эта форма политического давления на Россию и разрушения ее МС, исходит от влиятельных неправительственных институтов и организаций, которые обладают значительным потенциалом ЖС и МС. Следует также напомнить, что в новых условиях глобализации именно транснациональные неправительственные структуры становятся основными акторами мировой истории, чье влияние по своей силе начинает превосходить силу влияния наиболее развитых национальных государств и их союзов. Ангажированное влияние, оказываемое на субъектов мировой истории со

стороны транснациональных неправительственных структур и международных институтов гражданского общества, предлагается, наряду с ЖС и МС, считать отдельной самостоятельной силой и назвать его «институциональной», или просто – «третьей» силой (ТС). Таким образом, «третья» («институциональная») сила – инструмент политического влияния, исходящего от сообщества наднациональных правительственных и негосударственных институтов, фондов, судов, движений и др., которые вступают от лица всего мирового сообщества.[6]

Следует отметить, что эту силу упоминает в своей известной работе, датируемой концом XX века, «Великая шахматная доска. Господство Америки и его геополитические императивы» влиятельный американский политолог Зб. Бжезинский, где называет ее «системой транснационального геополитического плюрализма» [7-С. 256]. Под «системой транснационального геополитического плюрализма» Зб. Бжезинский понимает двуединство, включающее, с одной стороны, глобальную сеть опутывающих мир правительственных международных союзов и коалиций, создаваемых под эгидой США, а, с другой, глобальную сеть специализированных неправительственных организаций, которые совместно на основе демократических процедур принятия решения под кураторством США должны обеспечивать «формальный» плюрализм интересов всех влиятельных субъектов международного права на евразийском континенте.

Целью создания «системы транснационального геополитического плюрализма», которую Зб. Бжезинский называет также «*демократическим плацдармом*», является переход от прямого контроля и манипуляции интересами отдельных наиболее амбициозных государств Евразийского континента, которые по мере развития будут для США все более обременительными и изнурительными, к установлению

с этими государствами «*по-настоящему стратегического партнерства*», используемого для косвенного утверждения «*всеобъемлющего американского глобального превосходства*». [7]

Следует добавить, что практика применения МС и ЖС не нова. Эти силы использовались национальными государствами и в глубокой древности. Однако в условиях глобализации, характеризуемой прозрачностью границ и тотальной планетарной взаимозависимостью, они приобрели свое новое качество. Наряду с этим, как отмечалось, глобализация значительно усилила роль транснациональных неправительственных организаций и международных институтов, что, стало причиной появления такого нового феномена в системе международных отношений, как «институциональная» или ТС. [8]

Совместное применение ЖС, МС и ТС в рамках «умной» войны ведущейся Западом против России, метафорически может быть отождествлено с огнем, который в условиях глобализации не только *снаружи*, но, прежде всего, *изнутри*, должен плавить «металл» государственности, чтобы в последующем легко вписать государство – жертву в систему нового мирового порядка, который Запад планирует создать на руинах ялтинской системы международной безопасности в XXI веке. В этой связи Россия должна научиться создавать и эффективно использовать арсеналы своей ЖС, МС и ТС. При этом эти арсеналы должны использоваться не только в интересах активной «умного» наступления и обороны, но также и для создания своего, нового, отличного от западного, справедливого миропорядка – Мира.

Примечания

- (1) Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Президентом Российской Федерации 30 ноября 2016 года.
- (2) Феномен «мятежвойны» // Независимое военное обозрение. 2001. №35.
- (3) Гибридная война. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org>
- (4) Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Президентом Российской Федерации 12 февраля 2013 года.

Научная литература

- [1] *Герасимов В.В.* Генеральный штаб в организации и оборона страны /Выступление на общем собрании АВН 28 января 2014 г.// ВПК № 4 (522) 5 –11 февраля 2014 года.
- [2] *Поповских П.Я.* Российский ответ на «мятежвойну» // Независимое военное обозрение. 2002. № 21.
- [3] *Эвола Ю.* Восстание против современного мира. – М.: Прометей, 2016.
- [4] *Морено Я.Л.* Социометрия. Экспериментальный метод и наука об обществе. – М.: Академический проект, 2001.
- [5] Как провести социологическое исследование. В помощь идеологическому активу. – М.: Политиздат, 1990. .
- [6] *Милгрэм С.* Подчинение авторитету: Научный взгляд на власть и мораль / Стенли Милгрэм; пер. с англ. – М.: Альпина нон-фикшн, 2016.
- [7] *Бжезинский Зб.* Великая шахматная доска. Господство Америки и его геополитические императивы. – М.: Международные отношения, 1998.
- [8] *Татеиси К.* Вечный дух предпринимательства. – М.: Московский бизнес, 1990.

[9] Давыдов Ю. Понятие «жесткой» и «мягкой» силы в теории международных отношений. [Электронный ресурс]. Режим доступа:<http://www.intertrends.ru/four/006.htm>.

О ПРЕЗИДЕНТСКИХ ВЫБОРАХ В АФГАНИСТАНЕ 2014 Г.

Нессар О.*

2014 год оставил значимый след в истории Афганистана не только в качестве года вывода основной части контингента НАТО из страны [1]. На этот же год были намечены выборы президента ИРА, результатам которых предстояло сыграть ключевую роль в последующем развитии афганского политического процесса [2].

Неформальный список претендентов на пост главы государства начал формироваться еще в первой половине 2013 года. Свыше 10 политиков заявили о своей готовности бороться за пост главы государства в 2014 году. За несколько месяцев до намеченной датой регистрации кандидатов СМИ и эксперты рассматривали в качестве вероятных претендентов следующих лиц: министра иностранных дел страны Залмая Расула,(1) брата действующего президента Абдул Каюма Карзая,(2) одного из лидеров системной оппозиции Абдуллу Абдуллу,(3) главу комиссии по передаче ответственности за безопасность Ашрафа Гани Ахмадзая,(4) министра внутренних дел ИРА Омара Даудзая(5) других.

В ноябре 2013 года заявления в Независимую избирательную комиссию страны на регистрацию в качестве кандидата в президенты подали 27 политических деятелей, также предложивших претендентов на посты заместителей главы государства в случае своей победы(6)

* Мохаммад Омар Нессар- к.и.н. научный сотрудник ИВ РАН.

Кандидаты в президенты 2014 г.

№	Кандидат в президенты	Кандидат в 1-е вице-президенты	Кандидат во 2-е вице-президенты
1	Абдул Расул Сайяф (пуштун)	Мохаммад Исмаил Хан (таджик)	Абдул Вахаб (хазарец)
2	Абдулла Абдулла (таджик)	Мохаммад Хан (пуштун)	Мохаммад Мохакик (хазарец)
3	Абдул Рахим Вардак (пуштун)	Абдул Ахад Афзали (таджик)	Саид Хусейн Анвари (хазарец)
4	Хашмат Гани Ахмадзай (пуштун)	Абдулла Бароманд	Мохаммад Абид
5	Котбуддин Хилал (пуштун)	Энаятулла Энаят (таджик)	Мохаммад Али Сахизада (хазарец)
6	Дел Ака Кохдамани (таджик)	Залмай Хамраз (таджик)	Турпикай Азизи (пуштунка)
7	Саид Исхак Гилани (пуштун)	Закария Нури (хазарец)	Шима Эсмат (таджичка)
8	Бисмилла Шер	Мохаммад Хасан Таухиди (таджик)	Искандер Хан Хусейн (хазарец)
9	Фазль Карим Наджиби	Сабир Тамкин (таджик)	Сусан Хаджати (хазарец)

10	Ашраф Гани Ахмадзай (пуштун)	Абдул Рашид Дустум (узбек)	Мохаммад Сарвар Даниш (таджик)
11	Сарвар Ахмадзай (пуштун)	Абдул Рахман (таджик)	Курейши
12	Хамидулла Кадири (пуштун)	Мохаммад Ареф Бараки	Хомайра Хакмал
13	Сардар Мохаммад Наим (пуштун)	Тадж Мохаммад Акбар (таджик)	Азизулла Пойя (таджик)
14	Залмай Расул (пуштун)	Ахмад Зия Масуд (таджик)	Хабиба Сораби (хазарейка)
15	Дауд Султанзой (пуштун)	Ахмад Саиди (таджик)	Казими Мохакик (хазареец)
16	Абдул Каюм Карзай (пуштун)	Вахидулла Шахрани (узбек)	Ибрагим Касими (таджик)
17	Гуль Ага Шерзай (пуштун)	Саид Хусейн Алеми Балхи (хазареец)	Мохаммад Хашим Зарэ
18	Азизулла Лудин (таджик)	Аббас Карими (узбек)	Хамидулла Рахими
19	Хадиджа Газнави (пуштунка)	Мохаммад Касим Файзи	Хайр Мохаммад Бариз
20	Анвар-Уль Хак Ахади (пуштун)	Хашматулла Моджаддеди (пуштун)	Исмаил Касимьяр (Таджик)
21	Фарук Азам (пуштун)	Абдул Гани Асалати	Ахмад Шах Пайязи

22	Салман Али Дустзада (хазареец)	Юсуф Ахмад Зазай (пуштун)	Азиза Вардак (пуштунка)
23	Хидаят Амин Арсалах (пуштун)	генерал Худайдад (хазареец)	Сафия Сиддики (пуштунка)
24	Абдул Хади Дабир (таджик)	Амрулла Падшах	Насир Ахмад Хайрандиш
25	Даур Ахмад Надим (таджик)	Мохаммад Хусейн Сафи	Хосай Андар
26	Нур Рахман Ливал (пуштун)	Ахмад Джан Назари	Рафиулла Ахмади
27	Надир Шах Ахмадзай (пуштун)	Файз Мохаммад Дакик	Кадам Али Хадим

Однако 22 октября 2013 года Избирательная комиссия сообщила об утверждении лишь 11 кандидатов: Абдул Расула Сайяфа, Ашрафа Гани Ахмадзая, Абдуллы Абдуллы, Абдул Рахима Вардака, Хедаят Амина Арсалы, Залмая Расула, Котбуддина Хилала, Абдул Каюма Карзая, Гюль Ага Шерзая и Сардар Мохаммада Наима.(7) Позднее Избирком страны добавил к этому списку еще одного кандидата – Дауда Султанзоя, который смог доказать, что не имеет второго гражданства. С самого начала кампании эксперты и наблюдатели выражали уверенность в том, что число претендентов с приближением даты выборов продолжит сокращаться.

Согласно результатам опроса, проведенного Национальным телевидением Афганистана среди населения 34 провинций страны в декабре 2013 года, если бы президентские выборы состоялись в это время, то безусловным лидером стал бы Абдулла Абдулла, голоса за которого отдали бы 27% респондентов. 19% опрошенных

отдали предпочтение Ашрафу Гани Ахмадзаю, 4% – Абдул Каюму Карзаю. Ни одному из оставшихся кандидатов не удалось набрать даже двух процентов. При этом авторы опроса отметили, что большинство сторонников Абдуллы Абдуллы проживают в городах и являются женщинами, в то время как намерение проголосовать за Ашрафа Гани Ахмадзая выразили преимущественно мужчины и жители сельских районов.

В рамках предвыборной кампании национальный канал «Толо» провел три тура публичных дебатов кандидатов. Темой первого стали проблемы коррупции и задача развития экономики, второго – вопросы безопасности. Знаковым стал третий тур дебатов, посвященный вопросам внешней политики, в котором приняли участие кандидаты-лидеры Абдулла, Ахмадзай и Расул. Каждый из троих участников заявил о поддержке планов подписания двустороннего соглашения с США по вопросам безопасности, которое было подписано позднее в сентябре 2014 года. (8)

Именно Абдуллу, Ахмадзая и Расула афганские аналитики называли самыми вероятными победителями в феврале 2014 года. После начала предвыборной кампании эти кандидаты демонстрировали высокую предвыборную активность, возможность использования в своих интересах административного ресурса, а также значительные финансовые возможности.

Итоги первого голосования, состоявшегося 5 апреля, ожидаемо привели к необходимости проведения следующего тура, поскольку ни одному из кандидатов не удалось набрать более 50% голосов. Первое место занял А. Абдулла, получивший 45% голосов, второе – А.Г. Ахмадзай (31,6%), третье – З. Расул (11,4%), а прочие кандидаты набрали менее 10% голосов каждый. (9)

Распределение голосов было различным в разных регионах страны. Лидирующие позиции А. Абдулла занимал

преимущественно в северных и центральных провинциях Афганистана со значительной долей непуштунского населения (более 71% в Парване, 78,8% в Каписе), а Ахмадзай стал лидером на юго-востоке страны (в Хосте 74% голосов, 59,8% в Нангархаре). Из-за этого существовали опасения, что выборное противостояние во втором туре может приобрести характер межэтнического и межрегионального конфликта.

Низкий уровень безопасности в южных и восточных районах ИРА, недостаточный интерес со стороны населения этих районов к выборам, могли привести к победе на президентских выборах 2014 года кандидата от непуштунского севера – А.Абдулла. Данная ситуация повышала роль отдельных групп вооруженной оппозиции, пользующихся влиянием на юге и востоке страны. Кроме того, победа представителя национального меньшинства на выборах могла быть поставлена под вопрос пуштунами. (10)

Результаты первого тура голосования в президентских выборах 2014 г. по провинциям.

№	Провинция	А.Абдулла (таджик) (%)	А.Г.Ахмадзай (пуштун) (%)	З.Расул (пуштун) (%)	А.Р.Сайяф (пуштун) (%)
1	Баглан	60.14	20.48	11.19	3.95
2	Бадахшан	64.85	14.43	9.51	8.66
3	Бадгис	67.52	9.80	5.44	12.98
4	Балх	60.92	28.01	8.19	1.15
5	Бамиан	67.93	11.05	12.42	4.61
6	Вардак	36.37	15.11	16.74	24.64
7	Газни	54.01	19.00	16.90	6.27

8	Гельма нд	17.29	32.94	27.46	3..84
9	Герат	61.15	11.08	11.41	13.78
10	Гор	59.51	13.09	8.94	16.02
11	Дайкун ди	75.05	11.14	11.61	0.46
12	Джауз д жан	19.94	69.23	6.81	2.05
13	Забуль	18.93	38.19	21.50	5.02
14	Кабул	49.62	31.62	8.26	7.53
15	Кандаг ар	10.61	13.90	53.96	1.67
16	Каписа	78.81	4.12	5.62	5.74
17	Кунар	12.35	64.76	11.09	6.91
18	Кундуз	47.05	37.91	5.26	5.75
19	Лагман	10.40	49.82	9.35	9.92
20	Логар	18.65	63.35	2.41	11.25
21	Нангар хар	19.00	59.80	7.53	7.17
22	Нимроз	20.88	33.59	30.46	9.82
23	Нурист ан	37.64	14.58	12.29	28.93
24	Пактик а	10.55	65.21	14.73	3.11
25	Пактия	5.37	62.32	7.47	13.76
26	Пандж шер	87.29	0.38	9.48	2.18
27	Парван	71.80	5.61	10.56	6.14
28	Саманг ан	61.33	26.58	7.64	2.55
29	Сари- Пуль	50.41	38.53	6.15	2.34
30	Тахар	50.35	38.21	5.07	3.81

31	Урузган	23.80	26.95	23.86	2.85
32	Фарах	31.78	40.03	13.17	10.60
33	Фарьяб	65.39	29.31	2.46	1.61
34	Хост	3.57	74.01	7.62	2.34

Анализ приведенных в таблице данных показывает, что как и на предыдущих выборах значительную роль на выборах сыграл этно-племенной фактор [3]. А.Г. Ахмадзай собрал в основном голоса восточных пуштунских провинций: Кунар, Лагман, Логар, Нангархар, Пактика, Пактия и Хост. А.Р. Дустум, будучи кандидатом на пост первого вице-президента, позволил Ахмадзаю набрать большинство голосов населенной узбеками провинции Джаузджан. Но этот результат был намного скромнее, чем у Карзая, в 2004 году собравшего голоса всех пуштунских провинций [4]. Очевидно, на это повлияло множество факторов, в том числе образование сильных межэтнических объединений (11) и присутствие множества кандидатов-пуштунов, что привело к распылению голосов избирателей данной этнической группы. Борьба за президентское кресло множества кандидатов-пуштунов в ходе первого тура привело к повышению значения племенного фактора. К примеру, провинция Кандагар проголосовала за Залмая Расула (53,9%), являющегося представителем пуштунского племени Дуррани.

Этническая группа таджиков, в отличие от пуштунов, смогла выступить более консолидировано. Кроме того, А.Абдулле удалось включить в свой блок ряд влиятельных пуштунов(таких как, Г.А. Шерзай, С.И. Гилани). В итоге ему удалось использовать этнический фактор удачнее: он получил большинство голосов не только в провинциях Парван и Панджшер, но и перетянул на свою сторону провинции Бадахшан (64,8%), Баглан (60,1%), Балх (60,9%), Гор (59,5%). Хазарейские провинции Бамиан и Дайкунди последовали за

своим лидером Хаджи Мохаммадом Мохакимом и проголосовали за Абдуллу Абдуллу.

Немаловажную роль в выборах 2014 года сыграла «избирательная дисциплина». Известно, что явка избирателей среди представителей национальных меньшинств Афганистана выше, чем среди пуштунов. Наиболее выразительный в этом смысле стало голосование в провинции Газни, населенная в основном пуштунами, но голосовавшая за таджико-хазарейский блок – за Абдуллу Абдуллу там было подано 54% голосов.

В значительной части провинций среди кандидатов на пост президента не было явных лидеров. Так, в частности, обстояли дела в провинциях Вардак, Гельманд, Забуль, Кабул, Кундуз, Нимроз, Нуристан, Сари-Пуль, Тахар, Урузган и Фарах. В некоторых случаях (провинции Вардак, Кабул, Кундуз, Нуристан, Сари-Пуль, Тахар) относительное большинство голосов было подано за Абдуллу Абдуллу. Таким образом, блоку таджиков и хазарейцев удалось заполучить часть голосов в свою пользу в ряде пуштунских провинций.

Результаты подсчета голосов во втором туре, в котором участие приняли А. Абдулла и А.Г.Ахмадзай, кардинально отличались от первого: Ахмадзай, согласно предварительным результатам, набрал 56,4% голосов, А. Абдулла – 43,7%.

Еще до объявления окончательных результатов второго тура Абдулла Абдулла призвал к прекращению подсчета голосов, выражая сомнения в объективности процесса.⁽¹²⁾ После того, как итоги подсчета подтвердили победу Ашрафа Гани, протесты приняли массовый характер, и активную роль в этом процессе сыграли обвинения в фальсификациях – жалобы о нарушениях поступали и в первом туре, но после июньского голосования, судя по освещению событий в афганской прессе, масштаб фальсификаций значительно возрос. ⁽¹³⁾

В частности, 22 июня штабом Абдуллы Абдуллы была опубликована аудиозапись разговора, приписываемого главе секретариата Независимой избирательной комиссии Зие уль-Хаку Амархелю. Примечательно, что еще до окончания подсчета голосов последний был арестован по подозрению в их фальсификации.(14) На аудиозаписи человек с голосом Амархеля обсуждал по телефону планы организации массовых фальсификаций на выборах с некоторыми членами штаба Ашрафа Гани Ахмадзая и сотрудниками местных избиркомов. В результате скандального дела вкупе с начавшейся протестной кампанией Амархель даже был вынужден уйти в отставку и покинуть страну.

Также следует упомянуть о том, что Абдулла Абдулла обвинил сторонников Ахмадзая во вбросе 2,5 миллионов фальшивых бюллетеней в ходе второго тура выборов. В этой связи кандидат подверг резкой критике деятельность администрации действующего президента, и многие из бывших соперников Абдуллы, которым не удалось пройти во второй тур, поддержали его. (14)

Протесты против нарушений избирательного права, проводимые при активном участии сторонников Абдуллы, приобрели массовый характер, что свидетельствовало о серьезном кризисе легитимности в стране. (15)

Международное сообщество не осталось в стороне от афганского политического противостояния. В частности, госсекретарь США Джон Керри предупредил афганскую сторону о возможном прекращении поддержки со стороны Вашингтона в случае выявления серьезных правонарушений на выборах. (16) В свою очередь, представители МИД РФ призвали кандидатов на пост президента проявить терпение и выразили надежду на мирное разрешение вопроса. (17)

Затянувшийся политический кризис удалось разрешить при посредничестве США, НАТО, миссии ООН и действующего президента Хамида Карзая, оказавших

содействие переговорам между кандидатами. После длительного обсуждения сторонами был достигнут компромисс о пересчете голосов, а затем – о признании победы Ахмадзая на условиях предоставления Абдулле поста главы исполнительной власти и равного с президентом права назначения министров в будущем правительстве.(18) В результате инаугурация президента состоялась только 29 сентября 2014 года. (18)

В своем заявлении незадолго до инаугурации Ахмадзай пообещал, что новое правительство (Правительство национального единства) будет носить компромиссный характер и отражать интересы всех политических сил. «Мы не будем следовать политике исключения, – подчеркнул он. – Те, кто вчера был нашим соперником, сегодня – наши коллеги». (19)

Глубокий политический кризис, последовавший за выборами 2014 года, стал одним из наиболее ощутимых проявлений фундаментальных вызовов, стоящих перед современной афганской политической системой. Одной из наиболее существенных проблем, проявившихся в ходе и по итогам избирательного процесса, стала неготовность афганского общества принимать результаты выборов, не соответствующие сложившимся ранее этноплеменным особенностям[5]. Данное препятствие служит свидетельством необходимости конституционных реформ, которые должны быть осуществлены в скором времени, поскольку возникшие проблемы требуют оперативного решения. Таким образом, если в ближайшие годы эти реформы не состоятся, то повторного погружения страны в политический кризис, подобного событиям 2014 года, избежать не удастся.

Примечание

- (1) Афганские СМИ: Карзай в Бишкеке представил Путину своего преемника. Афганистан ру.- [Электронный ресурс]. Режим доступа:<http://afghanistan.ru/doc/64220.html>
- (2) محمود کرزي: ف يوم کرزي کاندید ریاست جمهوری خواهد بود - [Электронный ресурс]. Режим доступа:<http://www.khaama.com/persian/archives/7847>
- (3) Corren A. At a schoolhouse, Afghans vote for change - [Электронный ресурс]. Режим доступа:<http://www.aninews.in/newsdetail4/story133269/afghanistan-election-scene-begins-hotting-up.html>
- (4) Ahead Of Presidential Vote, Afghan Political Forces Divide Along Ethnic Lines - [Электронный ресурс]. Режим доступа:<http://www.rferl.org/content/afghan-politics-feature/25101500.html>
- (5) Afghan Envoy to Pakistan Is Appointed Interior Minister - [Электронный ресурс]. Режим доступа:http://www.nytimes.com/2013/09/02/world/middleeast/karzai-appointment-sidelines-possible-candidate.html?_r=0
- (6) Президентские выборы в Афганистане - [Электронный ресурс]. Режим доступа: (2014)[https://wiki2.org/ru/%D0%9F%D1%80%D0%B5%D0%B7%D0%B8%D0%B4%D0%B5%D0%BD%D1%82%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B5_%D0%B2%D1%8B%D0%B1%D0%BE%D1%80%D1%8B_%D0%B2_%D0%90%D1%84%D0%B3%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%BD%D0%B5_\(2014\)](https://wiki2.org/ru/%D0%9F%D1%80%D0%B5%D0%B7%D0%B8%D0%B4%D0%B5%D0%BD%D1%82%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B5_%D0%B2%D1%8B%D0%B1%D0%BE%D1%80%D1%8B_%D0%B2_%D0%90%D1%84%D0%B3%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%BD%D0%B5_(2014))
- (7) НИК Афганистана утвердила кандидатуры на пост главы государства- [Электронный ресурс]. Режим доступа:<http://afghanistan.ru/doc/65341.html>
- (8) Tolo news. Afghanistan - [Электронный ресурс]. Режим доступа:<http://www.tolonews.com/afghanistan>

- (9) Президентские выборы в Афганистане (2014)- [Электронный ресурс]. Режим доступа:[https://wiki2.org/ru/%D0%9F%D1%80%D0%B5%D0%B7%D0%B8%D0%B4%D0%B5%D0%BD%D1%82%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B5_%D0%B2%D1%8B%D0%B1%D0%BE%D1%80%D1%8B_%D0%B2_%D0%90%D1%84%D0%B3%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%BD%D0%B5_\(2014\)](https://wiki2.org/ru/%D0%9F%D1%80%D0%B5%D0%B7%D0%B8%D0%B4%D0%B5%D0%BD%D1%82%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B5_%D0%B2%D1%8B%D0%B1%D0%BE%D1%80%D1%8B_%D0%B2_%D0%90%D1%84%D0%B3%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%BD%D0%B5_(2014))
- (10) Подробнее см.: Нессар О. Можно ли считать боннскую конференцию провальной? // Ежегодник ИМИ 2013. «Афганский лабиринт»: перспективы развития ситуации после 2014 года. М.:МГИМО 2013. С. 44 – 47.
- (11) Абдулла Абдулла (таджик по национальности) пошел на выборы в коалиции с хазарейцем Мохаммадом Мохаккиком, а пуштун Ашраф Гани Ахмадзай достаточно неожиданно назначил своим главным заместителем узбека Абдул Рашида Дустума. Залмай Расул предложил в качестве кандидата на пост вице-президента Ахмад Зию Масуда.
- (12) Абдулла Абдулла призывает прекратить подсчет голосов по итогам выборов - [Электронный ресурс]. Режим доступа:<http://afghanistan.ru/doc/75557.html>
- (13) Кабульская пресса: Президентским выборам угрожают крупные фальсификации - [Электронный ресурс]. Режим доступа:<http://afghanistan.ru/doc/75292.html>
- (14) Высокопоставленный чиновник афганского Избиркома задержан при попытке вывоза бюллетеней - [Электронный ресурс]. Режим доступа:<http://afghanistan.ru/doc/75417.html>
- (15) В Кабуле прошла демонстрация против вмешательства иностранцев в дела Афганистана - <http://afghanistan.ru/doc/77970.html>
- (16) Вашингтон предупредил Афганистан о возможном прекращении своей помощи - [Электронный ресурс]. Режим доступа:<http://afghanistan.ru/doc/76202.html>

(17) Agreement between the Two Campaign Teams Regarding the Structure of the National Unity Government - [Электронный ресурс]. Режим доступа:<https://www.afghanistan-analysts.org/miscellaneous/aan-resources/the-government-of-national-unity-deal-full-text/>

(18) Ашраф Гани Ахмадзай официально вступил в должность президента ИРА-[Электронный ресурс]. Режим доступа:<http://afghanistan.ru/doc/78474.html>

(19) Ашраф Гани Ахмадзай обозначил ключевые принципы деятельности нового правительства - [Электронный ресурс]. Режим доступа:<http://afghanistan.ru/doc/78280.html>

Научная литература

[1] *Гурбангельдиев А.М.* Роль США в реструктуризации Ближнего Востока // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2015. № 3. С.91-98.

[2] *Сафранчук И.А.* Об итогах президентских выборов в Афганистане в 2014 году и судьбе политического транзита // Международная аналитика. 2015. № 4 (14). С. 126-140.

[3] *Нессар О.М.* Этноплеменной фактор и политический процесс в современном Афганистане // Ислам на Ближнем и Среднем Востоке. 2015. № 9. С. 379-383.

[4] *Коргун В.* Афганистан. Президентские выборы и выбор ориентиров // Азия и Африка сегодня. 2005. № 4. С. 41-49.

[5] Ситуация в Афганистане и формирование региональной системы безопасности в Центральной Азии. Материалы VII научной международной конференции Сост. М.А. Шпаковская, Д.А. Дегтерев. - М.: РУДН, 2014.

ПАКИСТАН-АФГАНИСТАН: К ПРОБЛЕМЕ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ В РЕГИОНЕ

Серенко И.Н. *

В современной геополитике Пакистан и Афганистан, думается, можно рассматривать как большое «сердце Азии», занимающее центральное место на международной арене. Оно определяется не только их географическим положением (на стыке Южной, Центральной и Западной Азии), но также существенным демографическим потенциалом (свыше 233 млн. человек: более 200 млн. в Пакистане и около 33 млн. в Афганистане) на фоне сохраняющейся здесь взрывоопасной политической ситуации при наличии у Пакистана ядерного оружия и радикализации афгано-пакистанского пространства, характерной чертой которого является повышенная активность не только местных и региональных, но и международных террористических объединений и группировок. Среди 162 стран мира Пакистан по уровню терроризма занял в 2015 г. четвертое место (после Нигерии), а Афганистан – второе вслед за Ираком [6 - Р. 90]. Анализ складывающейся ситуации в афгано-пакистанском ареале нестабильности свидетельствует о том, что здесь все решительнее заявляет о себе радикальный ислам. Новым вызовом и угрозой становится для обоих государств продвижение в регион международной террористической организации «Исламское государство» (ИГ, запрещена в РФ) и ее разрушительной исламистской идеологии. Под предлогом создания «всемирного халифата» исламисты новой волны фактически распространяют в мире глобальную

* Серенко Ирина Николаевна, кандидат педагогических наук, старший научный сотрудник, Института востоковедения РАН.

криминализацию. Их целью вдоль афгано-пакистанской границы является создание новой провинции «халифата» под названием «вилает Хорасан», о чем они заявили в январе 2015 г. Более 1600 боевиков ИГ предприняли в начале декабря 2015 г. захват четырех уездов южнее Джалалабада, установив над ними свой контроль. На севере Афганистана действуют несколько группировок, объявивших, что они воюют на стороне ИГ [14]. В Пакистане первая информация на этот счет появилась еще в ноябре 2014 г., когда в местную прессу просочились сведения из секретного доклада руководству страны о деятельности «Исламского государства» на пакистанской территории, включая вербовку в ряды этой международной террористической организации порядка 10-12 тыс. ее сторонников в племенных агентствах Хангу и Куррам на афгано-пакистанской границе для переправки в Сирию, а также создание ячейки для координации действий боевиков на территории Пакистана и сопредельных районов Афганистана [11]. При этом официальные источники из министерства иностранных дел и обороны Пакистана, не переставали заявлять об отсутствии в стране ИГ и поддержки этой террористической сети со стороны населения, хотя факты свидетельствовали об обратном [10]. Показательны, например, результаты социологического опроса об отношении населения ряда стран мира к ИГ, проведенного американской исследовательской организацией «Pew Research Center» в 2015 г. среди жителей 11 стран мира, где проживает значительное количество мусульманского населения (Буркина-Фасо, Израиль, Индонезия, Иордания, Ливан, Малайзия, Нигерия, Пакистан, Палестина, Сенегал, Турция). Самый низкий показатель негативного отношения к данной террористической организации был зафиксирован в Пакистане (28%). И хотя в ее поддержку высказались только 9% респондентов, большинство опрошенных пакистанцев

(62%) все еще не определились в своем отношении к этому новому террористическому тренду [9].

В пакистанском обществе наблюдается рост влияния лидеров религиозных партий и улемов на общественное сознание граждан. Как показали результаты репрезентативного опроса общественного мнения среди жителей всех четырех провинций страны, проведенного в 2014 г. пакистанским Исследовательским фондом Гиллани (ИФГ) - филиал Международного исследовательского Института Гэллапа (МИИГ), большинство пакистанцев в целом доверяет богословам и духовным лидерам (82%). При этом к институтам государственной власти свое доверие выразили лишь 52% респондентов. Для сравнения, по данным того же социологического опроса населения, проведенного ИФГ МИИГ в 1982 г., религиозные круги пользовались доверием и авторитетом среди 74% пакистанцев, а государственные структуры - лишь среди 47% респондентов. Представленная динамика роста показателей доверия населения наглядно свидетельствует о значительном усилении авторитета религиозных верхов в пакистанском обществе по сравнению с органами государственной власти за последние 32 года (1982-2014 гг.) [5]. По справедливой оценке отечественного пакистановеда В.Я. Белокреницкого, в результате начатой в стране в 70-х годах прошлого столетия политики исламизации пакистанского общества религия стала все больше использоваться «как основа государственной идеологии и общественной нравственности. Это укрепило позиции разросшегося слоя улемов, а также проповедников фундаменталистского суннитского ислама» [1. С. 336].

Достичь расширения своей социальной базы и поддержки в обществе религиозным кругам удалось не в последнюю очередь и за счет повсеместного распространения религиозного образования среди пакистанских граждан, содержание которого продолжает, подчас, носить

экстремистскую направленность и ведет к насаждению среди населения страны исламистской идеологии, радикализации пакистанского общества в целом. События, связанные со взрывами исламизма в столичном учебно-религиозном комплексе «Красной мечети» (2007, 2015), ставшим центром суннитского радикализма и проводником в массы джихадистской идеологии талибов и игиловцев по силовому захвату власти, являются наглядным тому подтверждением [2]. В одном из своих интервью, комментируя отказ «Исламского государства» от географической привязки в названии организации в связи с провозглашением ею «халифата» (29 июня 2014 г.), имам «Красной мечети» Абдул Азиз, в частности, открыто выразил свою солидарность и поддержку устремлениям ИГ: «Мы хотим Халифата во всем мире, включая Пакистан. Халифат является решением всех проблем. Эти арабские моджахеды начали процесс создания Халифата, и мы думаем, что это - хорошие новости для мусульманской уммы. Благодаря Аллаху, если их порядок будет распространяться и дальше, мы сможем увидеть его процветание во всем мире» [4]. За его заявлением последовало распространенное в ноябре 2014 г. в социальных сетях видеообращение студенток женской семинарии «Красной мечети» к «Исламскому Государству» с призывом взять реванш за события в «Красной мечети» 2007 г. и отомстить за убийство Усамы бен Ладена, в честь которого они присвоили имя библиотеке медресе. По данным пакистанской разведки, имам «Красной мечети» преуспел в подготовке своих собственных моджахедов и имеет в подчинении целую армию идейно подготовленных сторонников из числа выпускников и учащихся медресе, способных выступить по приказу своего духовного наставника против пакистанского государства, а пока отрабатывающих практические навыки джихада совместно с игиловцами на территориях Сирии и Ирака.

С методами Абдул Азиза по внедрению исламистской идеологии среди подрастающего поколения можно, в частности, наглядно ознакомиться при просмотре нового пакистано-американского документального фильма «Среди верующих» (2015 г.), который начинается беседой имама с пятилетним учеником медресе. На вопрос своего духовного наставника о том, кем тот хочет стать, когда вырастет, ребенок четко, с готовностью солдата отвечает: «Муджахедом». При этом Абдул Азиз с явным удовольствием делится своими познаниями в области воспитания детей: «Они очень податливы в этом возрасте. Какими ты вылепишь их сейчас, такой и будет у них складываться вся жизнь. Однажды сформировав их сознание, они никогда уже, до самой смерти, не смогут измениться» [3]. Этот фильм еще раз подтверждает факт того, что образовательное пространство становится главным полем сражения за умы подрастающего поколения. Формирующееся гражданское общество в лице пакистанских реформаторов и правозащитников выступает в фильме в качестве противоборствующей силы подобного рода зомбирования детей, за предоставление им современного качественного образования, способного адаптировать их к условиям реальной созидательной жизни и включить в процесс успешной социализации и развития. Отчаянное сопротивление исламистов предпринимаемым в стране государственным образовательным реформам сопровождается непрекращающимися вооруженными атаками боевиков на учебные заведения, учащихся и преподавателей. Потрясший всю страну и мировое сообщество кровавый террористический акт (144 убитых учащихся и учителей), совершенный исламистами 16 декабря 2014 г. в пешаварской школе, находящейся под патронажем пакистанских военных, консолидировал гражданское общество в его стремлении закрыть в стране радикальные

медресе, подобные сети теологических школ при «Красной мечети», готовящих из детей джихадистов.

По оценке властей, количество политизированных медресе невелико и не превышает 10% от общего числа теологических учебных заведений страны, насчитывающих порядка 20-40 тыс. религиозных школ. Декларируя необходимость реформирования и осуществления контроля за ними, государство на практике было не всегда последовательно в реализации поставленных задач, опасаясь ненужной конфронтации с право-религиозными силами. Более решительным в данной ситуации становилось формирующееся гражданское общество. Так, именно правозащитные и неправительственные организации выступили с требованием арестовать Абдул Азиза, фактически оправдавшего массовое убийство школьников и учителей в Пешаваре, где почерк террористов в расправе над ними по степени своей жестокости напоминал массовые зверства боевиков «Исламского государства» на захваченных ими территориях Сирии и Ирака [13].

После пешаварской трагедии в стране наблюдался переход к более активным силовым операциям пакистанских военных по зачистке страны от боевиков и ликвидации их джихадистской идеологии среди населения. Был оперативно принят Национальный план действий против терроризма, запущенный в январе 2015 г. Он предусматривал реализацию 20-ти программных пунктов. Среди них, в первую очередь, следует выделить отмену моратория на смертную казнь, введение практики военно-полевых судов, запрета на создание незаконных военных формирований и распространение экстремистской пропаганды через средства массовой информации и коммуникаций, реформирование медресе и ужесточение государственного контроля над ними. Заверения властей жестко бороться с терроризмом и ИГ все же порой не подкреплялись необходимой решимостью и

политической волей правящей элиты. Как результат, на территории пакистанского государства продолжает действовать до 61 террористических группировок и объединений, включая международную террористическую организацию «Исламское государство», запрещенную в стране с июля 2015 г. [12].

При этом на почве взаимных обвинений в трансграничном терроризме у Пакистана с его непосредственным афганским соседом складываются довольно непростые отношения. Обе стороны постоянно высказывают друг другу претензии в подготовке боевиков, которые совершают террористические акты на сопредельных территориях. Как, например, нападение талибов в сентябре 2015 г. на авиабазу Бадхабер около Пешавара или упомянутая уже кровавая бойня в пешаварской школе. В свою очередь, афганское руководство высказывает недовольство тем, что антитеррористическая зачистка территорий от боевиков вдоль пакистано-афганской границы силами 182-хтысячной пакистанской армии в Северном Вазиристане и других районах полосы племен, примыкающих к Афганистану, вытесняют на его территорию боевиков из Пакистана, что содействует сохранению террористической активности в Афганистане. Проблема терроризма на афгано-пакистанском пространстве остается довольно острой и продолжает представлять серьезную угрозу стабильности двух государств. Международный терроризм, а также рост регионального экстремизма, опасность распространения влияния «Исламского государства» на афгано-пакистанском направлении вызывают обоснованную озабоченность международного сообщества. Для эффективной борьбы с этим злом необходимо объединить усилия региональных государств Евразийского континента с целью недопущения развития дальнейших событий по сирийско-иракскому сценарию. Афганистан и Пакистан совместно с другими соседними странами пытаются найти

точки соприкосновения в общей борьбе с международным терроризмом, в том числе и против боевиков ИГ.

Неудивительно, что совместно подготовленная Пакистаном и Афганистаном 5-ая министерская конференция «Сердце Азии», которая состоялась в Исламабаде 8-9 декабря 2015 г. в рамках «Стамбульского процесса», проходила под девизом «Один мирный, стабильный, единый и процветающий регион», который и определял повестку дня данной конференции. На ней рассматривались вопросы мирного урегулирования афганской проблемы и формирования региональной системы безопасности, а также продвижения совместных проектов в области энергетики, транспорта и инвестиций, как основы устойчивого развития и стабилизации ситуации на афгано-пакистанском направлении и в сопредельных государствах Центральной и Южной Азии. Все участники конференции разделяли мнение пакистанской стороны о том, что «более тесное региональное сотрудничество позволяет играть эффективную роль в устранении угрозы терроризма» [7].

Представляется, что для Афганистана и Пакистана, стоящих перед общими многочисленными вызовами безопасности, включая рост террористической активности на фоне радикализации афгано-пакистанского пространства, необходимо выстраивать межгосударственный диалог на основе имеющихся у них объединяющих факторов историко-культурной, физико-географической и политико-экономической общности. Повышение образовательного потенциала афганской и пакистанской молодежи следует осуществлять в парадигме объединяющей весь мир идеи глобальной гражданственности, которая нашла отражение в принятой международным сообществом в мае 2015 г. Инчхонской Декларации ЮНЕСКО «Образование 2030: обеспечение всеобщего инклюзивного и справедливого качественного образования и обучения на протяжении всей

жизни», где сформулирована новая концепция образования как «необходимое условие мира, терпимости, реализации человеческого потенциала и устойчивого развития» [8]. Это позволит обоим государствам оказать противодействие разрушительной идеологии исламистов и ее крайне радикальному проявлению среди игиловцев, которые, используя мощнейшее идеологическое манипулирование умами молодежи, подкрепленное значительными финансовыми потоками, стремятся под прикрытием создания «вселенского халифата» укрепить ряды своего «террористического интернационала». Проведенный анализ свидетельствует об азиатском векторе продвижения «Исламского государства», о нарастающей угрозе проникновения сторонников ИГ и их ультрарадикальной идеологии на афгано-пакистанском направлении с дальнейшим транзитом в регионы Центральной и Южной Азии. Это не только создает взрывоопасные очаги напряженности в регионе, в том числе на границах России, Китая, Индии и Ирана, но и тормозит процессы международной евразийской экономической интеграции, реализации странами региона совместных энергетических, транспортных, торговых и инвестиционных проектов как на основе двусторонних межгосударственных договоренностей, так и в рамках различных международных региональных организаций, таких, как, например, Шанхайская Организация Сотрудничества, в зону ответственности которой Пакистан входит как полноправный член (2016), а Афганистан имеет статус наблюдателя (2012). Скоординированное политическое содействие государств-членов ШОС по восстановлению мира и стабильности в центре Азии, расположенном в расширенном масштабе на афгано-пакистанском пространстве, позволит, как представляется, снизить возможность проникновения исламорадикализма новой

волны не только в страны Центральной и Южной Азии, но и в отдельные регионы Российской Федерации, включая Северный Кавказ.

Научная литература

- [1] *Белокреницкий В.Я.* Пакистан и афганский кризис //Пакистан, Южная Азия, исламский мир, Восток. Избранные публикации 2008-2016 гг./ Институт востоковедения РАН. – М.: ИВ РАН, 2016. С. 327-343.
- [2] *Серенко И.Н.* Пакистан: «Красная мечеть» дает «зеленый свет» «Исламскому государству»? // Институт Ближнего и Среднего Востока. 15 ноября, 2015 [Электронный ресурс]. Режим доступа: // <http://www.iimes.ru/?p=26556>
- [3] Among the believers - <http://www.amongthebelieversfilm.com/>
- [4] *Don Ressler.* Situating the Emergence of the Islamic State of Khorasan - <https://www.ctc.usma.edu/posts/situating-the-emergence-of-the-islamic-state-of-khorasan>
- [5] Gallup History Project - [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://twitter.com/GallupPak/status/564484463623553025>
- [6] Global Terrorism Index 2015 -[Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://economicsandpeace.org/wp-content/uploads/2015/11/2015-Global-Terrorism-Index-Report.pdf>
- [7] Heart of Asia Conference: Pakistan wants durable peace in Afghanistan, says Aziz - [Электронный ресурс]. Режим доступа:<http://tribune.com.pk/story/1006002/heart-of-asia-conference-islamabad-to-push-for-dialogue-resolving-issues-2/>
- [8] Incheon Declaration Education 2030: Towards inclusive and equitable quality education and lifelong learning for all - [Электронный ресурс]. Режим доступа:<http://www.unesco.org/world-education-forums-2015/>

- [9] *Jacob Poushter*. In nations with significant Muslim populations, much disdain for ISIS -[Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.pewresearch.org/fact-tank/2015/11/17/in-nations-with-significant-muslim-populations-much-disdain-for-isis/>
- [10] *Mateen Haider*. Foreign secretary rules out IS presence in Pakistan -[Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.dawn.com/news/1219866/foreign-secretary-rules-out-is-presence-in-pakistan>
- [11] *Mubashir Zaidi*. IS recruiting thousands in Pakistan, govt warned in 'secret' report - [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.dawn.com/news/1143133>
- [12] *Mumtaz Alvi*. 61 outfits banned in Pakistan, Nisar tells Senate-[Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.thenews.com.pk/print/82904-61-outfits-banned-in-Pakistan-Nisar-tells-Senate>
- [13] *Shakeel Qarar, Atif Butt*. Arrest warrant issued for Lal Masjid cleric Maulana Abdul Aziz -[Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.dawn.com/news/1153286/arrest-warrant-issued-for-lal-masjid-cleric-abdul-aziz>
- [14] *Siobhan Fenton*. Isis spreads to Afghanistan as 1,600 militants pledge allegiance to terror group - [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.independent.co.uk/news/world/asia/isis-spreads-to-afghanistan-as-1600-militants-pledge-allegiance-to-terror-group-a6761591.html>

РЕКОНФИГУРАЦИЯ МИССИИ НАТО В АФГАНИСТАНЕ: ПОСЛЕДСТВИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Шапиро Н.И.*

В декабре 2014 г. завершилась миссия Международных сил содействия безопасности (МССБ) в Исламской Республике Афганистан – крупнейшая операция в истории Североатлантического альянса. Ее завершение сопровождалось переходом коалиционных сил к выполнению учебно-тренировочных функций в рамках небоевой миссии «Решительная поддержка». Основные воинские контингенты были поэтапно выведены из страны, наряду с проведением логистических мероприятий по выводу боевой техники и оборудования. С 2015 г. афганские силовые структуры несут полную ответственность за поддержание безопасности на всей территории ИРА.

Несмотря на ряд позитивных результатов, деятельность международных сил не привела к стабилизации обстановки в стране. Многократно возросли новые вызовы и угрозы безопасности, в первую очередь терроризм и наркотрафик. По ряду показателей (в частности, уровню наркопроизводства и террористической активности боевиков) наблюдалось обновление рекордных значений [1]. Многолетние усилия США и НАТО в области подготовки афганских национальных сил не привели к формированию боеспособной армии и полиции. Несмотря на безальтернативность политического пути урегулирования афганского конфликта, перспектива достижения компромисса с «умеренными» талибами представлялась отдаленной. Четко обозначились пределы

* Шапиро Наталия Игоревна – младший научный сотрудник, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук. E-mail: nataliashapiro7@gmail.com.

использования коалиционного ресурсного потенциала для реализации задач социально-экономического восстановления страны. Попытки создать дееспособное афганское правительство потерпели крах.

Ввиду эскалации насилия в Афганистане в период завершения миссии МССБ, активизировались дискуссии о дальнейшей деятельности международных сил в этой стране. Актуализировалась необходимость ревизии курса США и НАТО с учетом последствий вывода войск из ИРА для развития ситуации в стране и регионе.

Интенсификация вооруженного противостояния на фоне переформатирования международного присутствия в Афганистане. Вывод основной части коалиционных сил и их переориентация на осуществление преимущественно консультативно-тренировочных задач в рамках новой миссии стимулировали боевиков активизировать действия почти на всей территории страны. Увеличилась регулярность крупных и хорошо организованных операций боевиков. Участились настойчивые попытки захвата административных центров. Возросло количество резонансных нападений и терактов в крупных городах, включая Кабул. Уровень угрозы в административных районах 27 из 34 провинций оценивался в качестве высокого или чрезвычайно высокого. Как отметил афганский генерал-лейтенант А.Х. Халид, «мы находимся в состоянии пассивной обороны; мы не преследуем врага» (11). Крайним выражением безнадежности стали слова В. Дад, начальника местного отделения полиции в провинции Орузган: «Лучше позволить талибам прийти к власти» (16).

Расширилась зона влияния радикально-исламистского движения «Талибан» – наиболее многочисленной группировки, действующей в Афганистане [2]. По словам спецпредставителя президента России по Афганистану З.Н. Кабулова, численность талибов достигает 60-70 тысяч человек (4). Талибы укрепляли тактические и военно-

материальные связи с другими группировками (1). Обладая высоким моральным духом, волей к борьбе и сильным потенциалом для сопротивления, талибы целенаправленно наращивали давление на правительственные силы. Наряду с расширением подконтрольной боевикам территории, обеспокоенность военно-политического руководства США вызывало растущее взаимодействие между «Аль-Каидой» и движением «Талибан» (10).

Масштабное наступление талибов весной 2015 г. отличалось более высоким уровнем планирования и координации. Наиболее крупные операции они совершили за пределами основных районов деятельности. Талибы активизировали действия на севере страны, проявляя готовность нести значительные потери (7. С. 5-6). Кульминацией стал захват столицы стратегически важной провинции Кундуз в сентябре 2015 г. – крупнейшая победа талибов за последние 14 лет. Восстановить контроль над городом удалось только благодаря поддержке коалиционных сил. События в Кундузе, которые стали шоком для военного командования США и НАТО, сопровождались ослаблением ограничений на участие американских подразделений в операциях афганских силовиков (9).

Несмотря на обострение внутренней борьбы после сообщений о смерти лидера талибов муллы Омара и очередную смену лидера в мае 2016 г., движение «Талибан» по-прежнему оказывает определяющее влияние на развитие ситуации в сфере безопасности в Афганистане.

Дополнительную остроту ситуации придало распространение активности ультрарадикальной террористической организации «Исламское государство» (ИГ, запрещена в России) на Южную и Центральную Азию [3]. Присутствие боевиков ИГ, которые начали проникать на территорию ИРА в 2014 г., было зафиксировано в 25 из 34 афганских провинций. «Региональная база» группировки

находится в городе Желалабад на востоке страны. Боевики ИГ осуществляют вербовочную и пропагандистскую деятельность, создают лагеря боевой подготовки, налаживают контакты с другими экстремистскими формированиями, стремятся установить контроль над производством и трафиком опиатов. Боевики ИГ ведут борьбу с движением «Талибан» (в апреле 2015 г. группировки объявили друг другу «джихад») и правительственными силами. Они декларируют цель создания «вилаята Хорасан» – территориального подразделения, включающего Афганистан, Пакистан и ряд других государств региона.

Афганский «филиал» ИГ состоит в основном из бывших членов движения «Талибан». Ядро группировки предположительно составляет небольшое число боевиков, прибывших из Ирака или Сирии (7. С. 10). По данным Министерства обороны России, группировка ИГ в Афганистане насчитывает 3500 активных боевиков и 4500 сторонников. Американское командование оценивает уровень присутствия ИГ в диапазоне от 1000 до 3000 боевиков. Ряд групп, воюющих в «зоне Аф-Пак», заявили о лояльности ИГ.

Уровень влияния ИГ на ситуацию в Афганистане еще предстоит оценить. Открытым остается вопрос о характере взаимодействия «Исламского государства» с другими группировками, действующими в стране. Тем не менее очевидно, что перенос активности ИГ в Южную и Центральную Азию – это очень опасная тенденция.

Предмет особой озабоченности России – транзит нестабильности из южных и юго-восточных районов Афганистана в относительно спокойные в прошлом северные районы. Концентрация боевиков достигла около 15 000 человек. Крупные группировки сосредоточены на северо-востоке (в провинциях Бадахшан, Тахар, Кундуз) и северо-западе (в провинциях Джаузджан, Фарьяб, Бадгис) страны (5). Функционируют центры боевой подготовки, в том числе

созданные «Исламским государством». Напряженная ситуация сложилась в районах, граничащих с Таджикистаном и Туркменистаном.

Эскалация конфликта сопровождалась массовым перемещением населения, ростом жертв среди некомбатантов, увеличением числа беженцев. В 2015 г. число перемещенных лиц в 31 из 34 провинций страны составило 335 000 человек. Это на 78% выше уровня 2014 г. и один из наиболее высоких показателей внутреннего перемещения населения за 14 лет. Что касается численности пострадавших среди некомбатантов, в 2015 г. этот показатель достиг 11 002 человек. Это самое большое число жертв среди гражданского населения, зарегистрированное Миссией ООН по содействию Афганистану с 2009 г. В 62% случаев гражданские лица пострадали в результате действий вооруженной оппозиции (6. С. 9, 15, 32-33). Рост миграционных потоков из Афганистана превратился в острую проблему для Европейского союза, переживающего беспрецедентный миграционный кризис. По данным ООН, в 2015 г. Афганистан занял второе место после Сирии среди основных стран исхода беженцев.

На фоне интенсификации боевых действий отчетливо проявилась слабость афганских сил, неспособных сдержать натиск боевиков. Обострились хронические проблемы – дефицит квалифицированных кадров, прежде всего командного состава, высокий уровень дезертирства, коррупция и хищения в ВС, низкий уровень координации между силовыми структурами и органами местной власти (26). Рекордный уровень потерь¹, проблемы тылового

¹ В 2014-2015 гг. потери среди личного состава силовых структур значительно превысили показатели 2009-2013 гг. В 2015 г. совокупная численность погибших и раненых сотрудников афганских сил безопасности достигла 16 000 человек (это на 28% больше, чем в 2014 г.). См.: *Brook, T.V. Afghan Casualties Surged in 2015 Because of Increased Taliban Attacks // USA Today. January 4, 2016. URL:*

обеспечения, отсутствие своевременных подкреплений и медицинской помощи подрывали моральный дух афганских военных. Остро ощущалась потребность в поддержке коалиционных сил, включая тактическую авиоподдержку. Очевидно, что усилия по форсированному наращиванию численности афганской армии и полиции – без должного внимания к качеству их подготовки и материально-технического оснащения – себя не оправдали.

В сложившихся условиях США и другие страны-члены НАТО взяли курс на ревизию ранее принятых решений. На практике это проявилось в приостановлении процесса вывода войск, расширении спектра задач, которые выполняют американские военнослужащие, пролонгировании миссии «Решительная поддержка», а также продолжении участия коалиционных сил в боевых операциях на территории ИРА (в ограниченном объеме). При этом основное бремя несут американские военные, в первую очередь подразделения специального назначения.

Миссия «Решительная поддержка»: промежуточные итоги и перспективы реализации. С 1 января 2015 г. в соответствии с резолюцией 2189, единогласно принятой Советом Безопасности ООН 12 декабря 2014 г., на территории ИРА функционирует небоевая миссия НАТО «Решительная поддержка». Миссия направлена на обучение афганских национальных сил с целью повышения их боеспособности до уровня, позволяющего самостоятельно поддерживать безопасность в стране. В рамках миссии оказывается консультативная помощь руководству афганских спецслужб, Министерства обороны и Министерства внутренних дел. Деятельность миссии также предусматривает содействие руководству страны в установлении демократического

<http://www.usatoday.com/story/news/world/2016/01/04/gen-john-campbell-taliban-afghanistan/78262480/> (дата обращения: 08.08.2016).

контроля над национальными силовыми ведомствами. По словам генерального секретаря НАТО Й. Столтенберга, срок действия миссии не фиксирован. Ее продолжительность обусловлена развитием обстановки в Афганистане. Параметры миссии при необходимости могут корректироваться (17). Подобный подход позволяет союзникам сохранять свободу в принятии решений относительно перспектив реализации миссии.

Правовую основу присутствия иностранных контингентов на территории ИРА обеспечивают соглашение о статусе сил НАТО, а также соглашение о сотрудничестве в области безопасности и обороны между Афганистаном и США. Оба документа подписаны 30 сентября 2014 г. после официального вступления А. Гани в должность президента ИРА и вступили в силу 1 января 2015 г. Соглашения действуют до конца 2024 г. с возможностью пролонгации.

Переход к миссии небоевого формата ознаменовал начало нового этапа афганской политики США и НАТО. Изменился характер и масштаб взаимодействия НАТО с Афганистаном. Как отмечалось в этой связи в Декларации по Афганистану Уэльского саммита НАТО от 4 сентября 2014 г., деятельность альянса направлена на подготовку кадров для афганской армии и полиции, обеспечение финансовой поддержки афганских сил и укрепление партнерских отношений с ИРА (30).

Ввиду изменения формата и задач миссии, значительно сократился количественный состав подразделений стран-участниц. По состоянию на январь 2017 г., общая численность контингентов составляет 13 332 человека. В миссии «Решительная поддержка» участвуют 39 государств (страны-члены НАТО и государства-партнеры). Основным провайдером персонала являются США (6 941 человек). Второе место по численности выделенных в состав миссии контингентов занимает Италия (1 037 человек), третье –

Германия (980 человек), четвертое – Румыния (588 человек), пятое – Турция (532 человека). Среди государств, не являющихся членами альянса, наиболее крупный контингент выделила Грузия (870 человек) (18). Учитывая подразделения американского спецназа, которые выполняют контртеррористические задачи, контингент США насчитывает 8 400 человек.

Органы миссии «Решительная поддержка» расположены в Кабуле (зона ответственности «Столица», рамочное государство – Турция) и четырех региональных отделениях: в Мазари-Шарифе («Север», Германия), Герате («Запад», Италия), Кандагаре («Юг», США) и Лагмане («Восток», США). Безопасность персонала миссии обеспечивают боевые подразделения, входящие в ее состав. Кроме того, они оказывают ограниченную поддержку правительственным силам при проведении боевых операций. По данным Пентагона, контингенты стран-участниц дислоцируются на 21 военной базе. Руководство миссией осуществляет американский генерал Дж. Николсон.

В период поэтапной передачи ответственности за безопасность руководство США и НАТО неоднократно констатировало прогресс в подготовке афганской армии и полиции. Аргументация основывалась преимущественно на количественных показателях. Среди основных аргументов командования МССБ были данные о количестве боевых операций, которые афганские силовики провели без поддержки или с минимальным участием коалиционных сил. Отмечалось, что с июня 2013 г. афганские силы руководят операциями на всей территории ИРА. Руководство НАТО заявляло об улучшении обстановки в ряде районов, переданных национальным силам. Несмотря на незавершенность процесса становления афганской армии и полиции, подчеркивалась их готовность обеспечивать безопасность в стране (27. Рр. 4-6; 28. Рр. 4-7; 29. Рр. 7-8).

Реальная ситуация в Афганистане отличалась от оптимистичных политических заявлений руководства США и НАТО. Пользуясь неопределенностью переходного периода, боевики стремились расширить подконтрольную им территорию. Фиксировались случаи «обратной передачи ответственности», когда иностранные контингенты возвращались в провинции, в которых афганские силы не смогли контролировать ситуацию. Подобное, в частности, произошло в провинции Бадахшан, куда были вынуждены вернуться контингенты из Германии, Бельгии и Дании (3). Уровень подготовки афганских сил явно не соответствовал сложности стоящих перед ними задач. В сложившихся условиях избежать «обратного вовлечения» иностранных, прежде всего американских, контингентов в боевые действия на практике оказалось невозможно.

Необходимо отметить, что первоначальные планы Вашингтона предусматривали прекращение участия американских подразделений в антиповстанческих операциях после 2014 г. В рамках данного подхода предполагалось сфокусировать усилия на борьбе с «остатками “Аль-Каиды”» и укреплении потенциала национальных сил безопасности (22; 23; 25). Администрация Б. Обамы планировала завершить вывод войск к концу 2016 г., оставив в стране персонал для охраны посольства в Кабуле и военных советников общей численностью около 1000 человек (13. P. 26; 23).

Планы Вашингтона по реформированию миссии сочетались со стремлением сохранить гарантированный доступ к военным объектам на территории ИРА. Возможность долгосрочного использования инфраструктуры для противодействия терроризму после официального окончания военной кампании являлась одним из приоритетов Пентагона

и ЦРУ². Фиксация соответствующих положений в двустороннем Соглашении о долгосрочном стратегическом партнерстве от 2012 г., а также в Соглашении о сотрудничестве в области безопасности и обороны от 2014 г. была важным достижением американской дипломатии. В «Приложении А» к Соглашению от 2014 г. перечислены оптимальные места расположения баз, включая восточные (Баграм) и южные (Кандагар) районы Афганистана [4. С. 14].

Изменение оперативной обстановки вынудило Б. Обаму отказаться от плана по выводу войск из ИРА и расширить функции американских военных. Действия Б. Обамы дали основание для спекуляций относительно формата новой миссии и сопровождалась критикой в его адрес в невыполнении обещания об «ответственном завершении войны» в Афганистане. Решения главы государства интерпретировались его оппонентами в качестве «полумер», реализация которых не приведет к деэскалации конфликта³. В

² Это было обусловлено в первую очередь необходимостью продолжения борьбы с «Аль-Каидой», на которую, по оценкам Пентагона, потребуется еще около двадцати лет. В связи с этим американские эксперты прорабатывали различные конфигурации долгосрочного присутствия в ИРА. Так, высказывались предложения сохранить, по крайней мере, две-три базы в южных и восточных районах страны. Предполагаемая численность американских военных на каждой базе варьировалась от 1000 до 2000 человек. Ежегодные затраты на обслуживание по предварительным расчетам составляли 5-10 млрд долл. Подробнее см.: *O'Hanlon M. We Still Need U.S. Bases in Afghanistan // The Washington Post. February 19, 2015. URL: http://www.washingtonpost.com/opinions/the-need-for-us-bases-in-afghanistan-endures/2015/02/19/cf54db82-b492-11e4-886b-c22184f27c35_story.html (дата обращения: 08.08.2016).*

³ Примечательно, что оппоненты Б. Обамы не предлагали конструктивных альтернатив действиям администрации на афганском треке. Набор их рекомендаций в основном сводился к сохранению контингента на уровне 2015 г. (9 800 военнослужащих) или его «обратному наращиванию». При этом они игнорировали высокую вероятность того, что увеличение иностранного военного присутствия приведет к новому витку конфликта.

адрес Белого дома и Пентагона высказывались обвинения в искажении реальной картины происходящего, вплоть до «эскалации тайной войны в Афганистане» (12; 19; 20). Неубедительные попытки официальных представителей администрации опровергать подобные сообщения усиливали ощущение недосказанности. Дистанция между публичными заявлениями руководства США и действиями американских военных «на земле» расширялась.

В ноябре 2014 г. президент США санкционировал использование американской авиации с целью оказания поддержки афганским силам при проведении операций. Американские военные получили право участвовать в боевых действиях на территории ИРА в целях самообороны, защиты международных контингентов и содействия правительственным силам в борьбе с повстанцами (14). С учетом активизации террористических и исламистских группировок спектр задач, выполняемых спецназом США в рамках новой миссии, был постепенно расширен. Помимо борьбы с «Аль-Каидой» и ее пособниками, подразделения американского спецназа проводят рейды по уничтожению талибов и боевиков «Исламского государства». В связи с этим актуализировался вопрос о пределах расширения полномочий американских военных в рамках де-юре небоевой миссии.

Решение о расширении параметров миссии было принято под давлением Пентагона в результате напряженных дебатов внутри администрации. Дебаты проходили на фоне массивного наступления отрядов ИГ на территории Ирака, стремительного захвата боевиками ряда провинций на

Кроме того, опыт масштабного увеличения американского контингента, предпринятого Б. Обамой в начале первого президентского срока, показал, что подобные действия оказывают лишь временный эффект. Они позволяют перехватить инициативу у противника, но не нанести ему сокрушительное поражение. Упорное сопротивление боевиков, прежде всего талибов, сломить не удалось.

севере и западе страны, коллапса иракских сил безопасности. Еще один важный фактор, оказавший влияние на решение Б. Обамы, – это избрание на пост президента ИРА А. Гани, действия которого контрастировали с действиями Х. Карзая. По некоторым данным, А. Гани и его советник по национальной безопасности Х. Атмар обратились к американскому руководству с просьбой продолжить борьбу с талибами в 2015 г. А. Гани отменил ряд ограничений, введенных его предшественником, на оказание авиационной поддержки афганским силам американскими ВВС, а также проведение ночных рейдов с участием американских и афганских военных. Он наладил тесные рабочие контакты с командующим МССБ генералом Дж. Кэмпбеллом, который, в свою очередь, заявил о появлении "стратегической возможности", не существовавшей ранее. С учетом решения Б. Обамы военное руководство США заявило о сохранении наступательного потенциала в Афганистане (14) [4. С. 17].

В 2015-2016 гг., стремясь предотвратить дальнейшую деградацию ситуации, Б. Обама пролонгировал присутствие американского контингента в ИРА⁴. Он акцентировал необходимость продолжать реализацию инструкторских и контртеррористических задач. Признавая политико-психологическую усталость американцев от афганской войны и подчеркивая свое негативное отношение к участию США в бессрочных вооруженных конфликтах, Б. Обама отмечал, что миссия в Афганистане имеет жизненно важное значение для

⁴ Соответствующие заявления президент США обнародовал 15 октября 2015 г. и 6 июля 2016 г. См.: Statement by the President on Afghanistan. The White House. October 15, 2015. URL: <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2015/10/15/statement-president-afghanistan> (дата обращения: 20.12.2015); Statement by the President on Afghanistan. The White House. July 06, 2016. URL: <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2016/07/06/statement-president-afghanistan> (дата обращения: 08.08.2016).

обеспечения безопасности США. Вашингтон включил Афганистан в сеть партнеров США в области борьбы с терроризмом на обширном пространстве от Южной Азии до Африки (24). Данный шаг был предпринят администрацией Б. Обамы в контексте поиска регионального и глобального ответа на растущий вызов со стороны транснационального терроризма.

Содействие налаживанию диалога между афганским правительством и талибами декларировалось в качестве одной из приоритетных задач американской дипломатии в регионе⁵. В этом контексте особо отмечалась необходимость поддержки со стороны региональных государств, прежде всего Пакистана. Полный вывод иностранных войск был увязан с прочным политическим урегулированием между Кабулом и вооруженной оппозицией [4. С. 17]. Учитывая неопределенность перспектив урегулирования афганского конфликта, подобная увязка, по сути, означает возможность сохранения иностранных контингентов в Афганистане без конкретизации срока их пребывания.

Решение Б. Обамы о пролонгировании американского военного присутствия в ИРА было положительно воспринято в определенных сегментах американской политической элиты (как республиканцев, так и демократов). Его обнародование было «подготовлено» чередой публикаций ряда авторитетных представителей политико-экспертного сообщества США. Рассматривая терроризм в качестве долгосрочной угрозы либерально-демократическим ценностям, американскому образу жизни и американскому народу, они не ограничивали

⁵ К числу практических шагов на этом направлении относится участие США в деятельности нового консультативного механизма – «Четырехсторонней координационной группы». В состав группы, помимо США, вошли Афганистан, Пакистан и Китай. Деятельность группы направлена на налаживание мирного диалога между правительством ИРА и движением «Талибан».

борьбу с этой угрозой временными рамками и не сводили ее к разгрому «Аль-Каиды», ИГ или иных группировок. Данная позиция, в частности, зафиксирована в брифе Атлантического совета «Афганистан и безопасность США», который был опубликован в октябре 2015 г. Документ получил широкую двухпартийную поддержку со стороны бывших и действующих государственных деятелей, а также представителей военного истеблишмента⁶. Основным автор документа – бывший посол США в ИРА Дж. Каннингем. В документе изложены основополагающие принципы, которые, по замыслу авторов, должны лежать в основе формирования американской политики в отношении Афганистана. Помимо прочего, постулируется необходимость сохранения международных контингентов в различных районах страны на текущем или близком к нему уровне (8).

Комментируя решение Б. Обамы, генеральный секретарь НАТО Й. Столтенберг заявил, что оно закладывает основу для долгосрочного присутствия альянса в Афганистане. Весомый вклад США является важным фактором при планировании дальнейшей деятельности НАТО на афганском треке (15).

Ход реализации и перспективы миссии «Решительная поддержка» обсуждались на заседании Совета НАТО на уровне министров иностранных дел 1 декабря 2015 г. По итогам встречи были достигнуты договоренности о сохранении присутствия альянса в Афганистане на протяжении 2016 г. в прежнем объеме (около 12 000

⁶ Внушительный список включает бывшего госсекретаря М. Олбрайт; бывшего и действующего председателей Комитета по вооруженным силам Сената США К. Левина и Дж. Маккейна; бывших министров обороны Л. Панетту и Ч. Хейгла; бывших верховных главнокомандующих Объединенными вооруженными силами НАТО в Европе генерала Дж. Джонса и адмирала Дж. Ставридиса; бывших послов США в Афганистане Р. Крокера, Р. Ньюмана, З. Халилзада и др.

военнослужащих), а также инициировании кампании по сбору средств на финансирование афганских сил до 2020 г. Кроме того, была подтверждена нацеленность на укрепление долгосрочного партнерства с ИРА⁷.

В этом контексте вновь было заявлено о планах по формированию третьей по счету миссии после завершения миссии «Решительная поддержка» (решение принято в мае 2015 г.). Новая миссия, направленная на оказание консультативной помощи силам безопасности ИРА, будет осуществляться под гражданским руководством. Несмотря на ограниченную численность, она предусматривает наличие военного компонента. Реализация миссии под гражданским руководством позволит перейти к более типичным отношениям «в соответствии с установленной моделью партнерских отношений, которые сложились между НАТО и другими странами» (2. С. 49). Резюмируя итоги заседания, Й. Столтенберг заявил, что присутствие в Афганистане отвечает интересам безопасности стран-членов. Деятельность НАТО на афганском направлении осуществляется в рамках общих усилий альянса по противодействию терроризму и экстремизму (17; 21).

В продолжение вышеуказанных шагов союзники приняли решение пролонгировать миссию «Решительная поддержка» в 2017 г. Это решение было анонсировано на саммите НАТО в Варшаве в июле 2016 г. Союзники подтвердили готовность оказывать дальнейшую политическую, военную и финансовую помощь Афганистану (31) [5].

Развитие событий в период реформирования иностранного присутствия в Афганистане свидетельствовало о том, что союзники недооценили темп и масштаб

⁷ Политическая основа долгосрочного взаимодействия НАТО с Афганистаном была заложена в 2010 г., когда на саммите альянса в Лиссабоне была принята «Декларация о долгосрочном партнерстве».

происходящих в стране изменений. Появление новых факторов, в первую очередь инфильтрация боевиков ИГ на территорию ИРА, придало дополнительную напряженность обстановке в стране. Несмотря на передачу полной ответственности за безопасность афганским силам и переориентацию на выполнение вспомогательных функций, США и НАТО, вопреки первоначальным планам, не удалось завершить непосредственное участие в боевых действиях. Высокая динамика развития военно-политической ситуации в Афганистане обуславливает необходимость дальнейшей корректировки параметров иностранного присутствия (численности контингентов, мест дислокации, функций военных).

Оценивая промежуточные итоги миссии «Решительная поддержка», приходится констатировать, что для решения даже части поставленных задач потребуется значительно больше времени и ресурсов, чем предполагалось ранее. Ситуация в Афганистане продемонстрировала пределы реализации вспомогательных (консультативно-тренировочных) функций в условиях обострения вооруженного конфликта. В ходе сезона боевых действий 2015-2016 гг. отчетливо проявился высокий уровень зависимости афганских сил от постоянной поддержки инструкторов и боевых подразделений США/НАТО. Ввиду неспособности правительственных сил самостоятельно противостоять боевикам, союзники были вынуждены продолжить участие в боевых операциях на территории ИРА (в ограниченном объеме). Хотя администрация США и руководство НАТО неизменно акцентировали небоевой характер новой миссии, складывалось впечатление, что выражение «консультирование и содействие» все чаще использовалось ими в качестве эвфемизма.

В администрации Б. Обамы отсутствовал консенсус относительно дальнейших действий на афганском треке.

Ситуация усугублялась тем, что противостояние на межпартийном и межинституциональном уровнях препятствовало формированию консолидированной позиции по многим проблемам внешней (и внутренней) политики, включая афганскую проблему. Способность администрации Д. Трампа выработать согласованный и последовательный курс в отношении Афганистана неочевидна.

Примечание

- (1) Брифинг официального представителя МИД России М.В. Захаровой, Москва, 22 октября 2015 года. Министерство иностранных дел Российской Федерации. 22.10.2015. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.mid.ru/press_service/video/-/asset_publisher/i6t41cq3VWP6/content/id/1890302 (дата обращения: 08.08.2016).
- (2) Годовой отчет Генерального секретаря 2015. НАТО, 2016 г. 128 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/pdf_2016_01/20160205_SG_AnnualReport_2015_ru.pdf (дата обращения: 25.07.2016).
- (3) Интервью спецпредставителя Президента Российской Федерации по Афганистану, директора Второго департамента Азии МИД России З.Н. Кабулова газете «Коммерсант», 25 апреля 2013 г. Министерство иностранных дел Российской Федерации. 830-25-04-2013. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://archive.mid.ru//BDOMP/brp_4.nsf/sps/3E8F913007A9310744257B580052D948 (дата обращения: 05.08.2016).
- (4) Интервью специального представителя Президента Российской Федерации по Афганистану, директора Второго департамента Азии МИД России З.Н. Кабулова журналу

«Профиль», 9 ноября 2015 года. Министерство иностранных дел Российской Федерации. 10.11.2015. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.mid.ru/maps/af/-asset_publisher/gehUa6O4gSTV/content/id/1930468 (дата обращения: 08.08.2016).

(5) Интервью Специального представителя Президента Российской Федерации по Афганистану, директора Второго департамента Азии МИД России З.Н. Кабулова Информационному агентству России ТАСС, 29 декабря 2015 года. Министерство иностранных дел Российской Федерации. 30.12.15. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.mid.ru/maps/af/-asset_publisher/gehUa6O4gSTV/content/id/2003777 (дата обращения: 08.08.2016).

(6) Положение в Афганистане и его последствия для международного мира и безопасности. Доклад Генерального секретаря. Организация Объединенных Наций. 7 марта 2016 г. A/70/775-S/2016/218. 53 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N16/054/70/PDF/N1605470.pdf?OpenElement> (дата обращения: 25.07.2016).

(7) Шестой доклад Группы по аналитической поддержке и наблюдению за санкциями, представленный в соответствии с резолюцией 2160 (2014) по движению «Талибан» и связанным с ним лицам и организациям, представляющим угрозу миру, стабильности и безопасности в Афганистане. Совет Безопасности Организации Объединенных Наций. S/2015/648. 26 августа 2015 г. 25 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N15/163/99/PDF/N1516399.pdf?OpenElement> (дата обращения: 29.07.2016).

(8) *Cunningham, J. B.* Afghanistan and US Security. Atlantic Council. October 2015. 11 p. [Электронный ресурс]. Режим доступа:

http://www.atlanticcouncil.org/images/publications/20151016_Afghanistan_and_us_security.pdf (дата обращения: 04.11.2015).

(9) *Donati J., Totakhil H.K.* U.S. Special Forces Sent to Embattled Afghan Province // The Wall Street Journal. December 16, 2015. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.wsj.com/articles/u-s-special-forces-sent-to-embattled-afghan-province-1450280577> (дата обращения: 24.12.2015).

(10) *Gibbons-Neff T.* In Afghanistan, al-Qaeda is Working More Closely with the Taliban, Pentagon Says // The Washington Post. May 6, 2016. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.washingtonpost.com/news/checkpoint/wp/2016/05/06/in-afghanistan-al-qaeda-is-working-more-closely-with-the-taliban-pentagon-says/?tid=a_inl (дата обращения: 29.07.2016).

(11) *Goldstein J.* Afghan Security Forces Struggle Just to Maintain Stalemate // The New York Times. July 22, 2015. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.nytimes.com/2015/07/23/world/asia/afghan-security-forces-struggle-just-to-maintain-stalemate.html?ref=topics&r=0> (дата обращения: 29.07.2016).

(12) Is the Pentagon Telling the Truth About Afghanistan? // The New York Times. 13.11.2015. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.nytimes.com/2015/10/13/opinion/is-the-pentagon-telling-the-truth-about-afghanistan.html> (дата обращения: 16.12.2015).

(13) *Katzman K.* Afghanistan: Post-Taliban Governance, Security, and U.S. Policy. Congressional Research Service. RL30588. January 12, 2017. 76 p. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://fas.org/sgp/crs/row/RL30588.pdf> (дата обращения: 22.01.2017).

(14) *Mazzetti M., Schmitt E.* In a Shift, Obama Extends U.S. Role in Afghan Combat // The New York Times. November 21, 2014. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.nytimes.com/2014/11/22/us/politics/in-secret-obama->

extends-us-role-in-afghan-combat.html?_r=0 (дата обращения: 16.12.2015).

(15) NATO Secretary General's Reaction to President Obama's Announcement on Afghanistan. North Atlantic Treaty Organization. 15 October, 2015. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.nato.int/cps/en/natohq/news_123944.htm (дата обращения: 23.12.2015).

(16) *Nordland R., Goldstein J.* Afghan Taliban's Reach Its Widest Since 2001, U.N. Says // The New York Times. October 11, 2015. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.nytimes.com/2015/10/12/world/asia/afghanistan-taliban-united-nations.html> (дата обращения: 23.12.2015).

(17) Press Conference by NATO Secretary General Jens Stoltenberg following the Resolute Support Meeting at the Level of Foreign Ministers - Secretary General's Opening Remarks 1 December 2015. North Atlantic Treaty Organization. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_125360.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 23.12.2015).

(18) Resolute Support Mission (RSM): Key Facts and Figures. North Atlantic Treaty Organization. January 2017. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/pdf_2017_01/20170126_2017-01-RSM-Placemat-new.pdf (дата обращения: 05.02.2017).

(19) *Rosenberg M., Shear M.D.* Obama Announces Halt of U.S. Troop Withdrawal in Afghanistan // The New York Times. 15.10.2015. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.nytimes.com/2015/10/16/world/asia/obama-troop-withdrawal-afghanistan.html> (дата обращения: 13.12.2015).

(20) *Rosenberg M., Schmitt E.* U.S. Is Escalating a Secretive War in Afghanistan // The New York Times. 12.02.2015. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.nytimes.com/2015/02/13/world/asia/data-from->

seized-computer-fuels-a-surge-in-us-raids-on-al-qaeda.html?ref=asia&utm_source=Sailthru&utm_medium=email&utm_term=*AfPak%20Daily%20Brief&utm_campaign=2014_The_South_Asia_Daily%202.13&r=0 (дата обращения: 13.12.2015).

(21) Statement by Foreign Ministers of NATO - Resolute Support Nations and Afghanistan. Brussels, 1 December 2015. North Atlantic Treaty Organization. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_125449.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 13.12.2015).

(22) Statement by Secretary of Defense Chuck Hagel on Operation Enduring Freedom and Operation Freedom's Sentinel. U.S. Department of Defense. December 28, 2014. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.defense.gov/News/News-Releases/News-Release-View/Article/605332/statement-by-secretary-of-defense-chuck-hagel-on-operation-enduring-freedom-and> (дата обращения: 23.12.2015).

(23) Statement by the President on Afghanistan. The White House. May 27, 2014. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.whitehouse.gov/the-press-office/2014/05/27/statement-president-afghanistan> (дата обращения: 23.12.2015).

(24) Statement by the President on Afghanistan. The White House. October 15, 2015. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2015/10/15/statement-president-afghanistan> (дата обращения: 20.12.2015).

(25) Statement by the President on the End of the Combat Mission in Afghanistan. The White House. December 28, 2014. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2014/12/28/statement-president-end-combat-mission-afghanistan> (дата обращения: 23.12.2015).

- (26) Statement of General John F. Campbell, USA Commander U.S. Forces – Afghanistan before the Senate Armed Services Committee on the Situation in Afghanistan. 12 February 2015. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.armed-services.senate.gov/imo/media/doc/Campbell_02-12-15.pdf (дата обращения: 23.12.2015).
- (27) The Secretary General's Annual Report 2012. North Atlantic Treaty Organization. January 2013. 21 p. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.nato.int/nato_static/assets/pdf/stock_publications/20130131_Annual_Report_2012_en.pdf (дата обращения: 23.12.2015).
- (28) The Secretary General's Annual Report 2013. North Atlantic Treaty Organization. January 2014. 28 p. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/stock_publications/20140123_SG_AnnualReport_2013_en.pdf (дата обращения: 23.12.2015).
- (29) The Secretary General's Annual Report 2014. North Atlantic Treaty Organization. January 2015. 24 p. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/pdf_2015_01/20150130_SG_AnnualReport_2014_en.pdf (дата обращения: 23.12.2015).
- (30) Wales Summit Declaration on Afghanistan Issued by Heads of State and Government of Allies and Their International Security Assistance Force (ISAF) Troop Contributing Partners. 4 September 2014. North Atlantic Treaty Organization. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.nato.int/cps/en/natohq/news_112517.htm (дата обращения: 23.12.2015).
- (31) Warsaw Summit Declaration on Afghanistan Issued by the Heads of State and Government of Afghanistan and Allies and their Resolute Support Operational Partners. 9 July 2016. North

Atlantic Treaty Organization. [Электронный ресурс]. Режим доступа:
http://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_133171.htm
(дата обращения: 08.08.2016).

Научная литература

- [1] Шапиро Н.И. ОДКБ и афганская наркоугроза: новые аспекты // Россия и новые государства Евразии. 2015. № 2 (27). С. 42-58.
- [2] Карпачева О.В. История движения «Талибан» в системе международных отношений // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2003. № 1. С. 93-102.
- [3] Набиев Р.А., Шакиров И.Я. Ареалы активизации исламских фундаменталистских течений в постсоветских среднеазиатских государствах // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2015. № 3. С.83-90.
- [4] Шапиро Н. Неоконченная война Б. Обамы // Мировая экономика и международные отношения. 2017. Т. 61, № 2. С. 13-22. DOI: 10.20542/0131-2227-2017-61-2-13-22.
- [5] Трунов Ф.О. Всеобъемлющий подход к постконфликтному восстановлению: опыт ФРГ в Афганистане // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2016. № 3. С.437-450.

ОСОБЕННОСТИ ИМПЛЕМЕНТАЦИИ АФГАНИСТАНОМ ПРАВОВЫХ АКТОВ В СФЕРЕ БОРЬБЫ С ТЕРРОРИЗМОМ И ЗАЩИТОЙ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Шах Махмуд*

Проблема формального международно-правового и политического статуса Афганистана. Афганистан уже к началу 1990-х годов являлся участником многих международно-правовых актов по правам человека, которые были подписаны разными правительствами. Среди них была Конвенция против рабства, подписанная Афганистаном в 1935 году, пакет документов, включающих такие основополагающие документы, как Международная конвенция экономических, социальных и культурных прав, а также Международная конвенция гражданских и политических прав, подписанные в 1983 году.

Политические события 1990-х годов, крушение Демократической Республики Афганистан, утверждение правительства моджахедов, учредивших Исламское Государство Афганистан (ИГА) (запрещена в России), а потом вооруженный захват власти талибами, также учредившими свое государство, создал сложную правовую ситуацию. В 1998-2001 годах в Афганистане существовало двоевластие, когда на большей части страны управляло правительство Исламского Эмирата Афганистан, созданного движением «Талибан» [1], а на территории Бадахшана управляло правительство Исламского Государства Афганистан, возглавляемое Б. Раббани. Правительство ИГА было признано на международном уровне, тогда как правительство ИЭА

* **Шах Махмуд**- доцент МГИМО МИД России, консультант Россотрудничества МИД России, кандидат политических наук, член Российской ассоциации политической науки (РАПН)

получило признание лишь нескольких стран. Трудно было определить, несет ли то или иное правительство в Афганистане обязательства по выполнению подписанных международно-правовых актов. Смена власти осуществлялась вооруженным путем без установления юридической правопреемственности.

В 2002 году, после свержения правительства «Талибана» в ходе операции «Несокрушимая свобода», была учреждена чрезвычайной Лойя Джиргой на основании Боннских соглашений, одобренных Советом Безопасности ООН, Переходная администрация под руководством Х. Карзая, ставшая новым правительством Афганистана. Впоследствии, с принятием новой Конституции Исламской Республики Афганистан 2004 года и выборами президента Афганистана, было учреждено постоянное правительство, и начался процесс развития структуры органов государственной власти и оформления национального законодательства.

В свете подобной ситуации, подписание предыдущими правительствами Афганистана каких-либо конвенций и соглашений по правам человека не является юридически обязательным для нынешнего правительства ИРА. Признание участия Афганистана в этих соглашениях является вопросом доброй воли и какого-либо дополнительного подтверждения, в виде ратификации ранее подписанных соглашений парламентом.

Возникшая проблема была решена кардинально: Афганистан подтверждает все свои обязательства в отношении ранее подписанных международно-правовых актов. Это положение было принято в рамках Боннских соглашений, в преамбуле которых содержалось положение о том, что законы действуют в тех рамках, в которых они не противоречат тем международно-правовым актам, участником которых на тот момент являлся Афганистан [2-С.10]. В 2003 году Лойя Джирга Основного закона (2)

(представительный орган, принимавший Конституцию ИРА) ратифицировала ряд международно-правовых актов по правам человека, ранее подписанных другими правительствами Афганистана, а также присоединился к новым актам.

В дальнейшем вопрос о признании ранее подписанных соглашений было решен следующим образом. В пункте 5 преамбулы Конституции ИРА, принятой в 2004 году, содержится положение о том, что государство признает Устав ООН и Всеобщую Декларацию прав человека и обязуется соблюдать их положения. В пункте 1 статьи 7 Конституции ИРА дополнительно сказано: «Государство обязано соблюдать устав ООН, международные договоры и конвенции, подписанные Афганистаном, а также положения Всеобщей декларации прав человека». Таким образом, вопрос о юридической преемственности в подписании конвенций по правам человека предыдущими правительствами Афганистана решен на уровне национального конституционного права. Поскольку Конституция является основным законом прямого действия и обладает высшей юридической силой, то эти ее положения означают также акт ратификации всех подписанных Афганистаном конвенций по правам человека по состоянию на 2004 год. Раздел Конституции ИРА о правах граждан был составлен в соответствии с ключевыми конвенциями по правам человека [2-С. 26-27].

В этом отношении Афганистан отличается от других стран, которые присоединялись к международно-правовым актам по правам человека обычным порядком подписания и ратификации. Подписанным Афганистаном международным соглашениям придается очень высокий юридический статус, обеспечивающий прямое влияние международно-правовых актов на национальное законодательство.

Использование международного опыта в Афганистане. Афганистан при имплементации положений международно-правовых актов по правам человека широко использовал опыт ООН. Практический опыт реализации конвенций по правам человека довольно быстро привел к необходимости создания специальных комиссий, занимающихся наблюдением за положением в сфере прав человека и за выполнением отдельных конвенций в подписавших их странах. Первым органом такого рода была Комиссия по правам человека при Экономическом и социальном совете ООН (ЭКОСОС), учрежденная 10 декабря 1946 года в качестве функционального органа на основе Устава ООН. В 1967 году, в связи с требованиями ряда членов ООН и массовых нарушений прав человека при апартеиде в ЮАР, комиссия перешла к расследованию случаев нарушений прав человека и опубликованию отчетов об этих расследованиях. В некоторых случаях Комиссия создавала специализированные группы по регионам и отдельным видам нарушений прав человека, а также расследовала конкретные случаи с привлечением независимых экспертов. В рамках Комиссии работала Подкомиссия по поддержанию и защите прав человека, в составе которой работало семь групп по отдельным видам нарушений прав человека [3.- С. 8]. Впоследствии, в 2006 году Комиссия была преобразована в Совет по правам человека при Генеральной Ассамблее ООН.

Помимо этого, существуют комитеты по соблюдению отдельных конвенций. Так, с 1985 года действует Комитет по экономическим, социальным и культурным правам; с 1987 года действует Комитет против пыток с Подкомитетом по предотвращению пыток. Всего по данным ООН действует 11 подобных комитетов, чья деятельность охватывает только те страны, которые подписали соответствующие конвенции.

Опыт ООН подтвердил достаточно высокую эффективность работы подобных органов, в особенности в

условиях политических нестабильных стран, охваченных вооруженными конфликтами. По этой причине уже Переходная администрация Афганистана стала применять этот опыт в условиях своей страны.

В Конституции ИРА было указано, что государство должно создать также орган по соблюдению и защите прав человека: «Государство с целью исследования положения прав человека в Афганистане, а также для содействия в их продвижении и защиты, должно учредить афганскую независимую комиссию по правам человека» (статья 58, пункт 1 Конституции ИРА). Конституция ИРА в 2004 году узаконила Независимую комиссию Афганистана по правам человека, которая была создана в 2002 году известным политиком, общественным деятелем Симой Самар (ранее она основала благотворительную организацию «Шухада», а в 2001-2003 годах была министром по делам женщин в Переходном правительстве Афганистана), и ее полномочия тогда были подтверждены Переходной администрацией Афганистана [4.- С. 285]. В 2005 году избранный президент ИРА Х. Карзай подтвердил отдельным эдиктом полномочия этой комиссии, которая стала постоянным и независимым органом по правам человека. При этом, Статья 1 закона о Независимой комиссии по правам человека ссылается в качестве обоснования о создании комиссии по правам человека не только на статью 58 Конституции ИРА, но и на Резолюцию Генеральной Ассамблеи ООН 48/134 о национальных учреждениях, занимающихся поощрением и защитой прав человека. В этом факте наблюдается яркое проявление превращения рекомендательных международных норм по правам человека в обязательные правоустанавливающие документы в рамках международного права.

Аналогичный пример применения опыта ООН в Афганистане можно видеть на примере Закона о ликвидации насилия в отношении женщин, введенного в силу в августе

2009 года, который запретил и криминализовал 22 разновидности насилия в отношении женщин. Во-первых, этот закон был принят в рамках долгосрочного Национального плана действий в отношении женщин (NAWPA) на 2008-2018 годы. Во-вторых, для контроля за его осуществлением была создана Верховная комиссия по предотвращению насилия против женщин, для которой были созданы представительства в 22 провинциях [4.- С. 46].

Несмотря на то, что с момента принятия закона прошло около четырех лет, активно закон стал применяться только в 2010 году, Независимой комиссии по правам человека Афганистана и Верховной комиссии по предотвращению насилия против женщин, при поддержке других органов государственной власти, удалось добиться значительного прогресса в области защиты прав человека, в частности, в отношении прав женщин. Уже отмечается изменение мнения общественности на предмет прав женщин, и грубые нарушения в этой сфере теперь стали все чаще встречать осуждение и активное противодействие со стороны полиции.

Заключение. Опыт Исламской Республики Афганистан в решении непростой проблемы юридической правопреемственности в отношении международно-правовых актов по правам человека, показывает, что нарушение юридической правопреемственности вовсе не является существенной проблемой. Новое правительство, при наличии доброй воли и при согласии с положениями международных конвенций по правам человека, может принять акт признания всех ранее взятых на себя обязательств.

Пример Афганистана, закрепившего обязательства по соблюдению подписанных международных договоров в Конституции, представляется весьма ценным. Конституции оказывают большое влияние на правовую систему государств, имеются случаи восстановления ранее действующих конституций (например, в Латвии ныне действует

Конституция 1922 года с некоторыми внесенными в нее поправками), а также разработки нового Основного закона на основе предшествующего, как это происходило в Афганистане. Закрепление этих обязательств в конституционном праве является, пожалуй, наиболее серьезной юридической гарантией прав человека в Афганистане. С другой стороны, эти конституционные гарантии прав человека, сопровождающиеся ссылками на базовые декларации по правам человека, в свою очередь, укрепляют само международное право прав человека, придавая ему обязательный характер [5].

Многие государства, присоединяющиеся к международно-правовым актам по правам человека, испытывают трудности в имплементации их положений и создании системы исполнительных и надзорных органов. Афганистан пошел по пути широкого использования опыта ООН, перенес, по сути, опыт деятельности международных комитетов по отдельным конвенциям, на национальную почву. Первоначальные итоги показывают высокую эффективность такого подхода. Независимым комитетам и комиссиям, имеющим законодательно закрепленные права и полномочия, достаточно быстро удается достигнуть значительных успехов в своей работе и показать первые результаты.

Опыт Афганистана в восстановлении юридической преемственности и создании системы органов, наблюдающих за правами человека, можно рекомендовать для любой страны, находящейся в подобном положении. Таким образом, опыт Афганистана имеет международное значение, его многонациональные особенности имплементации Афганистаном политических актов в борьбе с терроризмом, права человека и гражданина в контексте новых региональных вызовов и угроз актуален сегодня всем.

Примечание

(1) Промежуточный доклад Специального докладчика Комиссии по правам человека о положении в области прав человека в Афганистане. // Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 57/309 от 13 августа 2002 г. لملأ بشر حقوق كميسیون نامه فيصله افغانستان امور متحد

(2) Искандаров К. Парламент Афганистана: прошлое и настоящее. // Afghanistan.ru. - 2007 - 20 сентября. (3) Harmful Traditional Practices and Implementation of the Law on Elimination of Violence against Women in Afghanistan. - Kabul-Geneva: UNAMA, OHCHR, December 2010

Научная литература

[1] Карпачева О.В. История движения «Талибан» в системе международных отношений // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2003. № 1. С. 93-102.

[2] Сикоев Р. Основной закон 2004 года в контексте афганского конституционализма. // Азия и Африка сегодня.- 2004. - N 6.

[3] *De Zayas A., Moller J. Th.* The United Nations Human Rights Committee Case Law 1977-2008: A Handbook. - Kehl am Rhein: N.P.Engel Publishers, 2009

[4] Самсор Наджибула Хафизула Афганская модель»: возвращение к международным правам человека// Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2014, № 4.

[5] Сабери Асгар. Ислам и права человека // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2008. № 3. С. 25-32

КАРТИРОВАНИЕ ЛАНДШАФТОВ АФГАНИСТАНА

Шашков И. В.*

Труднодоступность территорий и многолетняя война оставляют природу и вообще физическую географию Афганистана до сих пор малоизученной. Как тематические, так и комплексные знания об афганском пространстве весьма скудны. И хотя история изучения ландшафтов Афганистана насчитывает уже несколько веков [5, 6, 7, 8], до настоящего времени существует довольно ограниченное число завершенных и по-настоящему комплексных ландшафтных исследований.

Наибольшее количество полевых исследований Афганистана было проведено в период с 1919 г., когда страна приобрела свою независимость, и до Апрельской революции 1978 г. В этот период страну посещает множество отечественных и иностранных исследователей, и выходит большое количество трудов, посвященных географии, этнографии и экономике страны – их библиография достаточно полно (до 1950-х гг.) описана в книге А. А. Поляка «Физическая география Афганистана» [4]. Первым капитальным научным трудом, рассматривающим в числе прочего и ландшафтную структуру всего современного Афганистана, без сомнения, следует считать «Земледельческий Афганистан» Н. Н. Вавилова и Д. Д. Букинича [1]. Данная книга, написанная по результатам экспедиций авторов в 1924 и 1926-1927 гг. и по сей день остается, вероятно, наиболее полным и подробным трудом в области природы и сельского хозяйства Афганистана. И до, и после этих экспедиций сложно назвать какой-либо труд

* **Шашков Иван Владимирович** - аспирант Географического ф-та МГУ им. Ломоносова.

сопоставимый с этими произведениями по территориальному охвату и подробности полевых исследований.

В результате данных экспедиций Вавиловым и Букиничем было выделено 9 ландшафтов:

- Выхолмленные степи предгорий северного Афганистана;

- Долина Герата;
- Южные пустыни Афганистана;
- Кандагарский оазис;
- Горные долины (от 1400 до 2600 м);
- Джелалабадская низменность;
- Высокогорный ландшафт (выше 2600 м);
- Ландшафт Кафиристана (лесная зона);
- Заросли арчи и фисташки.

Вероятно, данная ландшафтная часть отчета является систематизирующей и результирующей для подробных покомпонентных описаний природы страны, что косвенно подтверждает и отсутствие ландшафтной карты (при том, что составлен ряд тематических карт). Данная работа в большей степени носила агрономический, а не на географический научный характер. И наименования, и описания ландшафтов далеки от принятых академических стандартов. Общий принцип выделения ландшафтов тоже не совсем понятен – как видно из вышеописанного перечня, ведущими признаками выступают то геоморфологический, то геоботанический фактор, то используется смешанный подход. При именовании ландшафтов используются и типологический, и индивидуальный подходы (впрочем, на момент тогдашнего развития ландшафтной концепции это разделение еще не носило выраженного характера). Описания включают в себя только данные о геоботанике, землепользовании (и вообще природопользовании), сельскохозяйственной деятельности и в некоторых случаях – этнографии. Их можно было бы считать описанием агроландшафтов, однако в большинстве

случаев не раскрывается информация об обрабатываемых почвах. Но, несмотря на все эти нюансы, описание ландшафтной структуры Афганистана Вавиловым и Букиничем может служить хорошей отправной точкой для комплексных исследований, как изучение динамики изменений окружающей среды, трансформации землепользования и изменений климата.

Следующим важным трудом по географии Афганистана, без сомнения, является книга А. А. Поляка «Физическая география Афганистана» [4], составленная в качестве учебного пособия по одноименному курсу лекций для студентов Московского института востоковедения (ныне закрытого). В этом пособии приводится, вероятно, первая ландшафтная карта Афганистана (рис. 1).

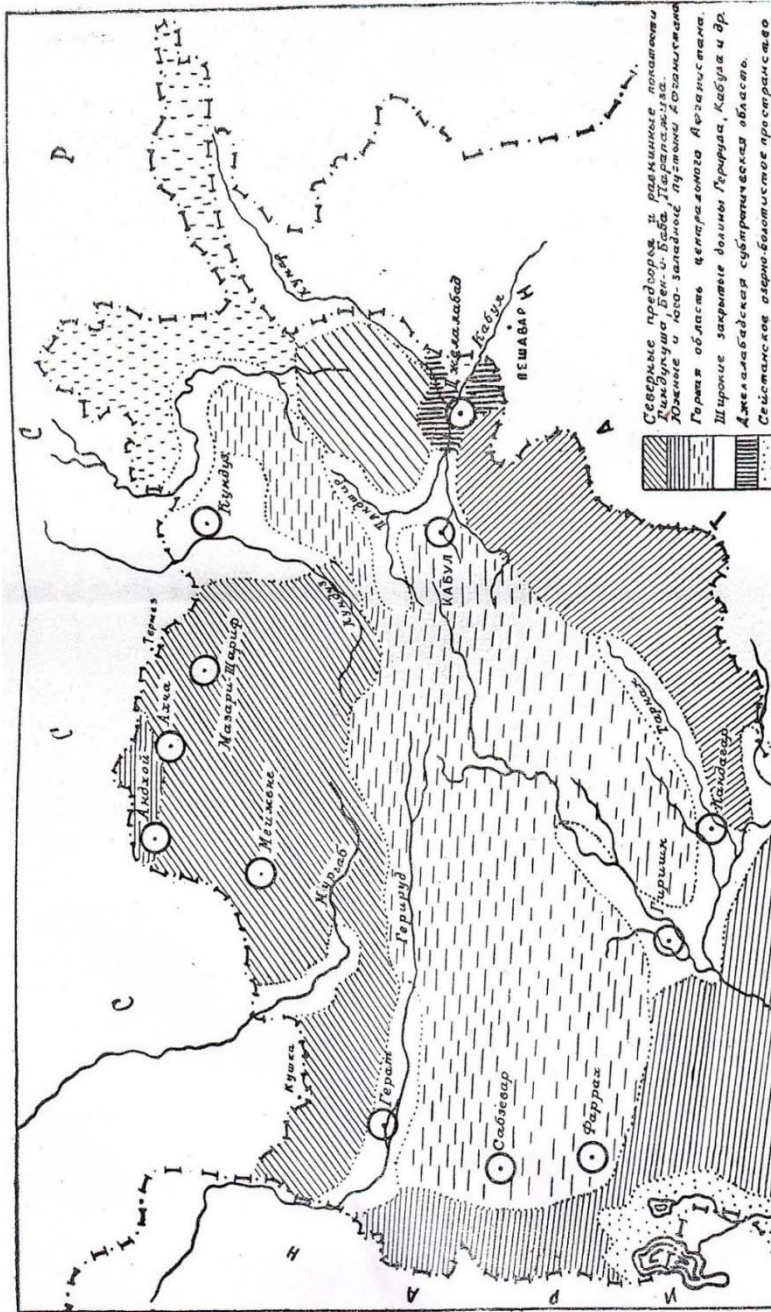

Рис. 1. Карта ландшафтов Афганистана А. А. Поляка [4]

Тот факт, что данный труд был задуман как учебный материал, нашел отражение во многих чертах, как положительных, так и отрицательных. К положительным стоит отнести, безусловно, четкую структурированность книги на всех уровнях изложения информации – начиная от глав и заканчивая самым текстом, и хорошую обеспеченность наглядным иллюстративным материалом – фотографиями и преимущественно схематичными картами. Но серьезной отрицательной стороной является то, что автор очень ограниченно распространяется о собственных полевых изысканиях в Афганистане, вероятно, чтобы не перегружать материал излишними подробностями. Вследствие этого, достаточно сложным представляется реконструкция маршрутов и охвата (как территориального, так и временного) его экспедиций. Не всегда в тексте можно даже провести разделение (в том числе и временное, что крайне важно при изучении, скажем, трансформации геоэкологических условий страны) между данными источников и собственными наблюдениями автора. В целом стоит отметить близость взглядов и подходов при раскрытии данной темы А. А. Поляком и Н. И. Вавиловым. Также как и в труде вышеописанного автора, А. А. Поляк не проводит различий между индивидуальным и типологическим подходами, а в случае одного ландшафта – между природными и культурными ландшафтами.

Число выделенных единиц почти такое же, как и у Н. Н. Вавилова, однако в рассматриваемом случае вводится дополнительная категория интразональных ландшафтов – оазисы:

- Северные предгорья и равнинные покатости горных систем Гиндукуша, Бен-и-Баба, Парапамиза;
- Южные и юго-западные пустыни Афганистана;
- Горная область Центрального Афганистана;
- Широкие закрытые долины Герируда и Кабула;

- Джелалабадская субтропическая область;
- Сейстанское озерно-болотистое пространство;
- Горнолесная страна Нуристан;
- Припамирский высокогорный район;
- Лесостепной горный и предгорный районы расселения афганских племен (Хост, Бирмал, Матун);
- Оазисы.

Описание от ландшафта к ландшафту выдерживает строгую последовательность (хотя данные части и различаются в объеме) – рельеф и очень кратко (и при наличии территорий-аналогов) геологическое строение, гидрографические особенности и орошение, подробно описывается климат (даже с некоторыми климатическими таблицами), кратко – почвы, растительность, иногда природопользование и вообще антропогенная деятельность (чаще всего сельское хозяйство и транспорт).

Следующий важнейший этап в истории познания афганского пространства наступил в 1985 году. В этот год увидел свет первый в истории Афганистана Национальный атлас (6). Инициатором данного масштабного проекта стала Программа развития Организации объединенных наций (ПРООН), а непосредственно претворять этот план в жизнь стали подразделение GEOKART Главного управления геодезии и картографии Польши (ныне преобразована в GEOKART International Consulting Engineers Ltd., (3)) и Афганское главное управление геодезии и картографии. В 1977 году была разработана общая концепция атласа, и афганская сторона начала вести сбор картографических и статистических данных для последующей передачи их специалистам GEOKART. Впрочем, польские картографы использовали не только первичные массивы информации, но и получали от афганцев некоторые готовые карты – всего около 12 штук. Непосредственно «сбор» атласа в Польше начался лишь в 1983 г., и завершился через год. В итоге атлас

включил в себя 63 карты, охватывающие физическую географию, экономику, социальную сферу и культуру страны.

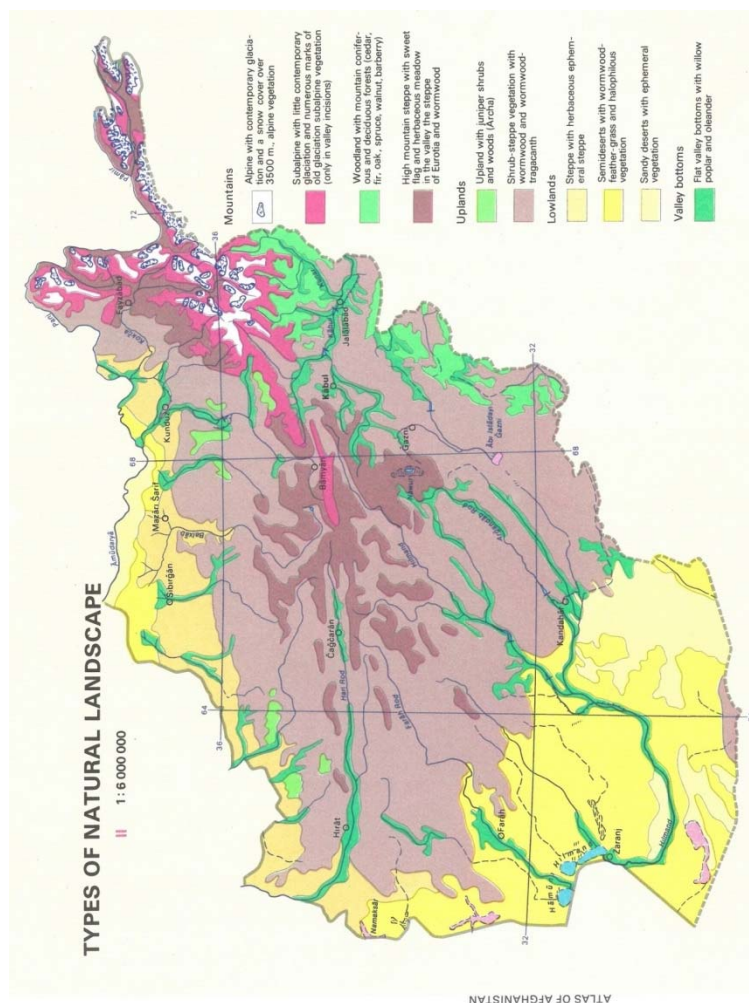

Рис. 2. Карта типов ландшафтов Афганистана из Национального атласа 1985 г. (6)

Опубликованная в данном атласе карта типов ландшафтов построена уже по канонам московской ландшафтной школы. Стоит отметить, что авторы указали и

категорию иерархических единиц, выбранных для картирования (тип ландшафта). Количество ландшафтных выделов в легенде примерно то же, что и у Вавилова, и у Поляка – 10, однако в данном случае они имеют строгую иерархию, базирующуюся на геоморфологических высотных рубежах (хотя и упрощенную), а интразональные комплексы (долины) вынесены в отдельную категорию:

Горные ландшафты:

- Альпийские с современным оледенением и снеговым покрытием выше 3500 м., с альпийской растительностью;

- Субальпийские с незначительным современным оледенением и многочисленными следами древнего оледенения, с субальпийской растительностью (исключительно в долинах);

- Горные хвойные и лиственные лесные (с участием кедра, пихты, дуба, ели, грецкого ореха, барбариса);

- Высокогорные степные с айром и травянистые луговые в долинах с участием терескена и полыни.

Ландшафты возвышенностей:

- Возвышенные с можжевельниковыми кустарниковыми зарослями и арчевым редколесьем;

- Закустаренных степей с полынными и полынно-трагакантовыми сообществами.

Ландшафты низменностей:

- Степные с травянистой эфемерной растительностью;

- Полупустынные с полынно-ковыльными и галофитными сообществами;

- Песчаные пустыни с эфемерной растительностью.

Долинные ландшафты:

- Плоских днищ долин с ивой, тополем и олеандром.

Стоит отметить также и то, что авторы данной карты не стали выделять оазисы, как ландшафты неприродного происхождения.

В конце 2014 года, в рамках сотрудничества Германии и Афганистана, вышел второй Национальный атлас (5). Основным реализатором данного проекта стала кафедра Географии Гисенского университета имени Ю. Либиха, под руководством профессора А. Дитмана. С афганской стороны, как и в случае с первым атласом, первоочередное содействие оказывало Афганское главное управление геодезии и картографии. В работе над данным проектом в разной степени участвовали также и Немецкое посольство, Немецкая служба академического обмена и кафедра Географии Кабульского университета. Данный атлас во многом схож со своим предшественником – структурой, количеством и группировкой карт, методами сотрудничества исполнителей из двух стран. Однако в данном проекте роль афганской стороны, по-видимому, была ниже, и заключалась преимущественно в сборе первичной информации. Стоит отметить, что наряду с 19 указанными авторами, активное участие в работе принимали студенты данных вузов. Важным отличием издания является большее количество материала некартографического плана – таблиц и графиков, причем количество последних возросло в несколько раз. Активно использовались материалы дистанционного зондирования, и как источник информации, и как средство изложения. В качестве фона территории страны в ряде тематических карт (в том числе и социально-экономических) используются спутниковые снимки, что способствует улучшению понимания связей в природно-антропогенных системах. При описании ландшафтов основной вектор направлен в сторону характеристики землепользования (что исторически характерно для большинства европейских ландшафтных школ), т.е. описания природно-антропогенных ландшафтов. При всем этом стоит отметить, что данный атлас не лишен некоторых недостатков, в том числе технических ошибок – например, искаженной проекции ряда карт, и его общий

уровень оценивается несколько ниже первого Национального атласа 1985 г.

Почти одновременно со вторым Национальным атласом, нами была создана карта родов природных ландшафтов Афганистана. Выбранная таксономическая единица стоит на 2 порядка ниже типа ландшафтов [2, 3], благодаря чему предлагаемая карта является более подробной, по сравнению с ландшафтной картой первого Национального атласа. На данной карте отображены 17 ландшафтных выделов ранга «род ландшафтов», разделенных на 3 неравные категории по геоморфологическим признакам. Первая категория представляет собой высокогорные роды ландшафтов (в нее вошло 6 единиц), вторая – среднегорные (3 единицы), и третья – роды ландшафтов низкогорий и равнин (8 единиц). В связи с выбранным масштабом картирования, мы приняли решение не выделять интразональные комплексы атласа (6), литературные и интернет-источники [1, 4], (1, 9) и спутниковые снимки высокого разрешения космических аппаратов серий Landsat (8) и Spot (2). Сам процесс создания карты осуществлялся на геоинформационном обеспечении QGIS (7) и Google Earth Pro (4). При работе за основу были взяты 2 имеющиеся ландшафтные карты, чьи границы сначала были уточнены и в большинстве случаев исправлены по данным снимков, а затем, руководствуясь информацией тематических карт и современных снимков, были проложены новые ландшафтные границы в соответствии с методиками московской ландшафтной школы.

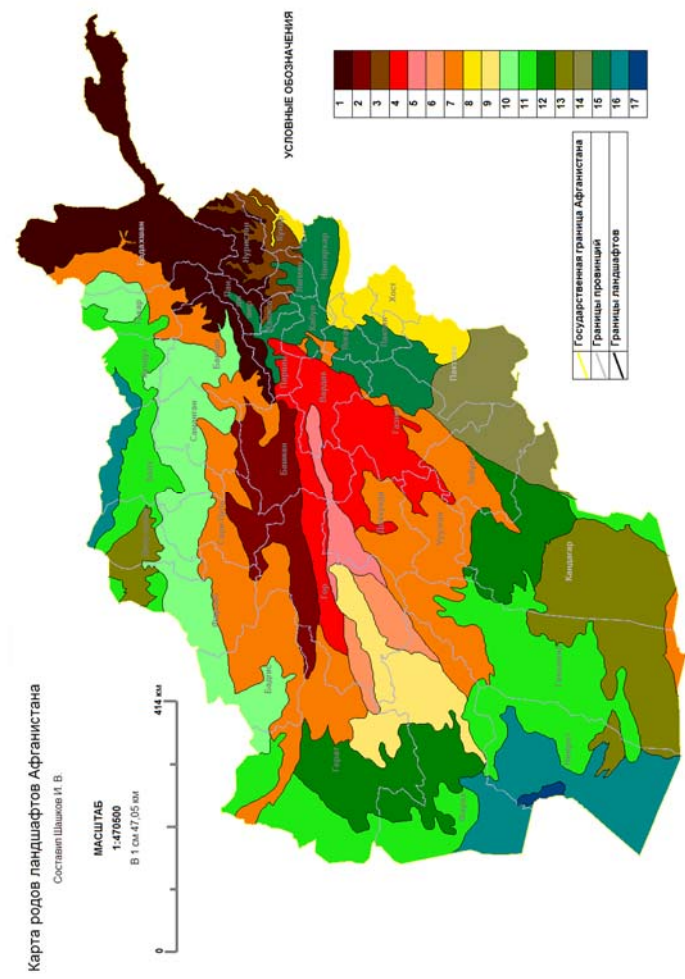

Рис. 3. Карта родов природных ландшафтов Афганистана (Составил Шашков И. В.)

Исходных материалами послужили вышеописанные ландшафтные карты [4], (6), тематические физико-географические карты первого Национального атласа (6), литературные и интернет-источники [1, 4], (1, 9) и спутниковые снимки высокого разрешения космических аппаратов серий Landsat (8) и Spot (2). Сам процесс создания карты осуществлялся на геоинформационном обеспечении QGIS (7) и Google Earth Pro (4). При работе за основу были взяты 2 имеющиеся ландшафтные карты, чьи границы сначала были уточнены и в большинстве случаев исправлены по данным снимков, а затем, руководствуясь информацией тематических карт и современных снимков, были проложены новые ландшафтные границы в соответствии с методиками московской ландшафтной школы.

Легенда к карте родов природных ландшафтов Афганистана
Высокогорные ландшафты. 1. Эрозионное гляциальное высокогорье с многочисленными ледниками, сложенное древними породами архея и протерозоя (гнейсы, мигматиты, кварциты и др.), а также вулканическими породами различного состава и магматическими породами различного возраста, с преобладанием на вне покрытых ледниками поверхностях альпийской смешанной травянистой и субальпийской кустарниковой растительности на малоразвитых горно-луговых и горно-тундровых почвах.
2. Эрозионное высокогорье, осложненное межгорными котловинами, сложенное палеогеновыми породами (известняки, мергели, алевролиты), местами магматическими породами различного возраста, с преобладанием в верхнем поясе смешанных лугов и травянистых степей с астрагалом, сменяющихся ниже зарослями можжевельника либо кустарниково-степной растительностью с участием полыни, с соответствующей сменой горно-луговых почв горно-степным почвами.

3. Эрозионное высокогорье без следов современного оледенения, сложенное древними породами архея и протерозоя (гнейсы, мигматиты, кварциты и др.), а также вулканическими и магматическими породы различного возраста и состава, с отчетливо выраженной поясностью в почвенно-растительном покрове со сменой можжевельникового редколесья и кустарников на горно-степных почвах вечнозелеными дубовыми лесами с участием барбариса, ореха, фисташки и персика на горно-лесных бурых почвах.

4. Эрозионное высокогорье, сложенное породами архея и протерозоя (гнейсы, мигматиты, кварциты и др.), с участием магматических пород различного возраста, с относительно выраженной поясностью в почвенно-растительном покрове, при которой высокогорные смешанные луга и травянистые степи с астрагалом на горных лугово-степных почвах почвы сменяются кустарниково-степной растительностью с участием полыни и астрагалом на горно-степных и горных типичных сероземах.

5. Эрозионное высокогорье, сложенное исключительно породами мелового возраста (песчаники, конгломераты, алевролиты, мергели, известняки, гипс, вулканические породы), с относительно выраженной поясностью почвенно-растительного покрова, при которой верхний пояс образуют высокогорные смешанные луга и травянистые степи с астрагалом на горно-луговых почвах, а нижний – кустарниково-степная растительность с участием полыни и астрагала на горно-степных почвах.

6. Эрозионное и денудационно-эрозионное высокогорье с преобладанием куэстового рельефа, осложненное межгорными котловинами, сложенное породами мелового возраста (песчаники, конгломераты, алевролиты, мергели, известняки, гипс, вулканические породы), с относительно выраженной поясностью почвенно-растительного покрова со

сменой высокогорных смешанных лугов и травянистых степей с астрагалом на лугово-степных почвах кустарниково-степной растительностью с участием полыни и астрагала на горно-степных почвах, которые в свою очередь сменяются полынными и полынно-трагакантовыми эфемерными степями на пустынно-степных почвах.

Среднегорные ландшафты. 7. Денудационно-эрозионное среднегорье, осложненное межгорными котловинами, и местами – голоценовыми речными долинами, сложенное разнообразными породами архея и протерозоя (гнейсы, мигматиты, кварциты и др.), магматическими породами различного возраста, а также породами карбонового возраста (нефриты, глинистые сланцы, известняки, конгломераты, песчаники), с относительно выраженной высотной поясностью почвенного-растительного покрова со сменой кустарниково-степных сообществ с участием полыни и астрагала на горно-степных почвах смешанными травянисто-полынные эфемерными степями с пятнами кустарниковой растительности, а также полынными и полынно-трагакантовыми эфемерными степями на горных типичных сероземах.

8. Эрозионное и денудационно-эрозионное среднегорье, осложненное голоценовыми речными долинами и межгорными котловинами, сложенное разнообразными породами палеогенового возраста (песчаники, алевролиты, конгломераты), на востоке породами юры и триасса (песчаники, алевролиты, мергели, конгломераты, вулканические породы, известняки, доломиты, глинистые сланцы), а также вулканическими и магматическими породами различного состава и возраста, среди растительных формаций преобладают вечнозеленые дубовые редколесья с участием барбариса, ореха, фисташки и персика и хвойные редколесья с участием сосны, кедра, ели, пихты, тиса и дуба на горно-лесных бурых почвах.

9. Денудационно-эрозионное среднегорье с преобладанием куэстового рельефа, осложненное межгорными котловинами, сложенное преимущественно породами мелового возраста (песчаники, конгломераты, алевролиты, мергели, известняки, гипс, вулканические породы), в центральной и восточных частях – породами юры (мергели, известняки, алевролиты, песчаники, конгломераты, соли, уголь, вулканические породы), на западе также – кайнозойскими вулканическими породами различного состава, с выраженной высотной поясностью почвенного-растительного покрова, со сменой кустарниково-степных сообществ с участием полыни и астрагала на горно-степных почвах, полынными и полынно-трагакантовыми эфемерными степями на горных типичных сероземах.

Низкогорные и равнинные ландшафты. 10. Останцовое низкогорье, осложненное голоценовыми речными долинами, сложенное породами начала палеогена (известняки, мергели, алевролиты), неогеновых галек, конгломератов, песчаников, алевролитов, глин, мергелей, солей и гипса и начала четвертичного периода (конгломераты, галька, песок, лесс, суглинки, травертин, соли), покрытое можжевельниковыми кустарниковыми зарослями на горных темных сероземах, а на востоке – смешанными травянисто-полынными эфемерными степями с пятнами кустарниковой растительности на типичных сероземах (на лессах).

11. Аккумулятивно-делювиальные лессовые равнины, сложенные породами начала четвертичного периода (конгломераты, галька, песок, лесс, суглинки, травертин, соли) и неогена (галька, конгломераты, песчаники, алевролиты, глины, мергели, соли, гипс), под осоково-мятликовыми эфемерными полупустынями с пятнами галофильной растительности и полынными и полынно-трагакантовыми эфемерными степями на сероземах почвах.

12. Денудационно-эрозионное останцовое предгорье, осложненное древне-плейстоценовыми аллювиальными формами, сложенное породами неогена (галька, конгломераты, песчаники, алевролиты, глины, мергели, соли, гипс), начала перми (феллиты, песчаники, алевролиты, кварциты, конгломераты), мела (песчаники, конгломераты, алевролиты, мергели, известняки, гипс, вулканические породы), юры и триасса (песчаники, алевролиты, мергели, конгломераты, вулканические породы, известняки, доломиты, глинистые сланцы), под полынными и полынно-трагакантовыми эфемерными степями на горных легких сероземах.

13. Песчаные пустыни, сложенные породами четвертичного периода (конгломераты, галька, песок, лесс) под разреженными кустарничковыми эфемерами на малоразвитых почвах.

14. Денудационно-эрозионное низкогорье с преобладанием куэстового рельефа, сложенное преимущественно породами палеогена (песчаники, алевролиты, конгломераты), и реже неогена (галька, конгломераты, песчаники, алевролиты, глины, мергели, соли, гипс), под полынными и полынно-трагакантовыми эфемерными степями на горных типичных сероземах.

15. Аккумулятивная предгорная волнистая равнина, сложенная различными породами, в т.ч. начала четвертичного периода (конгломераты, галька, песок, лесс, суглинки, травертин, соли), неогена (галька, конгломераты, песчаники, алевролиты, глины, мергели, соли, гипс), и архея и протерозоя (гнейсы, мигматиты, кварциты, гранулиты, эклогиты, хрустали, кристаллические сланцы, мраморы, амфиболиты), покрытая закустаренными степями с участием полыни и астрагала, полынными и полынно-трагакантовыми эфемерными степями преимущественно на горных типичных и темных сероземах.

16. Аллювиальные равнины, осложненные голоценовыми речные долинами, сложенные породами начала четвертичного периода (конгломераты, галька, песок, лесс, суглинки, травертин, соли) и начала палеогена (известняки, мергели, алевролиты), покрытые полынно-солянковыми, тамарисковыми и камышовыми галофильными сообществами на солончаках, легких сероземах, коричневых почвах и такырах.

17. Аллювиальная равнина, сложенная породами начала четвертичного периода (конгломераты, галька, песок, лесс, суглинки, травертин, соли) и начала палеогена (известняки, мергели, алевролиты) с солянковыми береговыми сообществами на солончаках и сероземах.

Примечания

- (1). Afghanistan Information Management Services (Режим доступа www.aims.org.af).
- (2). Airbus Defence and Space (Режим доступа www.intelligence-airbusds.com).
- (3). GEOKART International Consulting Engineers Ltd. (Режим доступа www.geokart.eu/index.htm).
- (4). Google Earth Pro (Режим доступа www.google.com/intl/ru/earth).
- (5). National Atlas of Afghanistan. Ed. A. Dittmann. – Bonn: Scientia Bonnensis, 2014.
- (6). National Atlas of the Democratic Republic of Afghanistan. – Warsaw: Organization for Surveying & Cartography GEOKART, 1985.
- (7). QGIS Project (Режим доступа www.qgis.org).
- (8). The Landsat program (Режим доступа www.landsat.gsfc.nasa.gov).

(9). The University of Texas at Austin, Perry-Castañeda Library Map Collection (Режим доступа www.lib.utexas.edu/maps/afghanistan.html).

Научная литература

- [1]. Вавилов Н. И. Земледельческий Афганистан. Избранные труды. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1959.
- [2]. Дронин Н. М. Эволюция ландшафтной концепции в русской и советской физической географии (1900-е-1950-е годы). – М.: ГЕОС, 1999.
- [3]. Николаев В.А. Классификация и мелкомасштабное картографирование ландшафтов. –М.: Изд-во Московского ун-та, 1978.
- [4]. Поляк А. А. Физическая география Афганистана. – М.: Изд-во МИВ, 1953.
- [5]. Elphinstone M. An account of the Kingdom of Caubul and its dependencies in Persia, Tartary, and India. – London, 1815.
- [6]. Ferrier J. P. Caravan journeys and wanderings in Persia, Afghanistan, Turkestan. – London, 1857.
- [7]. Griffith W. Journals of travels in Assam, Burma, Bootan, Afghanistan and the neighbouring countries. – Calcutta, 1847.
- [8]. Markhem C. R. An Afghany geography. – The Geographical Magazine №5, 1876

ТРАНСГРАНИЧНЫЙ ТЕРРОРИЗМ КАК УГРОЗА БЕЗОПАСНОСТИ (ЮЖНАЯ АЗИЯ - АФГАНИСТАН - ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ)

Яковлев А.Ю. *

Современный все более и более глобализирующийся мир стирает границы не только для движения товаров, туристических потоков, но и для переброски боевиков, оружия, наркотиков. Современные террористические организации по масштабам своей деятельности редко когда ограничиваются государством. Проблемными в данном отношении областями выступают территория Афганистана, страны Южной и отчасти Центральной Азии.

Ярким доказательством чего служат следующие данные. По оценкам СМИ, сделанным еще более 10-ти лет назад, из 10 стран мира, наиболее пострадавших от терроризма в 1994-2004 гг., 3 относятся к южно-азиатскому региону (Индия, Пакистан и Шри-Ланка), заняв 3-е, 8-е и 10-е места соответственно [1]. Только за 12-летний отрезок времени с 2005 по 2015 гг. в Южной Азии терроризм унес более 120 тыс. жизней .(1)

Подавляющее большинство жертв является результатом деятельности именно трансграничных террористических организаций. Нередко террористические структуры приобретали трансграничный характер благодаря помощи властей соседних государств. Примерами могут служить: помощь Китая индийским наксалитам, Бангладеш сепаратистам на северо-востоке Индии, Пакистана

* **Яковлев Александр Юрьевич**, доктор политических наук, зам. зав. кафедрой государственного и муниципального управления Государственного университета управления.

кашмирским боевикам, а также в различные исторические периоды террористам Афганистана. О трансграничном характере говорит и то, что террористические организации получают финансирование, оружие, технику, кадры и многое другое из большого количества стран, находящихся на различных континентах.

Терроризм не существует сам по себе, в большей или меньшей степени он связан с другими проблемами, выступающими питательной средой для терроризма. Среди них можно выделить: наркоторговлю; нелегальную миграцию и работорговлю; безработицу и низкий уровень жизни населения; перенаселенность; голод и распространение различных заболеваний.

Первой проблемой, с которой сталкиваются власти многих стран, выступает наркоиндустрия. В 1-е десятилетие XXI в. Афганистан, Пакистан и Индия в совокупности производили больше всех в мире конопли, обойдя по данному показателю Марокко. На Южную Азию приходится 9% общемирового производства марихуаны [2]. Выращивание этой культуры по сей день является одним из самых доходных занятий для террористических группировок. По всему региону наблюдается рост производства, транспортировки и потребления наркотиков и психотропных веществ. Низкий уровень жизни, безработица, политическая нестабильность, отсутствие перспектив толкают людей к употреблению наркотиков. Наиболее пагубная ситуация в крупных городах. Так, в частности, пакистано-афганская и индо-непальская границы выступают одними из главных региональных артерий наркотрафика.

Наряду с наркоторговлей в регионе процветает нелегальная миграция и работорговля. Причин перемещения населения в рамках региона множество: войны, вооруженные противостояния, этнические и религиозные конфликты, преследование со стороны властей и ущемление прав

граждан, экономическая нестабильность, перенаселенность, безработица, бедность, тяжелые климатические условия, нехватка воды и др.

Миграционные потоки часто обеспечивают в страну приток криминальных элементов, порой экстремистов и террористов. Даже, если незаконные мигранты изначально не были связаны с противоправной деятельностью, то, ввиду их нелегального пребывания в стране, они в скором времени становятся в большей или меньшей степени связанными с криминальным сообществом, обеспечивающим им защиту и покровительство. Например, по обе стороны границы продаются поддельные документы с помощью которых переселенцы пытаются пересечь границу и «легализовать» свое положение. Их стоимость некогда начиналась от 1-2 тыс. рупий (примерно 16-32 долл. США), сейчас же цена возросла до 5-10 тыс. рупий (в районе 80-160 долл. США) .(2)

Нелегальная миграция, помимо терроризма, часто связана с такими проблемами в области безопасности, как: коррупция, оборот наркотических и психотропных веществ, незаконный ввоз в страну различных товаров, контрабанда товаров в целях ухода от таможенных сборов, торговля оружием, людьми и т.д.

Что касается работорговли, то в XXI в. она по-прежнему существует и имеет различные формы. Это может быть: ввоз похищенных или обманом ввезенных в страну молодых женщин и продажа их в публичные дома; покупка дешевой рабочей силы в виде классических рабов для тяжелого физического труда или выполнения различных обслуживающих функций в домах обеспеченных граждан; покупка людей для пыток и убийства; выкуп семей, отдельных мужчин и женщин за долги и др.

Следующей проблемой, беспокоящей государства, выступает безработица и низкий уровень жизни значительной части населения. Доля бедных в общей массе населения в

южно-азиатском регионе выше, чем в таких развивающихся континентах, как Африка и Латинская Америка.

При просмотре азиатских государств в отдельности ситуация выглядит следующим образом.

Таблица 1.

Уровень безработицы и доля населения с доходом ниже черты бедности в некоторых странах Азии *

Страна	Уровень безработицы, %	Доля населения с доходом ниже черты бедности, %	Уровень грамотности населения, %
Афганистан	35	36	28,1
Южная Азия			
Бангладеш	5	9,3	47,9
Бутан	4	23,2	47
Индия	9,9	25	61
Мальдивы	28	16	96,3
Непал	46	24,7	48,6
Пакистан	5,6	24	49,9
Шри-Ланка	5,1	23	90,7
Центральная Азия			
Казахстан	5,3	12,1	99,5
Киргизия	8,6	40	98,7
Таджикистан	2,2	60	99,5
Туркменистан	60	30	98,8
Узбекистан	1	26	99,3
Для сравнения			
Россия	5,4	12,7	99,4

• Благосостояние населения мира: Справочные таблицы и диаграммы / Сост. Г.Б. Ерусалимский. СПб, 2013. - С. 55-58

Из таблицы видно, что в Афганистане имеется чрезвычайно высокий уровень безработицы (35%), при этом, еще 36% жителей, имея работу, относятся к нищему населению. Помимо Афганистана высокий уровень безработицы и доля населения с доходом ниже черты бедности в ряде стран Южной и Центральной Азии [3]. Во многом именно с безработицей и низким уровнем жизни связан рост террористической активности в регионе. У многих молодых людей порой нет иной возможности прокормить себя и свои семьи иначе, как вступить в ряды международного террористического сообщества. Ситуацию усугубляет низкий уровень грамотности, что значительно облегчает агитацию и вербовку малограмотных граждан в ряде террористических организаций.

Перенаселенность еще одна острая проблема, с которой сталкиваются власти. За последнее столетие население региона увеличилось в разы. Только население Индии с начала XX в. возросло более чем на 400%. В Афганистане ежегодный прирост населения составляет около 2,2%. Настоящая динамика ведет к ускоренному ресурсному истощению страны и усугубляет такие проблемы, как безработица, низкий уровень жизни населения, распространение различных болезней и др.

Таблица 2.

Демографическая характеристика некоторых стран Азии *

Страна	Численность населения, тыс. чел.	Плотность, тыс. чел. на 1 км ²	Годовой прирост, %
Афганистан	30 419,9	47	2,2
Южная Азия			
Бангладеш	161 083,8	1 118,6	1,58
Бутан	716	15,2	1,175

Индия	1 205 073,6	366,6	1,31
Мальдивы	394,4	1 323,5	-0,13
Непал	29 890,7	203,1	1,77
Пакистан	190 291,1	236,7	1,55
Шри-Ланка	21 481,3	327,4	0,91
Центральная Азия			
Казахстан	14 952,7	82,6	1,69
Киргизия	5 496,7	27,7	0,89
Таджикистан	7 768,4	54,3	1,82
Туркмениста н	5 054,8	10,4	1,14
Узбекистан	28 394,2	63,5	0,94
Для сравнения			
Россия	143 030,1	8,4	-0,17

- Благополучие населения мира: Справочные таблицы и диаграммы / Сост. Г.Б. Ерусалимский. СПб, 2013. - С. 29-37

Самая высокая плотность населения на Мальдивах и в Бангладеш, но ввиду отрицательной динамики роста жителей в островном государстве и их малочисленности, ситуация в данной сфере не такая критическая, как в бывшей Восточной Бенгалии. Нехватка пространства ощущается и в других азиатских государствах. Что касается ежегодного прироста числа граждан, то он практически везде крайне высок.

Помимо указанных проблем, страны Южной и Центральной Азии сталкиваются и с такими, как голод и нехватка чистой питьевой воды. Несмотря на определенные успехи в сельском хозяйстве и государственной политике в области продовольственной безопасности, люди по сей день ощущают дефицит в еде. Причин этому много, главная из которых дисбаланс в росте цен на базовые продукты и увеличении заработных плат. Голод усугубляет отсутствие доступа у значительной части населения к чистой воде.

Подземные воды также не отличаются хорошим качеством и чистотой. Нередко вода служит источником различных болезней и эпидемий.

Довольно пагубную ситуацию в здравоохранении наглядно характеризуют следующие данные.

Таблица 3.

Индикаторы в сфере здравоохранения в некоторых странах Азии *

Страна	Число смертей на 1000 чел.	Доля гос. расходов на здравоохран. в ВВП, %	Число врачей на 1000 чел.	Число больничных коек на 1000 чел.
Афганистан	14,59	7,6	0,21	0,4
Южная Азия				
Бангладеш	5,71	5,5	0,295	0,3
Бутан	6,99	5,2	0,023	1,8
Индия	7,43	4,1	0,599	0,9
Мальдивы	3,76	6,3	1,595	4,3
Непал	6,75	5,5	0,21	5,0
Пакистан	6,8	2,2	0,813	0,6
Шри-Ланка	5,96	3,0	0,492	3,1
Центральная Азия				
Казахстан	8,52	4,3	3,877	7,6
Киргизия	6,93	6,2	2,301	5,06
Таджикистан	6,49	6,0	2,013	5,2
Туркменистан	6,21	2,5	2,438	4,0
Узбекистан	5,29	5,3	2,617	4,6
Для сравнения				
Россия	16,03	5,1	5,12	9,42

Великобритания	9,33	9,6	2,739	3,3
США	8,39	17,9	2,672	3,0
Швейцария	8,8	11,5	4,07	5,2
Япония	9,15	9,5	2,063	13,7

- Благополучие населения мира: Справочные таблицы и диаграммы / Сост. Г.Б. Ерусалимский. СПб, 2013. - С. 61-64

В целях сопоставления данных, помимо азиатских стран, были взяты государства различных регионов. Так, в Великобритании значения приведенных индикаторов по различным параметрам от 1,5 до 10 раз выше. В свою очередь, в бюджете США доля расходов на здравоохранение от 3 до 7 раз значительнее. Во всех странах Южной Азии ощущается острый дефицит врачей. Ситуация с койко-местами в больницах довольно напряженная (самая острая в Афганистане), в особенности если сравнивать с Россией и Японией.

Недоступность услуг здравоохранения для значительной части жителей озлобляет население и настраивает его против властей, неспособных обеспечить исполнение нужд граждан. Наиболее отчаявшаяся и радикальная часть общества берется за оружие и пополняет ряды террористов.

В том, что в одиночку даже достаточно сильному государству не справиться со столь значительным спектром угроз, стало ясно достаточно давно. Для решения схожих задач создавались на всемирном уровне: Лига Наций, ООН, НАТО, ОДКБ, СААРК, ШОС и др., но на практике им не удалось решить задачи в сфере антитеррора [4].

Основными причинами этому послужили: изменение геополитической структуры мира; отсутствие консолидированных позиций у стран Азии по базовым аспектам обеспечения безопасности; внутрирегиональное

межгосударственное противостояние; дисбаланс в экономическом и военном потенциалах азиатских стран; наличие острых внутривнутриполитических проблем в ряде государств; динамичное развитие соседних с регионом стран; желание некоторых государств увеличить свой потенциал за счет внешних сил и их зависимость от них; отсутствие отлаженных механизмов для эффективной борьбы с существующими угрозами.

Усугубляется ситуация внутривнутриполитическими конфликтами. В Пакистане продолжается межэтническое и межсектантское насилие, особенно сложная обстановка в экономическом и финансовом центре страны г. Карачи. Представители разных течений ислама расстреливают друг друга на улицах, взрывают мечети, похищают людей и т.д. Венком хаоса выступает террористическая активность множественных радикальных организаций на значительной части территории южно-азиатской республики [5].

Еще одним фактором является экономическое усиление соседей. Не только Китая, экономика которого имеет всемирный масштаб, но Мьянмы, Южной Кореи и др.

Не содействует единству и желание некоторых стран увеличить свой потенциал за счет внешних сил и их зависимость от них. Так, Пакистан в целом (за исключением некоторых исторических этапов своей эволюции) придерживается стратегии сотрудничества с международным военным блоком в лице НАТО. В какой-то момент Пакистан даже был «любимым» внекоалиционным союзником США в борьбе с международным терроризмом в Афганистане.

В заключении хотелось бы отметить, что в обозримом будущем проблема терроризма будет только набирать силу и причинами этого являются трансформационные изменения терроризма, а также крайне неблагоприятное социально-экономическое положение Афганистана, большинства стран Южной и части Центральной Азии. Пока будут существовать

бедность и безработица у террористических организаций не возникнет проблем с вербовкой боевиков, готовых для прокормления семей воевать с кем угодно и где угодно.

Примечания

- (1) South Asia Fatalities 2005-2015 (Источник: <http://www.satp.org/satporgtp/southasia/datasheets/Fatalities.html>. Дата обращения: 17.11.2016).
- (2) Shutapa P. Illegal Immigration: East Bengal in West Bengal // India Today. 14.01.2011

Научная литература

- [1] *Shutapa P.* Illegal Immigration: East Bengal in West Bengal // India Today. 14.01.2011.
- [2] *Щенин Р., Сулейманова Г.* Наркобизнес – глобальная проблема XXI века // Мировая экономика и международные отношения. 2006. №6.
- [3] *Набиев Р.А., Шакиров И.Я.* Ареалы активизации исламских фундаменталистских течений в постсоветских среднеазиатских государствах // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2015. № 3. С.83-90.
- [4] *Яковлев А.Ю.* Глобальное и региональное противодействие терроризму (на примере ООН и СААРК) // Социально-гуманитарные знания. 2013. № 1. С.110-122.
- [5] *Хашханов А.И.* Этнический сепаратизм в Пакистане как угроза региональной безопасности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2015. № 3. С.144-151.

СОДЕРЖАНИЕ

Дегтерев Д.А., Цвык В.А. Анализ региональных конфликтов и афганские исследования в РУДН.....	3
Асадулла М.З. Отношения между Индией и Афганистаном.....	8
Глазова А.В. Основные угрозы безопасности странам Центральной Азии со стороны Афганистана.....	16
Карякин В.В. Дихотомия хаоса и порядка – среда формирования механизмов самоорганизации социально-политической системы Афганистана.....	25
Мендкович Н.А. Проблемы экстремизма и «террористической эмиграции» в Таджикистане.....	37
Никитенко Е.Г., Сергеев Н.А. «Психонетика» как новый научный подход.....	65
Нессар О. О президентских выборах в Афганистане 2014 г.....	79
Серенко И.Н. Пакистан-Афганистан: к проблеме террористической активности в регионе.....	93

Шапиро Н.И. Реконфигурация миссии НАТО в Афганистане: последствия и перспективы.....	104
Шах Махмуд. Особенности имплементации Афганистаном правовых актов в сфере борьбы с терроризмом и защитой прав человека.....	127
Шашков И. В. Картирование ландшафтов Афганистана.....	135
Яковлев А.Ю. Трансграничный терроризм как угроза безопасности (Южная Азия - Афганистан – Центральная Азия).....	153

Научное издание

**СИТУАЦИЯ В АФГАНИСТАНЕ
И ФОРМИРОВАНИЕ
РЕГИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ
БЕЗОПАСНОСТИ
В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ**

Издание подготовлено в авторской редакции

Технический редактор *Н.А. Ясько*
Дизайн обложки *М.В. Рогова, Ю.Н. Ефремова*

Подписано в печать 20.11.2017 г. Формат 60×84/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура Таймс.
Усл. печ. л. 9,77. Тираж 100 экз. Заказ 1822

Российский университет дружбы народов
115419, ГСП-1, г. Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Типография РУДН
115419, ГСП-1, г. Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3, тел. 952-04-41

Для заметок

Для заметок
